

РАЗРУШЬ
Меня

СЕРИЯ «ПРЕКРАСНЫЕ МОНСТРЫ»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СЪЯНКА КОУЛ

18+

Бьянка Коул
Разрушь меня

«Автор»

2026

Коул Б.

Разрушь меня / Б. Коул — «Автор», 2026

Я всегда гордилась тем, что вижу людей насквозь. Но Дмитрий Иванов — загадка. Бостонская элита видит в нём идеального бизнесмена: улыбки, костюмы от Армани. Я же вижу монстра, тьму, которую он прячет. Его взгляд будто хочет поглотить меня. Ненавижу, как моё тело предаёт меня при его прикосновениях, хотя от его высокомерия хочется кричать. Он думает, что может контролировать меня, как всё в своём мире. Он ошибается. Узнав правду о семье Ивановых, я оказалась втянута в опасную игру. Дмитрий пытается защитить меня, держа в неведении, — но из-за его секретов меня могут убить. После похищения всё изменилось: ложь, предательство, осознание, что я была лишь фигурой в его игре. Поэтому я делаю то, чего он не ожидал, — ухожу. Теперь он умоляет, но я не облегчу ему задачу. Если хочет, чтобы я вернулась, пусть покажет себя настоящего. Даже если это разрушит нас обоих.

© Коул Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	37
Глава 12	41
Глава 13	45
Глава 14	48
Глава 15	51
Глава 16	54
Глава 17	56
Глава 18	60
Глава 19	65
Г	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Бьянка Коул

Разрушь меня

Глава 1

ТАШ

Я поднимаю бокал с шампанским, оглядывая богато украшенный зал эпохи Возрождения, заполненный бостонской и европейской элитой. Расписанный фресками потолок Palazzo Vecchio заливает золотистый свет, заставляя все вокруг казаться сказкой, хотя, зная Ивановых, больше похоже Братья Гримм, чем Дисней.— Когда София впервые рассказала мне о Николае, я предупредила ее, что встречаться с русским олигархом — все равно что усыновлять медведя: он впечатляет на вид, но, скорее всего, съест тебя живьем. — Вежливый смех прокатывается по толпе. София, сияющая в своем модном платье, с улыбкой качает мне головой. — Но, наблюдая за ними вместе в прошлом году, я поняла, что она не усыновляла медведя — она приручила его. Мой взгляд скользит к Николаю, который смотрит на Софию так, словно она бесценный шедевр, который он наконец-то приобрел. Этот человек может быть могущественным и слишком богатым, но его преданность моей лучшей подруге неоспорима.— За счастливую пару — пусть ваша история любви по-прежнему не оправдывает ожиданий, и пусть София еще долгие годы будет обводить Николая вокруг своего мизинца. Гости поднимают бокалы. Делая глоток шампанского, я чувствую на себе взгляды. Дмитрий Иванов сидит рядом со своим братом, его пронзительный взгляд устремлен на меня с такой интенсивностью, что у меня мурашки бегут по коже. В отличие от очевидной силы Николая, опасность Дмитрия заключается в его хитрости — в расчетливой манере, с которой он наблюдает за мной поверх своего бокала с шампанским, как будто я головоломка, которую он решает, разгадывать или нет. Я провела достаточно времени среди коллекционеров, чтобы понимать, когда меня оценивают на предмет ценности. Но в эту игру могут играть двое. Я встречаю его взгляд прямо, с вызовом приподнимая бровь. Уголок его рта приподнимается — едва заметно, но есть. София ловит мой взгляд, ее взгляд мечется между мной и Дмитрием. Она бросает на меня тот понимающий взгляд, который она оттачивала со времен учебы в колледже. Трепет разгорается в моем животе, когда я чувствую, что Дмитрий все еще наблюдает за мной, когда я сажусь обратно. Струнный квартет исполняет вальс, и я пробираюсь сквозь толпу к бару. Эти каблуки может и от Louboutin, но они убивают меня после того, как выдержали всю церемонию.— Мартини, очень грязный, — говорю я бармену, прислоняясь к столу из полированного красного дерева.— Сделай двойной. — Рядом со мной материализуется Дмитрий Иванов. — Хотя я сомневаюсь, что что-либо здесь может быть таким же грязным, как твоя речь. Я поворачиваюсь, одаривая его своей лучшей улыбкой дебютантки. — Если тебе это показалось непристойным, ты, должно быть, очень защищен.— Напротив. — Его взгляд скользит по мне с расчетливостью, которой, я ожидаю, он оценивает свои деловые приобретения. — Я просто ожидал большей изысканности от старых денег.— И я ожидала, что от новых денег манеры будут получше, но вот мы и здесь. — Я принимаю свой мартини, делая неторопливый глоток. — Хотя, я полагаю, именно это и происходит, когда богатство приходит слишком быстро — нет времени на изучение надлежащего этикета. Его улыбка не касается глаз. — У вас обо мне сложное мнение, мисс Блэквуд.— Просто наблюдения. София, может, и в восторге от всего этого, но некоторые из нас помнят, какими были Ивановы до того, как стали «респектабельными». — Осторожно. — Он подходит ближе, понижая голос. — Эти наблюдения могут быть опасны. Я отказываюсь отступить, даже когда мой

пульс учащается. — Это угроза, мистер Иванов? — Просто наблюдение. — Он идеально повторяет мой предыдущий тон. — И, пожалуйста, зовите меня Дмитрием. Теперь мы практически семья. — Я бы предпочла обратное. — Я поставила свой стакан. — Семья подразумевает доверие, и я считаю за правило никогда не доверять мужчинам, которые думают, что запугивание — это прелюдия. Мускул на его челюсти напрягается. — И все же ты, кажется, полна решимости привлечь к себе внимание. — Поза Дмитрия расслаблена, но взгляд острый. — Эта речь была не совсем сдержанной. — О, я должна была произнести какой-нибудь пресный, забывчивый тост? За счастливую пару, пусть они живут долго и процветают? — Я жестикулирую своим бокалом. — София заслуживает лучшего, чем плоские банальности. — София заслуживает благоразумия со стороны самых близких ей людей. — Забавно, я и не подозревала, что ты знаток в вопросах того, чего заслуживает моя лучшая подруга. — Оливка в моем мартини внезапно кажется восхитительной. — Хотя, я полагаю, это в духе Ивановых — решать, что лучше для всех остальных. — У тебя довольно острый язычок, мисс Блэквуд. — Семейная черта. Хотя, в отличие от некоторых, мы заработали свою репутацию благодаря остроумию, а не... — Я делаю намеренную паузу. — стратегических приобретениях бизнеса. Его глаза сужаются. — У тебя сложилось твердое мнение о методах ведения бизнеса, о которых ты ничего не знаешь. — Я знаю достаточно. Работа куратора — это не только мазки и происхождение. Ты учишься замечать закономерности, несоответствия. — Я встречаюсь с ним взглядом. — Вещи, которые не совсем сходятся. — Опасное хобби — искать закономерности там, где их нет. — Кто сказал, что их не существует? — Я допиваю свой мартини, но продолжаю держать бокал. — Хотя я уверена, что такому законному бизнесмену, как вы, нечего скрывать. — Каждому есть что скрывать. — Он подходит ближе, и вопреки себе я чувствую, как у меня перехватывает дыхание. — Даже острым на язык музейным кураторам с целевыми фондами и дизайнерской обувью. — Разница в том, что мои секреты не попадают в заголовки газет. — Я выпрямляю спину, отказываясь пугаться его близости. — Или потребуется очень много юристов. Дмитрий наклоняется ближе, его теплое дыхание касается моего уха. — Кстати, о секретах, это платье не оставляет простора для воображения. От осознания у меня мурашки бегут по коже. — Я думала, у нас цивилизованный разговор о деловой практике. — Мы можем обсудить все, что ты захочешь. — Его пальцы касаются моего обнаженного плеча, прикосновение настолько легкое, что может быть случайным. — Может быть, где-нибудь в более уединенном месте? — Твоя репутация опережает тебя, мистер Иванов. — Я делаю шаг назад, но оказываюсь у стойки. — Правда? — Его глаза темнеют, когда он сокращает дистанцию. — И что именно ты слышала? — Что ты относишься к женщинам как к предметам — красивым вещицам, которые нужно собирать и демонстрировать. — Может быть, я просто ценю красоту во всех ее проявлениях. — Его взгляд опускается на мои губы. — А вы, мисс Блэквуд, настоящий шедевр. — А ты настоящая свинья. — Я толкаю его в грудь, но он ловит мое запястье. — Осторожнее. Некоторые мужчины могут обидеться. — Некоторым мужчинам следует научиться лучше переносить отказ. — Привет, Таш! — Появляется Алексей, обнимая Дмитрия за плечи. Его присутствие снимает напряжение, как плеск холодной воды. — Надеюсь Дмитрий не надоедает тебе историями о враждебных поглощениях? — Алексей. — Челюсть Дмитрия сжимается, когда он отпускает мое запястье. — Мы обсуждали кураторство в музее. — Я хватаюсь за этот путь к отступлению обеими руками. — Звучит захватывающе. — Алексей закатывает глаза. — Почти так же захватывающе, как наблюдать, как сохнет краска. Давай, Дмитрий, мы нужны Николаю для семейных фотографий. Ты сможешь напугать друзей Софии позже. Дмитрий бросает на меня взгляд, обещающий, что это еще не конец, но позволяет своему младшему брату увести его прочь. — Спасибо за спасение, — бормочу я. Алексей подмигивает. — Не благодари меня пока. Теперь ты привлекла его внимание, а Дмитрий подобен собаке с костью, когда его что-то интересует. Предупреждение Алексея леденеет у меня в животе. Я слышала шепотки об одержимости Дмитрия — о том, как он поглощает все на своем пути. Чего Дмитрий хочет, то Дмитрий

и получает. Я смотрю, как он шагает вперед, его плечи расправлены в той идеальной осанке, которая кричит о старых деньгах, хотя я знаю, что это приобретено, а не унаследовано. Фотограф расставляет братьев Ивановых возле парадной лестницы, и их динамика разворачивается как в немой пьесе. Николай стоит в центре, с естественной властью в каждой линии своего тела. София прижимается к нему сбоку, словно создана именно для этого места. Эрик занимает позицию чуть позади них, осматривая комнату даже во время того, что должно быть непринужденным семейным моментом. Алексей возится со своим телефоном, пока Дмитрий не выхватывает его с резким русским выговором. — Мисс Блэквуд. — Фотограф машет мне рукой. — Рядом с невестой, пожалуйста. Я подхожу к Софии и проходя мимо, ловлю взгляд Дмитрия. Тот расчетливый взгляд возвращается, как будто он уже решает, какое место я займу в его мире. От этого у меня по коже бегут мурашки — не совсем неприятно, но это только делает ситуацию еще более тревожной. — Ближе друг к другу, — инструктирует фотограф. София сжимает мою руку. — Ты в порядке? — шепчет она. — Ты выглядишь напуганной. — Все отлично. — Я улыбаюсь, прекрасно осознавая присутствие Дмитрия по другую сторону от меня. — Просто интересно, во что я вляпалась. — Добро пожаловать в семью, — бормочет Алексей позади меня, его тон разрывается между весельем и предупреждением. Камера вспышивает, запечатлевая этот момент — София лучезарная, Николай собственнический, Эрик бдительный, Алексей забавный и Дмитрий... Я чувствую, как его рука касается моей поясницы, слишком намеренно, чтобы быть случайной. Я борюсь с желанием отстраниться. В конце концов, разве не об этом я предупреждала Софию? Ивановы коллекционируют не просто произведения искусства — они коллекционируют людей. И теперь, наблюдая за отражением Дмитрия в массивном позолоченном зеркале на другом конце комнаты, я понимаю, что, возможно, привлекла внимание самого опасного коллекционера.

Глава 2

ДМИТРИЙ

Я наблюдаю за ней с другого конца переполненного бального зала Plaza. Наташа Блэквуд воплощает в себе как старомодную грацию, так и острые грани. На ней винтажное платье от Шанель. Темно-синее платье-футляр легко облегает ее фигуру, создавая изящный силуэт, излучающий изысканность. Ткань мягко облегает ее изгибы, ниспадая до щиколоток скромным шлейфом, который добавляет нотку драматизма. Мой брат и его новоиспеченная невеста привлекают к себе наибольшее внимание, как и должны, поскольку это их первое мероприятие в качестве супружеской пары в Бостоне. София излучает особое сияние любимой женщины. В то же время Николай держит ее рядом со своей обычной грацией собственника. Но мое внимание по-прежнему сосредоточено на Наташе, которая с привычной легкостью ориентируется в толпе. — Твоя одержимость проявляется, брат. — Алексей садится рядом со мной с бокалом в руке. — Бедняжка, похоже, готова сорваться с места всякий раз, когда ты попадаешь на ее орбиту. Я провожу пальцем по краю своего стакана с виски. — Она умнее большинства. Инстинкт самосохранения. — И все же она здесь, запертая за нашим столиком на весь вечер. — В усмешке Алексея есть намек на предупреждение. — Постарайся не напугать ее окончательно. Расположение мест было не случайным — я убедился в этом несколько дней назад. Наташа приближается к нашему столику осторожными шагами жертвы, чувствующей на себе взгляд хищника. Темно-красная помада на ее губах переливается на свету, когда она натягивает вежливую улыбку. — Мистер Иванов. — В ее голосе звучит восхитительная нотка настороженности. — Дмитрий, пожалуйста. — Я встаю, выдвигая ее стул прямо напротив своего. Она устраивается в своем кресле с отработанной грацией. — Я слышал, ты предупреждала Софию насчет нас. — Я делаю медленный глоток виски. — Не очень-то поддерживаешь новую семью своей лучшей подруги. — Кто-то же должен заботиться о ее интересах. — Наташа останавливает проходящего официанта и берет бокал шампанского. — С тех пор, как она, похоже, решила окружить себя волками. — Волки? Как неоригинально. Я ожидал от музейного куратора метафор получше. — Прекрасно. Как насчет хищных коллекционеров со слишком большими деньгами и сомнительной этикой? — Ее зеленые глаза сверкают. — Лучше? Я наклоняюсь вперед, наслаждаясь тем, как она напрягается. — Намного. Хотя ты, похоже, и сама чувствуешь себя комфортно среди хищников сегодня вечером. — Только потому, что бегать было бы неприлично. Кроме того, это платье стоит слишком дорого для бега. — Тебе идет. Винтаж от Шанель, конца 60-х? — Я наблюдаю, как она удивляется. — Я знаю своих дизайнеров. — Конечно, знаешь. Дай угадаю — ты, наверное, знаешь точный аукцион, на котором оно продавалось в последний раз? — Лондон, 2019 год. Разумеется. — Я улыбаюсь, когда ее глаза сужаются. — Я считаю своим долгом знать все, мисс Блэквуд. — Какой ужас. — Она неторопливо делает глоток шампанского. — Ты присматриваешься ко всем на своих вечеринках, или я особенная? — А ты как думаешь? — Я думаю, тебе нужно хобби получше, чем преследовать лучшую подругу жены твоего брата. — Но ты оказалась такой интересной. — Я ловлю ее взгляд. — Ты далеко не так равнодушна, как притворяешься. — И ты далеко не так пугающ, как думаешь. — Она с резким щелчком ставит свой бокал. — Хотя, добавлю очков за усилия. Я с удивлением наблюдаю, как Наташа намеренно поворачивается к Эрику справа от нее, который молча наблюдал за комнатой со своей обычной тактической осведомленностью. — Итак, Эрик, София упоминала, что у тебя есть медицинское образование? Где ты учился? Мой брат бросает на нее короткий взгляд, прежде чем вернуться к изучению толпы. Ее плечи напрягаются от его

отказа, но она упорствует. — Меня всегда восхищала полевая медицина. Давление, решения, принимаемые за доли секунды... — От него много разговоров не дождешься, — перебиваю я, взбалтывая виски. — Эрик приберегает свои слова, только на крайний случай. Она бросает на меня острый взгляд. — Все равно лучшая компания, чем ты. — И все же ты не можешь перестать украдкой поглядывать на меня. — Я откидываюсь назад, наслаждаясь тем, как ее щеки красиво розовеют. — Даже когда притворяешься, что восхищена медицинскими познаниями моего брата. — Я не... — Она обрывает себя, сжимая пальцами ножку бокала с шампанским. — Ты действительно думаешь, что все готовы умереть за твое внимание? — Нет, только те, кто слишком много протестует. Эрик резко встает, вероятно, заметив что-то, требующее его внимания. Наташа смотрит ему вслед с плохо скрываемым разочарованием. — Похоже, теперь мы вдвоем. — Я придвигаюсь ближе. — Если только ты не хочешь попробовать вовлечь Алексея в разговор о криптовалютах? — Я бы предпочла этого не делать. — Но на ее губах играет намек на улыбку. — Такая враждебность. А я-то думал, что мы, Ивановы, твои друзья. — Друзья? — Она хихикает, ее веселье горькое. — Ты так называешь то, когда следишь за чьей-то историей моды? — Просто проявляю интерес к твоим увлечениям. Разве не этим занимаются друзья? Ее глаза встречаются с моими. — Мы не друзья, Дмитрий. Мы никто. — Потанцуй со мной, — говорю я, вставая и протягивая руку. Оркестр перешел к более медленной, интимной песне. Ее глаза слегка расширяются. — Не думаю, что это хорошая идея. — Ну же, — Алексей наклоняется вперед, в его глазах появляется знакомый озорной блеск. — Один танец тебя не убьет. Хотя с Дмитрием, кто знает? — Правда, не помогает, — бормочет она, но в уголках ее рта появляется приподнятое выражение. — Таш! — София подходит к нашему столику, раскрасневшаяся после танца с Николаем. — Почему ты не танцуешь? Музыка великолепна. — Вообще-то, я отклонила приглашение твоего шурина. Глаза Софии мечутся между нами, и я узнаю этот блеск сватовства. — О, но ты должна! Дмитрий — превосходный танцор. Один танец не повредит. Я протягиваю руку, наблюдая, как ее решимость рушится под совместным давлением. Ее пальцы подергиваются на коленях. — Прекрасно. Один танец. — Она вкладывает свою руку в мою. — Только потому, что вы все невыносимы. Я помогаю ей подняться на ноги, отмечая, как она старается сохранять максимальную дистанцию, даже когда я тащу ее на танцпол. Ее пульс учащается, когда мои пальцы ложатся на ее запястье. — Расслабься, — напеваю я, привлекая ее к себе. — Я не кусаюсь — обычно. — Это не так обнадеживает, как ты думаешь. — Она позволяет мне притянуть ее ближе, ее тело напрягается рядом с моим. — Знаешь, — я поправляю хватку на ее талии, — для человека, который утверждает, что его не закупаешь, ты ужасно напряженная. — Мне не нравится, когда мной манипулируют. — Так вот что случилось? Я думал, ты сама сделала выбор. Ее глаза сужаются. — Мы оба знаем, что выбора у меня не было. Я провожу ее через поворот, наслаждаясь тем, как идеально она следует за мной, несмотря на ее протесты. — Выбор есть всегда, Наташа. Ты злишься, потому что решила сказать да. У нее перехватывает дыхание, когда я притягиваю ее еще ближе, чем это принято из уважения, моя рука скользит ниже по ее спине. — Удобно? — Я говорю ей на ухо. — Ты невозможен. — Но она не отстраняется. — А ты ужасная лгунья. — Я поворачиваю ее в другую сторону, позволяя своему бедру коснуться ее. — Твои глаза выдают тебя. Расширяясь от желания всякий раз, когда я рядом. Она напрягается. — Ты отвратителен. — Правда? — Я обнимаю ее крепче. — Держу пари, что с тебя капает прямо сейчас из-под этого красивого платья. Ее резкий вдох говорит мне, что я попал в точку. Ее пальцы впиваются в мое плечо. — Ты не можешь говорить такие вещи, — шипит она. — Почему нет? Мы оба знаем, что это правда. — Я позволяю своим губам коснуться ее уха. — Я чувствую, как ты реагируешь на меня. — Прекрати. — Заставь меня. — Я отстраняюсь достаточно, чтобы встретиться с ней взглядом, и вижу, что ее зрачки расширились от желания. — Скажи мне, что я неправ, Наташа. Скажи мне, что ты не думаешь обо мне поздно ночью, одна в своей постели. Ее щеки краснеют, но она выдерживает мой взгляд. — Ты чудовище. — Да, — соглашаюсь я. — И все же ты здесь, прижата ко мне

и становишься все влажнее с каждой секундой. Моя рука скользит ниже, обхватывая ее попку через шелк платья. — Держу пари, ты из тех, кто в отчаянии очень мило умоляет. Удар ее ладони по моей щеке эхом разносится по танцполу. Несколько голов поворачиваются в нашу сторону, когда Наташа вырывается из моей хватки, ее глаза пылают яростью. — Как ты смеешь. — Ее голос срывается от ярости. — Мне все равно, кто ты и какой властью, по твоему мнению, обладаешь. Я не одна из твоих девиц, которых можно лапать. Она разворачивается на каблуках и стремительно покидает танцпол, оставляя меня с горячей щекой. Ее идеальный лак потрескался, открывая под ним нечто гораздо более завораживающее. Я касаюсь своего лица, все еще чувствуя жжение от ее руки. Никто не осмеливался ударить меня годами. Последний человек, который пытался это сделать, оказался в Ист-Ривер. Наблюдение за ее удаляющейся фигурой и за тем, как ее спина остается прямой, как шомпол, даже когда она практически вибрирует от гнева, пробуждает во мне что-то первобытное. Ее не пугают богатство или власть, на нее не производит впечатления мое имя или репутация. Большинство женщин набрасываются на меня, стремясь привлечь внимание Иванова. Вместо этого Наташа Блэквуд дала мне пощечину на глазах у половины бостонской элиты и ушла, как будто я ничто. Я не могу оторвать глаз, когда она хватается свой клатч с нашего столика и направляется к выходу. Ритм ее бедер несет в себе скорее ощущение силы, чем опасение. Завораживающе.

Глава 3

ТАШ

Я просматриваю предложение о приобретении, лежащее на моем столе, потягивая кофе. Коллекция Петрова, возможно, является лучшим собранием русского искусства императорской эпохи за пределами Эрмитажа. Моя кураторская команда потратила месяцы, объясняя, почему это должно быть в нашем музее. Стук в дверь моего кабинета нарушает мою концентрацию. — Мисс Блэквуд, заседание правления начинается через пять минут. — Спасибо, Сара. — Я собираю свои материалы и поправляю пиджак. В зале заседаний воцаряется тишина, когда я вхожу. И вот он — Дмитрий Иванов, развалившийся в одном из кожаных кресел, словно он здесь хозяин. Он практически им и является из-за своего недавнего «щедрого пожертвования» на то, чтобы стать членом правления. Поверьте, он решит подразнить меня, войдя в мое безопасное место. Место, где я работаю. Его льдисто-голубые глаза встречаются с моими. — Пожалуйста, мисс Блэквуд. Расскажите нам об этой очаровательной коллекции. Я начинаю свою презентацию, сохраняя ровный голос, несмотря на его хищный взгляд. — Коллекция Петрова представляет собой уникальную возможность... — Действительно уникальную. — Ровный голос Дмитрия прерывает меня. — Хотя мне интересно, полностью ли музей учел сложности приобретения таких экспонатов. У меня сжимается челюсть. — Происхождение безупречно. Каждая вещь прошла тщательную проверку подлинности. — Конечно. — Его улыбка натянута. — Но есть и другие соображения. Политические соображения. Текущие события. Остальным членам правления, похоже, не по себе. Я знаю, что он делает — использует нынешнюю напряженность в отношениях с Россией, чтобы посеять сомнения. — Искусство выше политики, — возражаю я. — Эти произведения принадлежат культурному наследию человечества. — Благодарное чувство. — Он наклоняется вперед. — Но, возможно, нам следует отложить это обсуждение до следующего квартала. Дайте каждому возможность поразмыслить. Я наблюдаю, как остальные члены правления согласно кивают, уже находясь под его влиянием. Приобретение, ради которого я так усердно работала, ускользает из рук, потому что Дмитрий Иванов решил поиграть в игры. Его глаза снова с вызовом встречаются с моими. Дело не только в искусстве — дело в силе. И он показывает мне, сколько именно у него есть. — При всем уважении, мистер Иванов, вынесение этого решения на обсуждение не имеет никакой цели, кроме задержки. Коллекция Петрова — это приобретение, требующее времени. Я раскладываю фотографии на столе из красного дерева. — Эти произведения представляют более двух столетий достижений русского искусства. Одни только яйца Фаберже... — Что делает их политически чувствительными в нынешней обстановке. — В голосе Дмитрия слышится властность, которая, вероятно, творит чудеса при его корпоративных поглощениях. — Искусство должно быть выше политики. — Я встречаю его взгляд прямо. — Наш музей всегда выступал за сохранение культуры превыше всего. Вот почему у нас есть египетские артефакты, греческие скульптуры и, да, русские шедевры. — Благородные идеалы. — Он берет одну из фотографий, изучает ее. — Но идеалы не оплачивают счета и не преодолевают международные санкции. — Нет, но честность имеет значение. — Я выхватываю фотографию из его рук. — Наша репутация этичного приобретения и демонстрации сделала нас одним из самых уважаемых учреждений в Северной Америке. Такая репутация стоит больше, чем любое отдельное пожертвование. Что-то промелькнуло на его лице. Наши коллеги-члены правления наблюдают за нашей перепалкой, как за теннисным матчем. — Вы, кажется, увлечены этим, мисс Блэквуд. — Я увлечена сохранением произведений искусства и исторических артефактов для будущих поколений. Это буквально моя работа.

— Я показываю на предложение. — Каждое изделие в этой коллекции проверено. Все законно. Единственное, что нас останавливает, — это страх, и с каких это пор музей поддается политическому давлению? — Поскольку реальность диктовала нам это сделать, — возражает он. — Или вы думали, что история существует в вакууме? — Нет, но и не следует делать ее заложницей временных политических ветров. Этим экспонатам место в музее, а не в частных хранилищах, потому что мы слишком напуганы, чтобы поступать правильно. Чары рассеиваются, когда Джеральд Томпсон прочищает горло. Я почти забыла обо всех присутствующих, так увлеклась своей стычкой с Дмитрием. — Вы оба выдвигаете обоснованные аргументы, — говорит Джеральд, поправляя галстук-бабочку. — Возможно, нам следует вынести это на голосование? Марта Чен наклоняется вперед. — Я согласна с мисс Блэквуд по поводу значимости коллекции, но опасения мистера Иванова по поводу сроков нельзя игнорировать. — Время никогда не будет идеальным, — говорю я, но мой голос теряет резкость. Теперь комната кажется другой, поскольку напряженность между мной и Дмитрием рассеялась, как дым. — Мы могли бы учредить комитет, — предлагает Роберт Уолш, — для более тщательной оценки политических последствий. Я замечаю, как Дмитрий едва заметно закатывает глаза. В кои-то веки мы разделяем одну и ту же мысль — комитеты — это место, где умирают хорошие идеи. Остальные члены совета директоров высказывают свое мнение, их голоса перекликаются. Я откидываюсь на спинку удобного кресла, адреналин от моей конфронтации с Дмитрием угасает. Его присутствие все еще покалывает мое сознание, но момент электрической связи прошел. Сара делает быстрые заметки, пока обсуждение превращается в обычный бюрократический цирк. Я украдкой бросаю взгляд на Дмитрия и обнаруживаю, что он уже наблюдает за мной. Выражение его лица непроницаемо. — Давайте назначим другую встречу, — объявляет Джеральд. — Дайте всем время более тщательно изучить материалы. Вот так энергия покидает помещение. Члены правления собирают свои бумаги, уже обсуждая планы на обед. Страсть и напряжение, которые были несколько мгновений назад, кажутся сном. Зал заседаний пустеет от вороха бумаг и невнятных прощаний. Я собираю свои материалы, горя желанием вернуться в свой офис и зализать раны. — Мисс Блэквуд. — Голос Дмитрия приковывает меня к месту. — Останетесь на минутку? Последний член правления закрывает за собой дверь, оставляя нас одних. Комната почему-то кажется меньше, заряженная энергией, от которой у меня мурашки бегут по коже. — Если ты собираешься злорадствовать... — Ты произвела на меня впечатление сегодня. — Он подходит ближе, ослабляя галстук. — Не многие люди могут так сопротивляться мне. — Я не сопротивлялась тебе. Я делала свою работу. — Я отступаю, пока не наткнулась на стол. — Коллекция... — Коллекция важна, да. — Его взгляд скользит к моим губам. — Но мы оба знаем, что это нечто большее, чем искусство. Мои щеки заливают румянец. — Дело не в играх за власть, мистер Иванов. — Дмитрий. — Он кладет руки на стол, по обе стороны от меня. Не прикасаясь ко мне, а заключая в клетку. — И ты ошибаешься. Все упирается во власть. У меня перехватывает дыхание. Находясь так близко, я чувствую запах его одеколona и вижу едва заметный шрам у виска. — Тогда ты должен знать, что я плохо реагирую на запугивание. — Правда? — Его губы кривятся. — И на что ты реагируешь, Наташа? От тона, которым он произносит мое полное имя, у меня по спине бегут мурашки. Я сильнее прижимаюсь к прохладному дереву позади себя, пытаюсь побороть желание прикоснуться к нему. — Уважение, — выдавливаю я. — Которого ты сегодня продемонстрировал удивительно мало. — Напротив. — Он наклоняется ближе, его дыхание касается моего уха. — Твоя страсть, твой вызов... они вызывают уважение. Даже когда я не согласен с твоими методами. — А как насчет твоих методов? Использование денег для манипулирования... — Чтобы защитить то, что принадлежит мне. — Его взгляд опускается на мои губы. — Мы не такие уж разные. Мы оба боремся за то, чего хотим. Воздух между нами потрескивает от напряжения. Я должна оттолкнуть его и сохранять профессиональную дистанцию. Вместо этого меня затягивает на его орбиту, как метеор, попавший под действие силы тяжести. Его близость путает мои мысли, но я вкладываю сталь в свой голос.

— Чего именно ты хочешь, Дмитрий?— Прямо сейчас? — Его пальцы легко, как перышко, ласкают мое бедро. — Я хочу знать, ко всему ли ты относишься с такой страстью.— Только за то, за что стоит бороться. — Ненавижу, как хрипло звучит мой голос.— И я стою борьбы?.. или нет? — Его губы изгибаются в сногшибательной улыбке. Мой пульс бешено колотится. — От тебя стоит уходить.— И все же ты остаешься здесь. — Его большой палец рисует маленькие круги на моем бедре. — Не бежишь.— Я не убегаю, мистер Иванов, как бы сильно я не боялась.— Сейчас в твоих глазах нет страха, Наташа. — Его голос понижается на октаву. — Есть кое-что совсем другое. Дверная ручка шелкает. Мы отпрыгиваем друг от друга, когда Сара просовывает голову внутрь. — Мисс Блэквуд? Тебя ждут к двум часам.— Иду. — Я собираю свои бумаги, избегая взгляда Дмитрия. Я практически выбегаю из зала заседаний. О чем, черт возьми, я только думала? Подобраться к нему так близко, позволить ему прикоснуться ко мне? Этот человек опасен — я достаточно раз предупреждала Софию о его семье, чтобы знать лучше. Но Боже, как он смотрел на меня...Нет. Нет, нет, нет. Я нажимаю на кнопку лифта сильнее, чем необходимо. Мне нужно привести в порядок голову. Сосредоточиться на работе. Забыть, какие у него на ощупь пальцы, какой стойкий запах его одеколona...Черт возьми.

Глава 4

ДМИТРИЙ

Со своего наблюдательного пункта возле бара я осматриваю зал, заноса в каталог каждую деталь сегодняшнего благотворительного гала-концерта. Вокруг толпятся обычные люди — старые деньги смешиваются с новыми, карьеристы, отчаянно нуждающиеся во внимании, филантропы, добивающиеся списания налогов. Но мое внимание приковано к одной фигуре в другом конце комнаты. Наташа скользит сквозь толпу в черном платье от Dior, которое облегает ее изгибы, как вторая кожа. Платье имеет смелый разрез, который при каждом шаге обнажает ноги. Ее темные волосы ниспадают каскадом на одно плечо, привлекая внимание к элегантной линии шеи. Сегодня вечером она сменила свои фирменные красные губы на более мягкие розовые. Мои пальцы сжимают стакан с виски. Она привлекает внимание, не прилагая усилий, — редкое качество в этих кругах, где воздух пропитан отчаянием. Несколько мужчин пытаются поймать ее взгляд, но она отстраняет их с отработанной грацией. — Твоя новая навязчивая идея, брат? — Николай подходит ко мне сбоку, проследив за моим взглядом. — Наблюдательность не сродни одержимости. — Я смакую еще глоток, позволяя жжению отвлечь меня от желания пересечь комнату. — Нет? Тогда почему ты почти не отводил от нее глаз с тех пор, как она появилась? Я оставляю его слова без ответа. Наташа смеется над чем-то, что говорит ее собеседник, звук эхом разносится по комнате. Ее голова откидывается назад, обнажая горло. Ее бриллиантовое кольцо отражает свет, привлекая мой взгляд к уязвимой впадинке под ним. — Она не такая, как другие, — продолжает Николай. — Она видит меня насквозь. — Хорошо. — Я ставлю пустой стакан. — Фасад наводит на меня скуку. Взгляд Наташи, наконец, встречается с моим через всю комнату. Между ее бровями появляется легкая морщинка, прежде чем она отводит взгляд, но не раньше, чем я замечаю вспышку тепла в ее глазах. Мой пульс учащается от этого молчаливого подтверждения. — Просто помни, — говорит Николай, — что некоторые произведения искусства нужно оценивать на расстоянии. Я поправляю манжеты, на моих губах играет улыбка. — Когда это я довольствовался простым наблюдением? Я слежу за передвижениями Наташи в толпе, отмечая, как она умело отклоняет ухаживания пьяных богатых личностей. Но один особенно настойчивый дурак не может понять намек. Грегори Мэтьюз, из новых денег, пытающийся купить себе дорогу в высшие эшелоны общества. Моя челюсть сжимается, когда я смотрю, как он загоняет ее в угол возле мраморной колонны, его мясистая рука обхватывает ее запястье. Хрустальный бокал с шампанским в моей руке грозит разбиться вдребезги. — Я сказала «нет». — Голос Наташи чистый и резкий, несмотря на музыку. Она пытается вырваться, но Мэтьюз преграждает ей путь. — Давай, милая. Один танец. — Другая его рука скользит по ее спине. Прежде чем я осознаю собственное движение, я пересекаю комнату. Мои пальцы впиваются в его плечо, разворачивая его. — Убери от нее руки. — Каждое слово покрывается льдом. Лицо Мэтьюса краснеет. — Это частный разговор... — Который закончился в тот момент, когда она сказала «нет». — Я встаю между ними, спиной к Наташе. Температура в моей груди падает еще на десять градусов. — Если только ты не предпочитаешь обсудить правила этикета в более уединенном месте? Понимание, наконец, появляется в его затуманенных алкоголем глазах. Он отшатывается назад, подняв руки. — Моя ошибка. Я не хотел тебя обидеть. — Уходи. Он практически бежит. Умный человек. Я поворачиваюсь и вижу, что Наташа смотрит на меня широко раскрытыми от удивления зелеными глазами. На ее лице отражается смесь эмоций — облегчение, замешательство, настороженность. Ее пульс заметно трепещет у основания горла. — Я бы справилась с ним, — говорит она, вздергивая

подбородок. — Я в курсе. — Я дотягиваюсь до ее запястья, где Мэтьюз схватил ее, осматривая покрасневшую кожу. Ярость скручивает меня изнутри при виде отметин. — Но ты не должна была этого делать. Она резко вдыхает от моего прикосновения, но не отстраняется. — Я не ожидала, что ты... — Что? Останусь в стороне, пока другой мужчина лапал тебя? — Слова выходят жестче, чем я намеревался, раскрывая больше, чем я планировал. Ее глаза еще больше расширяются от моего собственнического тона. — Потанцуй со мной. — Мой тон не терпит возражений, когда я протягиваю руку. Оркестр переходит к медленному вальсу, время выбрано идеально. — А если я откажусь? — Глаза Наташи наполняются вызовом. — Ты хочешь повторить наш прошлый танец? Когда я дала тебе пощечину, Дмитрий? — Тогда мы устроим сцену. Это твой выбор. — Я подхожу ближе, понижая голос. — Но мы оба знаем, что здесь важна внешность. Электричество пронзает мою ладонь в тот момент, когда она кладет свою руку в мою. Я веду ее на танцпол, располагая нас так, чтобы Мэтьюз мог видеть свою замену. Моя рука опускается на ее поясницу, кончики пальцев касаются обнаженной кожи через вырез платья. — Так обычно ты добиваешься своего? — Она двигается с естественной грацией, идеально выдерживая ритм. — Угрозы, обернутые в бархат? — Только при необходимости. — Я притягиваю ее ближе, чем положено, наслаждаясь тем, как у нее перехватывает дыхание. — Хотя я предпочитаю думать об этом как о взаимной выгоде. — И какую выгоду я получаю? — Ее ногти слегка впиваются в мое плечо. — Кроме спасения от нежелательных приставаний? — Я плавно разворачиваю ее, используя движение, чтобы прижать вплотную к себе. — Защита. Статус. Людям приятно находиться в моем обществе. Она смеется. — Твое самолюбие не знает границ. — Это не самолюбие, если это правда. — Мой большой палец рисует маленькие круги на ее спине. — Ты дрожишь. — Это просто гнев. — Но ее зрачки расширены, что выдает ее. — Мы так это называем? — Я поворачиваю ее, мое бедро прижимается к ее. — Твое тело рассказывает совсем другую историю. — Мое тело не знает, что лучше. — Ее пальцы сжимают мою руку. — Мой разум знает. — Твой разум слишком много думает. — Я наклоняюсь ближе, мои губы касаются ее уха. — Иногда инстинкты знают лучше. Она дрожит, затем напрягается. — А каковы твои инстинкты? Обладание? Контроль? — Защита того, что принадлежит мне. — Слова вырываются прежде, чем я успеваю их остановить. — Я не принадлежу тебе. — Но она не отстраняется. — Пока нет. Музыка стихает, и Наташа отступает назад, разрывая нашу связь. Ее щеки пылают, посылая жар по моим венам. — Спасибо за танец. — Она разглаживает платье, к ней возвращается самообладание. — Прошу меня извинить. Я смотрю, как она удаляется сквозь толпу, сопротивляясь искушению последовать за ней. Ноги сами несут меня к бару, где я заказываю чистый двойной скотч. Ожог от алкоголя не совсем соответствует тому огню, который она разожгла. — Что ж, это было интересно. — Алексей садится на табурет рядом со мной с понимающей ухмылкой. — Никогда раньше не видел, чтобы ты так терял контроль. — Я не терял контроль. — Слова выходят резче, чем предполагалось. Эрик появляется с другой стороны от меня, его молчаливое присутствие более осуждающее, чем поддразнивания Алексея. — Вся комната заметила. — Что заметила? — Я сохраняю голос ровным, хотя пальцы сжимают стакан. — Электричество. — Алексей крадет мой напиток, делая глоток. — То, как ты выглядел, готовый сломать Мэтьюзу руку. Танцевальные движения, которые определенно не соответствуют правилам. — Ей нужна была помощь. — С каких это пор ты играешь в белого рыцаря? — Вопрос Эрика попадает слишком близко к цели. — Она другая. — Признание вырывается прежде, чем я успеваю его остановить. Брови Алексея взлетают вверх. — Могущественный Дмитрий только что признался, что у него есть чувства? — Осторожнее, брат. — Но моему обычному угрожающему тону не хватает резкости. Мои глаза отслеживают Наташу через комнату, где она присоединилась к Софии. — Ты даже не слушаешь. — Алексей машет рукой у меня перед лицом. — У тебя плохо получается. — Хватит. — Я осушаю свой бокал, выбитый из колеи тем, как легко они меня поняли. Еще больше меня выбивает из колеи то, насколько они правы. — Великого манипулятора, наконец-то обыграли. — В редкой улыбке

Эрика слишком много понимания. — Женщина, которая ясно видит твои игры насквозь. Я подаю знак бармену принести еще выпивку, не в силах отрицать их наблюдения. Потеря контроля, какой бы незначительной она ни была, пугает меня больше, чем я хочу признать.

Глава 5

ТАШ

Я прислоняюсь к девственно чистой мраморной стойке Софии, покачивая бокал с вином. — Не могу поверить, что ты пригласила братьев. Предполагалось, что это будет наш девичник. София достает из духовки свежий хлеб, кухню наполняет аромат розмарина. — Теперь они семья. — Семья, у которой, вероятно, есть свои дома, где можно посидеть. — Я делаю большой глоток каберне. — И, кстати, о призраках, как проходит фаза медового месяца? Все еще крестишь каждую поверхность? Румянец заливает шею Софии, когда она раскладывает хлеб в корзинку. — Таш! — Что? Этот румянец говорит мне обо всем. Посмотри на себя, настоящая домашняя богиня встречается с сексуальным котенком. — Проходя мимо, я касаюсь ее бедра. — Никогда не думала, что доживу до того дня, когда София Хенли будет играть в дом. — С ним все по-другому. — Она замолкает, занося нож над куском сыра. — Абсолютно по-другому. — О, милая, я знаю. То, как этот мужчина смотрит на тебя... — Я театрально обмахиваюсь. — Как будто он хочет поглотить тебя целиком. София кидает мне в голову кухонное полотенце. — Как будто ты не заметила, как Дмитрий наблюдает за тобой. — Мы не будем обсуждать этого конкретного дьявола. — Я краду ломтик сыра. — Сегодня день о тебе и твоём ненасытном русском. — Он не ненасытный. — Она прикусывает губу, сдерживая улыбку. — Он просто... дотошный. — Дотошный? — Я чуть не подавилась вином. — Теперь мы это так называем? Потому что эти отметины, выглядывающие из-под твоего ошейника, рассказывают совсем другую историю. Рука Софии взлетает к шее, глаза расширяются. — Они видны? — Только для того, кто знает, где искать. — Я наполняю наши бокалы. — Но серьезно, ты счастлива? — До безумия. — Все ее лицо смягчается. — Даже с учетом сложных деталей. — Хорошо. Ты это заслужила. — Я поднимаю свой бокал. — Хотя в следующий раз предупреди девушку, прежде чем приглашать на ужин толпу русских бизнесменов. — Дамы, наши ребята становятся беспокойными. — Алексей неторопливо входит в кухню, вся стройная грация и озорство. — Нужна помощь? Или просто прячешься от определенных людей? Я бросаю на него сердитый взгляд. — Мы не прячемся. Мы готовим. Он отламывает кусочек выдержанной гауды и отправляет в рот. — Готовишь, избегаешь... такая тонкая грань. — В его зеленых глазах пляшут искорки веселья. — Особенно с тех пор, как только что приехал мой дорогой брат. — Разве у тебя нет какой-нибудь системы, которую нужно взломать? — Я поворачиваюсь к нему спиной, раскладывая крекеры более энергично, чем необходимо. — И пропустишь все представление? — Он прислоняется к стойке. — Никогда. Сексуальное напряжение между вами двумя лучше любой мыльной оперы. София пытается скрыть улыбку за бокалом вина. Предательница. — Нет никакого напряжения, — огрызаюсь я. — Сексуального или иного. — Конечно. — Алексей подмигивает, воруя еще один кусочек сыра. — Вот почему вы оба кружите друг вокруг друга, как голодные волки. Совсем никакого напряжения. — Вон! — Я указываю на дверь. — Прежде чем я расскажу Николаю о той штуке с его ноутбуком. — Ты не посмеешь. — Но он уже отступает, подняв руки в притворной капитуляции. — Хорошо, я оставлю тебя с твоей «готовкой». Но не вини меня, когда он придет искать. Как только он уходит, я прислоняюсь к стойке. — Клянусь, твой шурин невозможен. — У него добрые намерения, — говорит София. — И он не совсем неправ насчет... — Не надо. Просто не надо. — Я потираю виски. — Дмитрий Иванов — последнее, что мне нужно в жизни. Он высокомерный, властный и думает, что все продается. Включая людей. — Кто думает, что все продается? У меня кровь стынет в жилах. Этот глубокий голос с акцентом может принадлежать только одному человеку. Я медленно поворачиваюсь

и вижу Дмитрия, стоящего в дверях кухни, его ледниково-голубые глаза прикованы к моим. — Как долго ты там стоишь? — Мой голос звучит смущающе слабо. — Достаточно долго. — Его губы изгибаются в обворожительной улыбке, которая не достигает глаз. — Пожалуйста, не позволяй мне перебивать. Ты говорила что-то о высокомерии и контроле? Мое лицо горит, когда через комнату пролетает София, как всегда грациозная хозяйка. — Как раз вовремя! Все готово. Не перейти ли нам в столовую? — Она бросает на меня сочувственный взгляд, собирая сырную доску. — Вот, позволь мне помочь. — Я тянусь к бутылкам с вином, отчаянно пытаюсь найти любой предлог, чтобы избежать пронзительного взгляда Дмитрия. — Я сам. — Пальцы Дмитрия касаются моих, когда он берет бутылки, отчего по мне пробегает непрощенная дрожь. — Ты сосредоточься на том, чтобы ничего не уронить, избегая меня. — Я не... — начинаю я, но София перебивает меня. — Стол уже накрыт. Дмитрий, ты не мог бы отнести это? — Она указывает на вино. — Таш, принесешь хлеб? Я беру корзину и следую за ними в официальную столовую. Длинный стол из красного дерева поблескивает под хрустальными люстрами, накрытый для интимного ужина на шестерых. Мои шаги замедляются, когда я замечаю карточки с местами. София посадила меня рядом с Дмитрием. — Серьезно? — Бормочу я себе под нос, проходя мимо нее. Она пожимает плечами, не выглядя ни в малейшей степени извиняющейся. — Вы оба взрослые люди. Ведите себя хорошо. Я сажусь на свое место, прекрасно осознавая, что Дмитрий устраивается рядом со мной. Его одеколон такой мужественный, и он окутывает меня чувственным туманом. Я тянусь за своим бокалом вина, нуждаясь в жидком мужестве. — Позволь мне. — Голос Дмитрия становится низким, когда он наливает темно-красное вино в мой бокал. Я смотрю, как братья устраиваются на своих местах, их непринужденная фамильярность резко контрастирует с напряжением, пронизывающим мое тело. Я не привыкла к такой непринужденной обстановке. Моя семья ведет себя настолько официально, насколько это возможно. Николай занимает свое место во главе стола, София справа от него, их пальцы переплетены на скатерти. — Итак, Алексей, — глубокий голос Эрика нарушает тишину. — Ты все еще терроризируешь ИТ-отдел? — Пожалуйста, они любят меня. — Алексей разваливается в кресле. — Я разрушаю их системы только тогда, когда они этого заслуживают. — И это ежедневно, — растягивает слова Дмитрий рядом со мной, его колено задевает мое под столом. Я отстраняюсь, но деваться особо некуда. — Не все ценят мой творческий подход к сетевой безопасности. — Алексей берет кусок хлеба. — В отличие от творческого подхода Дмитрия к заседаниям совета директоров. Я напрягаюсь, но Дмитрий только посмеивается. — По крайней мере, я появляюсь на встречах. В отличие от тех, кто думает, что удаленный взлом считается посещаемостью. — Мальчики, — вмешивается София, передавая салат. — Давайте не будем возвращаться к старым спорам. — Что в этом веселого, малышка? — Николай целует ей руку. — Кроме того, Наташа еще не слышала всех наших лучших историй. — А ей и не нужно, — бормочу я, но Эрик подхватывает мои слова. — О, я думаю, что нужно. В его глазах появляются морщинки редкого юмора. — Как в тот раз, когда Дмитрий перепрограммировал всю систему Алексея, чтобы он говорил только цитатами из Шекспира. — Это был ты? — Алексей обвиняюще указывает вилкой на Дмитрия. — Я потратил три дня на ее отладку! Вопреки себе, я смеюсь. — Серьезно? — Он сам напросился. — Плечо Дмитрия касается моего, когда он тянется за вином. — Он изменил все мои электронные таблицы на Comic Sans. — Купель королей, — торжественно объявляет Алексей, заставляя Софию хихикать. После этого беседа течет легче, истории и шутки передаются через стол. Я обнаруживаю, что постепенно расслабляюсь, втягиваясь в их динамику, несмотря на мои оговорки. Небольшая ревность расцветает у меня в животе, когда я вижу, что София нашла здесь, поскольку она легко вписывается в их динамику. Могла бы я вписаться с Дмитрием? Я почти качаю головой про себя, потому что эта идея нелепа. Однако даже Дмитрий кажется менее устрашающим, когда обменивается колкостями со своими братьями, хотя я остро ощущаю его присутствие рядом со мной. Я выскальзываю из столовой, нуждаясь в пространстве от подавляющего присутствия Дмитрия и своих мыслей о

том, чтобы как-то вписаться в его семью, когда он мне категорически не нравится. Прохладный воздух кухни касается моей разгоряченной кожи, когда я направляюсь к винному стеллажу. Мои мысли витают за много миль отсюда, пока я просматриваю этикетки.— Бордо 82-го. — Голос Дмитрия заставляет меня подпрыгнуть. — Третья полка. Я оборачиваюсь, чуть не роняя бутылку, которую держу в руках. — Ты всегда так подкрадываешься к людям?— Только когда они убегают. — Он подходит ближе, протягивая руку за штопором. Его грудь касается моего плеча.— Я не убегаю. — Я отступаю в сторону, создавая дистанцию. — Я просто хочу еще вина.— Конечно. — Он берет бутылку из моих рук, его пальцы задерживаются на моих. — Это не имеет отношения к тому, что ты избегаешь меня.— Не все вращается вокруг тебя. — Но моему голосу не хватает ярости. Он изучает меня, пока открывает вино, его движения точны и контролируемы. — Скажи мне что-нибудь правдивое, Наташа.— Что?— Одна честная вещь. Без уклонений, без резких комментариев. — Он ставит бутылку. — Только правда. Я встречаюсь с ним взглядом, удивленная его неподдельным интересом. — Я... Мне страшно.— Из-за меня?— Того, что ты олицетворяешь. — Слова вырываются прежде, чем я успеваю их остановить. — Власть, контроль, опасность. Все, чего мне не следует хотеть. Он подходит ближе, его рука касается моей щеки. — И чего ты хочешь? У меня перехватывает дыхание. Электрическое напряжение заполняет пространство между нами, когда его большой палец проводит по моей нижней губе.— Я больше не знаю, — шепчу я. Его взгляд становится мрачным, когда он наклоняется...— Эй, где вино? — Голос Алексея прерывает момент. — Некоторые из нас здесь умирают от жажды! Я отшатываюсь, мое сердце бешено колотится. Челюсти Дмитрия сжимаются, когда он хватается за бутылку.— Иду, — зовет он, не сводя с меня глаз. — Мы еще не закончили. В тот момент, когда Дмитрий уходит, мои колени подкашиваются, и я опускаюсь на стойку, прижимаясь лбом к прохладному мрамору. — Возьми себя в руки, — бормочу я. — Он просто еще один богатый мудака, который думает, что ему принадлежит весь мир. Но теплота его большого пальца на моей губе говорит об обратном. Я все еще чувствую запах его одеколona и электрический разряд между нами. Все мое тело гудит от осознания, и я ненавижу себя за это.— Это именно то, чего он хочет. — Я выпрямляюсь, разглаживая платье. — Он привык, что люди падают к его ногам, падают в обморок от его идеальных костюмов и этого дурацкого акцента. Боже, что со мной не так? Я и раньше имела дело с влиятельными мужчинами. Половина моей работы — болтать с титулованными коллекционерами, которые думают, что их банковские счета делают их неотразимыми. Но Дмитрий... он другой. Он не просто хочет обладать искусством или статусом. Он хочет обладать людьми. Владеть ими полностью. Я видела, как сотрудники его компании смотрят на него со страхом и преданностью.— И ты ведешь себя точно так же, как они, — ругаю я свое отражение в окне. — Становишься слабой из-за нескольких пристальных взглядов и нескольких рассчитанных прикосновений. Мои щеки покрываются краской, когда я вспоминаю, как близко он стоял и как потемнели его глаза, когда я призналась, что напугана. Вероятно, ему это нравилось, когда очередная глупая женщина дрожала у его ног. Я беру свежий стакан воды и залпом осушаю его. Прохладная жидкость помогает прояснить мою голову, но не смывает затяжной жар под кожей.— Высокомерный, манипулирующий ублюдок, — шепчу я, но словам не хватает убежденности. Потому что в глубине души, в тех местах, которые я не хочу исследовать, я знаю, что на меня влияет не только его высокомерие. Это проблески чего-то честного под этой идеально контролируемой внешностью.

Глава 6

ТАШ

Я захопываю очередную папку, разочарование нарастает, пока я в сотый раз просматриваю документы о приобретении Петрова. Опасения совета по поводу политической нестабильности обоснованы. Тем не менее, этой коллекции место в музее, а не в частном хранилище какого-нибудь олигарха. Стук дорожных туфель по мрамору заставляет меня поднять глаза. Дмитрий стоит в дверях моего кабинета, его костюм, как всегда, безупречен, несмотря на поздний час.— Музей закрылся два часа назад. — Я не пытаюсь скрыть свое раздражение.— Но ты здесь. — Он заходит внутрь без приглашения. — Все еще сражаешься за наследие Петрова.— Кто-то должен сохранять историю искусства, а не копить ее для частных коллекций.Его губы кривятся. — Ты думаешь, дело в этом? Частные коллекционеры против публичного доступа? — Разве нет? — Я встаю, собирая разбросанные бумаги. — Твои «опасения» на заседании правления были кристально ясны.— Я беспокоился о том, чтобы уберечь музей от международного инцидента. — Он подходит ближе и берет в руки одну из фотографий из коллекции. — Связи семьи Петровых с определенными политическими деятелями делают это приобретение сложным— Искусство не должно быть политическим.— Все связано с политикой. — Его тон становится более резким. — Особенно российские артефакты стоимостью в двенадцать миллионов долларов в условиях нынешней напряженности.Я выхватываю фотографию у него из рук. — Значит, мы позволяем бесценным вещам пропадать, потому что боимся взъерошить перья?— Нет. — Он хватает меня за запястье, его большой палец прижимается к учащающемуся пульсу. — Мы найдем другой способ заполучить их. Такой, который не подвергнет музей риску.— Каким способом?В его глазах мелькает что-то опасное. — Позволь мне вести переговоры. У меня есть... связи, которые могут все уладить.— Зачем тебе помогать? — Я высвобождаю руку, не обращая внимания на то, как горит моя кожа в том месте, где он прикоснулся ко мне.— Возможно, мне нравится смотреть, как ты борешься за то, чего хочешь. — Он поправляет манжеты. — Даже когда ты борешься со мной.— Независимость куратора означает принятие решений на основе художественных и исторических достоинств, а не политических соображений. — Я обхожу свой стол, увеличивая расстояние между нами. — В тот момент, когда мы позволяем внешним влияниям диктовать наши приобретения...— Внешние влияния уже все диктуют. — Голос Дмитрия раздражающе спокоен. — Ты думаешь, у ваших нынешних спонсоров нет планов?— Это другое.— Правда? — Он следит за моими движениями, подстраиваясь под каждый шаг. — Потому что они соответствуют твоему мировоззрению?— Потому что они адне угрожают репутации музея!— Нет? — В его смехе нет юмора. — Состояние семьи Ричардсон было получено от кровавых алмазов. Уэстон Грант? Отмывание денег. Твои высокие моральные устои построены на зыбучих песках, Наташа.Я поворачиваюсь к нему лицом. — Тогда зачем ты на самом деле здесь? Рассказать мне о коррупции, существование которой я уже знаю?— Я здесь, потому что... — Он сокращает расстояние между нами, прижимая меня к стене. — Потому что ты очаровываешь меня. Твоя страсть. Твой вызов. То, как ты притворяешься, что мое присутствие тебя не трогает.У меня перехватывает дыхание. — Это не так.— Нет? — Его рука легко, как перышко, касается моего бедра. — Твой пульс говорит об обратном.— Дмитрий... — Предупреждение в моем голосе звучит слабо даже для меня.Его пальцы скользят вверх по моей руке, оставляя за собой огонь. Он наклоняется ближе, его дыхание обжигает мою шею. — Скажи мне остановиться.Я не могу подобрать слов. Меня окружает его аромат — дорогой одеколон и чистый мужской мускус. Его губы нависают прямо

над моими, и я чувствую, что качаюсь вперед— Мисс Блэквуд? — Луч фонарика прорезает темноту. — Здесь все в порядке? Я отстраняюсь от Дмитрия, когда в дверях появляется Карл, ночной охранник. — Прекрасно, — выдавливаю я, поправляя блузку. — Мистер Иванов как раз уходил. Глаза Дмитрия не отрываются от моих, когда он отступает. — Мы продолжим этот разговор в другой раз. Я прислоняюсь к стене своего кабинета после ухода Дмитрия, мои ноги дрожат. Этот последний взгляд, который он бросил на меня — я никогда раньше не видела, чтобы его идеальный контроль давал такую трещину. Его глаза были темными и голодными. То, как вспыхнули его глаза, когда он отстранился... Дорога домой проходит как в тумане. Я не могу перестать прокручивать в голове момент, когда его тело прижимает мое к стене, тепло его дыхания на моей шее и потребность в его голосе, когда он попросил меня сказать ему остановиться. В моей квартире кажется слишком тихо, слишком пусто. Я снимаю одежду и вхожу в обжигающий душ, пытаюсь смыть затаенное ощущение его прикосновений. Это не помогает. Вода стекает по моему телу, и все, о чем я могу думать, это о его пальцах, скользящих вверх по моей руке, о том, как его большой палец нажимает на точку пульса. — Черт бы его побрал, — шепчу я, откидывая голову на плитку. Моя рука сама собой скользит вниз по животу. Я должна остановиться. Я не должна позволять ему так влиять на меня. Но я не могу не представлять, что бы произошло, если бы Карл не вмешался. Поцеловал бы меня Дмитрий? Эти идеально ухоженные руки разорвали бы на мне блузку? Я прикусываю губу, когда мои пальцы находят свою цель. Я представляю, как его прикосновения доставляют мне удовольствие. Его голос звучит у меня в ушах, говоря мне, как сильно я его очаровываю. Как мое неповиновение сводит его с ума. К тому времени, как я заканчиваю, вода уже остывает. Стыд и возбуждение борются в моей груди, пока я вытираюсь. Это влечение опасно — он опасен. Но теперь, когда он в совете директоров музея, мне придется видеться с ним регулярно. Смириться с этими понимающими глазами, с этой сдержанной улыбкой, которая сулит грех. Я падаю в постель, все еще влажная после душа. Заснуть кажется невозможным. Каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу его — трещину в его идеальной маске, голод, который он не мог полностью скрыть. И что еще хуже, я знаю, что он увидел ту же самую потребность, отразившуюся в моих глазах.

Глава 7

ДМИТРИЙ

Я осматриваю оживленную галерею музея, отмечая точное расположение каждого шедевра эпохи Возрождения. Пресса толпится возле Боттичелли, их камеры мигают, директор музея оживленно жестикулирует. Старые деньги смешиваются с новыми, а бокалы с шампанским отражают свет хрустальных люстр.— Мистер Иванов. — Ассистентка куратора спешит к нам, прижимая к груди блокнот. — Мы не ждали вас сегодня вечером. Я поправляю запонку. — Правление не требует приглашений. Ее лицо вспыхивает, когда она кивает и убегает. Эти события наскучили мне, но я никогда не упускаю возможности понаблюдать. Особенно когда... Вот и она. Наташа привлекает к себе внимание в облегающем бордовом платье, ее волосы зачесаны наверх, обнажая изящный изгиб шеи. Она объясняет значение выставки группе потенциальных спонсоров, ее страсть сквозит в каждом жесте.— Дмитрий. — У моего локтя появляется мой брат Николай. — Приходишь на очередную вечеринку?— Вряд ли это приведет к краху, когда я вношу в это учреждение больше денег, чем половина этих людей вместе взятых. Он переводит мой взгляд на Наташу. — Ах. Теперь я понимаю, почему ты на самом деле здесь. Я игнорирую его понимающую ухмылку и пробираюсь сквозь толпу. Несколько человек пытаются завязать со мной разговор, но я отмахиваюсь от них с привычной легкостью. Пресса уже обращает внимание на мое присутствие — я вижу, как они меняют положение своих камер. Я подхожу, пока Наташа заканчивает со своими спонсорами, ловя концовку своей подачи. Ее губы изгибаются в знакомой резкой улыбке, когда она замечает меня — наполовину вызов, наполовину предупреждение.— Мистер Иванов. Теперь преследуете меня на моем собственном мероприятии?— Просто хочу убедиться, что инвестиции правления хорошо представлены. — Я подхожу ближе, заставляя ее запрокинуть голову, чтобы сохранить зрительный контакт. — Хотя, должен сказать, это платье превосходно отражает другие... достоинства.— Какое разочарование. Я ожидала от тебя более утонченной реплики. — В ее зеленых глазах вспыхивает веселье. — Обычно твое обаяние сочетается с большей утонченностью.— Возможно, ты пробуждаешь мои низменные инстинкты. — Я протягиваю ей два бокала с шампанским из рук проходящего официанта. — Хотя я заметил, что ты не отодвинулась. Она принимает стакан, ее пальцы касаются моих. — Может быть, мне нравится смотреть, как ты извиваешься, когда не можешь сохранять идеальный контроль.— Ты так думаешь? — Я наклоняюсь. — Что я теряю контроль?— У тебя сбился галстук. — Она протягивает руку, поправляя его с нарочитой медлительностью. — Совсем на тебя не похоже, Дмитрий. Моя рука хватает ее за запястье, прежде чем она успевает отстраниться. — Осторожнее, Наташа. Некоторые могут истолковать это как приглашение.— И как бы ты это истолковал? — Ее пульс учащается под моими пальцами, выдавая ее невозмутимое выражение лица. Ее вызов разжигает во мне что-то дикое. Я наклоняюсь ближе, мои губы касаются ее уха. — Я представлял, как ты лежишь на моем столе, а твой острый язычок находит себе применение получше, чем эти словесные поединки. У нее перехватывает дыхание. Я замечаю, как румянец поднимается вверх по ее шее.— И когда ты становишься такой праведной и возмущенной, как сейчас? — Мои пальцы скользят вверх по ее руке. — Это вызывает у меня желание показать тебе, что именно происходит с женщинами, которые бросают мне вызов. Она отстраняется, широко раскрыв глаза. — Ты пытаешься заставить меня снова дать тебе пощечину? Воспоминание о ее ладони на моей щеке посылает жар по моим венам. — Ты бы хотела? Прямо здесь, перед всеми этими людьми? — Я провожу большим пальцем по ее нижней губе. — Продолжай. Дай им повод для разговора, помимо

картин. Ее пульс все еще учащен под моей хваткой, и я замечаю, как расширяются ее зрачки и как вздымается грудь при учащенном дыхании. Такие красноречивые признаки. Моя Наташа, всегда пытающаяся сохранить вид ледяной королевы, в то время как ее тело выдает каждую ее реакцию. — Твое сердце бешено колотится. — Я провожу пальцами от ее запястья к внутренней стороне руки. — Скажи мне, это страх или возбуждение? — Отпусти. — Но она не отстраняется, в ее голосе нет обычной резкости. — Заставь меня. — Я рисую узоры на ее коже. — Мы оба знаем, что ты этого не хочешь. Дрожь пробегает по ее телу, когда я подхожу ближе, используя свое тело, чтобы скрыть наше взаимодействие от посторонних глаз. Ее тепло просачивается сквозь мой костюм там, где мы почти соприкасаемся. — Кто-нибудь увидит, — шепчет она, но ее голова слегка откидывается назад, обнажая большую часть шеи. — Позволь им. — Я касаюсь губами точки ее пульса. — Я хочу, чтобы они увидели, кому ты принадлежишь. Ее пальцы впиваются в мой пиджак. — Я никому не принадлежу. — Нет? — Я приближаю губы к ее уху. — Тогда почему ты прижимаешься ближе, вместо того чтобы оттолкнуть меня? Почему я чувствую, как ты дрожишь? Из ее горла вырывается тихий звук — нечто среднее между протестом и потребностью. Ее идеально нанесенная помада слегка размазалась, а невозмутимое выражение лица треснуло. — Я ненавижу то, как ты влияешь на меня, — выдыхает она. — Нет, тебе не нравится, что ты не можешь этого скрыть. — Я обхватываю ладонями ее лицо, большим пальцем поглаживая ее щеку. — Что я вижу сквозь любую защиту. Ее глаза на мгновение закрываются, прежде чем распахнуться с новым огнем. Но движение в мою сторону говорит мне все, что мне нужно знать. — Извини, мне нужно подышать свежим воздухом. — Наташа проскальзывает мимо меня, оставляя за собой шлейф духов, когда направляется по западному коридору. Я следую за ней, мои более широкие шаги сокращают расстояние между нами. Она ныряет в кабинет куратора, думая, что она умная. Дверь еще даже не успела захлопнуться, как я толкаю ее обратно. — Убегаешь, Наташа? Она поворачивается ко мне лицом, грудь тяжело вздымается. — Прекрати преследовать меня. — Как будто ты не рассчитывала именно на это. — Я закрываю за собой дверь, замок защелкивается с тихим щелчком. — Ты невыносим. — Ее руки сжимаются по бокам. — Ты думаешь, что можешь загнать меня в угол, когда захочешь? — И все же ты остаешься здесь, в частном кабинете, а не в главной галерее. — Я подхожу ближе. — Если бы ты действительно хотела избежать встречи со мной, ты бы осталась там, где были свидетели. Краска заливаает ее щеки. — Может быть, я хотела уединения, чтобы послать тебя к черту. — Это то, что ты хочешь мне сказать? — Еще один шаг. — Потому что твое тело говорит совсем другое. — Мое тело не диктует мой выбор. — Но ее голос дрожит, когда я сокращаю расстояние. — Нет? Тогда почему ты отступаешь? — Я следую за ней шаг за шагом, пока ее бедра не упрутся в стол. — Почему ты не можешь смотреть мне в глаза без того, чтобы твои зрачки не расширились? — Потому что ты властный ублюдок, который... Я прижимаю ее к столу, оперев руки по обе стороны от ее бедер. — Что? Заставляет тебя чувствовать то, в чем ты не хочешь признаваться? — Я ненавижу тебя. — Ее пальцы впиваются в мои ладони. — Лгунья. Ее глаза вспыхивают яростью. — Ты высокомерный... Я прижимаюсь губами к ее губам, проглатывая ее слова. Она издает звук протеста, который переходит в стон, когда я запускаю пальцы в ее волосы. Ее губы приоткрываются, позволяя мне ощутить вкус ее гнева, ее желания. Она прикусывает мою нижнюю губу так сильно, что идет кровь, и я рычу ей в рот, сильнее прижимая ее к столу. Ее ногти впиваются в мою шею, пока я пожираю ее рот, заявляя права на каждый дерзкий вздох. Я хватаю ее за бедра, поднимая на стол. Бумаги рассыпаются. Она обхватывает меня ногами, притягивая ближе, одновременно кусая и царапая. Это неподчинение — это битва, каждый поцелуй — объявление войны. Я отрываю свой рот от ее рта, чтобы прикусить чувствительное местечко под ухом. Ее голова откидывается назад со стоном, который отдается прямо у меня в паху. — Все еще ненавидишь меня? — Я рычу ей в горло. — Да, — выдыхает она, выгибаясь, когда я сосу сильнее. — Боже, да. От звука голосов в коридоре мы оба замираем. Приближающиеся шаги, затем останавливаются за дверью. Таш отталкивает

меня, разглаживая платье. Ее помада размазалась, волосы выбились из элегантной прически. Вид ее растрепанной от моего прикосновения вызывает у меня желание запереть эту дверь и проклинать последствия.— Уходи. Сейчас же. — Ее карие глаза полны стали. — Это была ошибка. Я поправляю галстук, облизывая губу и чувствуя вкус крови там, где она меня укусила. Не говоря больше ни слова, я выскальзываю через боковую дверь в пустой коридор. Что, черт возьми, только что произошло? Я никогда так не теряю контроль. Никогда никому не позволяю влиять на меня. И все же я здесь, прячусь в темном коридоре, как какой-то влюбленный подросток, мое тело все еще гудит от ее прикосновений. Я ломал людей вдвое крупнее себя и организовывал сделки на миллиарды долларов, не моргнув глазом. Но один острый на язык куратор заставил меня вести себя как самца в брачный период — неприемлемо. Я смотрю на свое отражение в витрине. Мой обычно идеальный внешний вид заметно помят. На моей шее расцветает красная отметина в том месте, где ее ногти пустили кровь. Это должно закончиться. Я Дмитрий Иванов. Я не бегаю за женщинами и не теряю над ними контроль. Так почему же я все еще жажду ощутить ее вкус на своих губах?

Глава 8

ТАШ

Я разглаживаю свою повседневную джинсовую юбку, чувствуя странную неловкость из-за того, что появляюсь в повседневной одежде. Кашемировый свитер, по крайней мере, добавляет лоска, но он совсем не похож на мои обычные доспехи из винтажных дизайнерских вещей. Новый семейный особняк Софии маячит впереди, когда Uber подъезжает к воротам. Охранник машет мне рукой, поскольку они уже хорошо меня знают.— Таш! — София сбегает по ступенькам крыльца, ее лицо сияет. Она также одета в кремовую шелковую блузку и сшитые на заказ брюки. — Слава Богу, ты здесь. Мне нужна поддержка со всем этим тестостероном. Я смеюсь и заключаю ее в объятия. — Все так плохо?— Николай и Алексей спорят о футбольных командах, а Дмитрий все утро сидел в кабинете. — Она берет меня под руку, когда мы направляемся внутрь. — Хотя теперь, когда ты здесь, он, вероятно, появится. В животе у меня неприятно переворачивается. — София...— Знаю, знаю. Я не собираюсь сводничать. Но ты не можешь отрицать, что между вами что-то есть. Интерьер особняка окутывает нас теплым деревом и сверкающим мрамором. Из гостиной доносятся голоса — мужской смех и дружелюбный спор на смеси русского и английского.— Есть опасность, — поправляю я ее, понизив голос. — И осложнения, которые мне не нужны. София останавливает нас в коридоре, выражение ее лица серьезное. — Ты для меня семья, Таш. Это означает, что теперь ты и для них семья, нравится тебе это или нет. — Это-то меня и беспокоит. — Я сжимаю ее руку. — Но давай не будем перегибать палку. Я чувствую запах еды и умираю с голоду.— Миссис Петрова сегодня превзошла саму себя. Подожди, пока не попробуешь ее пельмени. Мы сворачиваем за угол в ярко освещенную кухню, и я на мгновение замираю, когда Дмитрий отрывает взгляд от своего кофе, его темные глаза мгновенно находят мои. Он в черном свитере, который придает ему обманчиво доступный вид, но я знаю лучше. В хищнике нет ничего непринужденного, даже когда он находится в состоянии покоя. Кухня наполняется ароматом стряпни миссис Петровой, когда братья тянутся к еде. Я наблюдаю за их динамикой.— Дотронься до последнего пельменя, и я взломаю твои швейцарские счета, — предупреждает Алексей Дмитрия, который приподнимает бровь и все равно протыкает клецку.— Ты можешь попробовать, младший брат. — В тоне Дмитрия слышится властность, которая заставляет замолчать даже Алексея. — Но мы оба знаем, чем это закончилось в прошлый раз.— Один раз! Это был один раз, когда я пытался залезть в ваши аккаунты. — Алексей разваливается в кресле, его конечности расслаблены, и он полон неутомимой энергии. — И ты сменил все мои пароли на "Наблюдение за большим братом. Так по-взрослому. Эрик прислоняется к стойке, его глаза постоянно сканируют комнату, а губы кривятся. То, как он позиционирует себя — немного позади Дмитрия, но с четким обзором всех входов — красноречиво говорит о укоренившихся привычках.— Кто-то должен держать тебя в узде, — говорит Дмитрий, теперь его тон более легкий. — Помнишь, когда ты пытался купить тот остров?— Это была хорошая инвестиционная возможность!— Это была вулканическая скала у черта на куличках.— С потенциалом!— Для извержения, — тихо добавляет Эрик, заставляя меня фыркнуть. Дмитрий переводит взгляд на меня, и я вижу вспышку неподдельного веселья, прежде чем его обычная маска возвращается на место... — В «инвестиционных возможностях» Алексей последнее слово в крупных покупках остаётся за мной.— Скучно. — Алексей поворачивается ко мне. — Таш, поддержи меня. Старший брат помешан на контроле, верно?— Не втягивай меня в свое соперничество с братом. — Я поднимаю руки. — Я здесь только из-за того, что миссис Петрова готовит.— Умная женщина,

— бормочет Эрик.— Слишком умная, — соглашается Дмитрий, его взгляд задерживается на мне. — Хотя раньше это никогда не останавливало Алексея.— Эй, меня это возмущает! Я гений. Скажи им, Эрик.— Ты — нечто, — невозмутимо произносит Эрик, заставляя Дмитрия усмехнуться.Звук насыщенный и неожиданный, постепенно превращающий его лицо во что-то более молодое и менее настороженное. Эти проблески делают его опасным — они намекают на то, что под властью и контролем скрывается человек, который помнит, как смеяться со своими братьями.Я не могу сдерживать улыбку, наблюдая за общением братьев. Видеть Дмитрия таким человечным — расслабленным, почти игривым со своими братьями. Человек, который терроризирует заседания совета директоров и заставляет потеть опытных руководителей, дерется за последний пельмень со своим братом-техническим гением.— На острове была отличная вертолетная площадка, — настаивает Алексей.— Сделанная из вулканической породы, — указываю я, неожиданно для себя присоединяясь. — Не совсем устойчивая посадочная площадка.Глаза Дмитрия одобрительно блестят. — Наконец-то кто-то рациональный.— Не поощряй его, — стонет Алексей. — Он и так достаточно невыносим.— Я думаю, этот корабль уплыл давным-давно, — сухо говорю я, заслужив редкую искреннюю улыбку Дмитрия, от которой у меня перехватывает дыхание.Эрик молча передает мне тарелку с пельменями, и я замечаю, что он встал так, чтобы следить за дверью и своими братьями. Интересно, почему он так беспокоится, учитывая, что особняк хорошо охраняется.— Ты бы видела его, когда мы были детьми, — говорит мне Алексей. — Следи за общей энергией зала. Алексей, не взламывай школьную систему. Алексей, прекрати заказывать танки онлайн.— Ты пытался заказать танки? — Спрашиваю я, невольно смеясь.— Только маленькие!— Это были Т-72, — поправляет Дмитрий. — А тебе было двенадцать.— Видишь, с чем мне пришлось столкнуться? — Алексей нравится мне. — Ни дальновидности, ни тяги к приключениям.— Просто здравый смысл, — заявляет Эрик.Странно, но приятно быть включенной в их стейб. На этот раз я не ошетиливаюсь в присутствии Дмитрия и не анализирую каждое его движение на предмет скрытых угроз. Здесь, в окружении своих братьев и стюардессы миссис Петровой, он кажется почти... человеком.— История с танком многое объясняет в тебе, — говорю я Алексею, который хватается за грудь в притворной обиде.— И ты туда же, Таш? Мы должны быть друзьями!— Так и есть. Вот почему я пытаюсь спасти тебя от самого себя.— Еще один голос разума, — говорит Дмитрий. — Нам бы не помешало побольше таких здесь.Наши взгляды встречаются через кухонный остров, и игривая атмосфера сменяется чем-то более тяжелым. Нахлынули воспоминания о нашем поцелуе в галерее — жар его рта, его руки, сжимающие мою талию. Я отвожу взгляд, сосредотачиваясь на дымящейся тарелке пельменями передо мной.— Это потрясающе, — говорю я, чтобы разрядить напряжение, хотя мой голос звучит слегка запыхавшимся.Мы садимся за большой кухонный стол, и Дмитрий садится прямо напротив меня. Каждый раз, когда я поднимаю взгляд, я ловлю на себе его пристальный взгляд, от которого у меня замирает сердце.Эта его версия — расслабленный в свитере, обменивающийся колкостями со своими братьями — опасно привлекательна. Это очеловечивает его таким образом, что моя обычная защита кажется тонкой, как бумага.— Возьми еще грибов, — предлагает он низким и интимным голосом, несмотря на шумную кухню. — Они твои любимые, не так ли?Тот факт, что он заметил и запомнил эту маленькую деталь обо мне, вызывает нежелательный трепет у меня по спине. Я накальваю одно из них вилок, чувствуя, что его глаза следят за моим движением.— Выпендрожник, — бормочет Алексей, но в его тоне слышится веселье. — Некоторые из нас не могут запоминать предпочтения каждого, как жуткая база данных.— Предпочтения не у всех, — поправляет Дмитрий, его взгляд по-прежнему прикован ко мне. — Только самых важных.Я откусываю, чтобы не отвечать, но от того, как он смотрит на меня, мне становится трудно глотать. Уютная семейная трапеза внезапно заряжается электричеством. От каждого случайного прикосновения его ноги к моей под столом по моему телу пробегают искры.Это именно то, чего я боялась — как легко он может повлиять на меня, как естественно чувствовать себя здесь, среди его

семьи. Опасный мужчина, который загнал меня в угол в моем офисе, все еще там, но теперь я вижу другие слои. Другие грани делают его еще более неотразимым. Я поворачиваюсь к Софии, отчаянно пытаюсь отвлечься от напряженного взгляда Дмитрия. — Ты слышала о провальном открытии галереи Кэролайн Митчелл? Глаза Софии загораются от сплетен. — О Боже, когда она вешала эту подделку от Ротко и думала, что она настоящая? Я чуть не умерла от стыда, когда услышала. — Документы, удостоверяющие подлинность, очевидно, были «в пути», — говорю я, заключая слова в кавычки. — На любителя. Всегда проверяй прежде чем вешать. — Кстати, о кошмарах проверки, — София наклоняется ближе и понижает голос. — Джанет из Sotheby's сказала мне, что коллекция Берковица, возможно, в основном подделки. — Ни за что. — Я хватаю кусок хлеба, теперь по-настоящему растерянная. — Вся коллекция? Даже Моне? — Особенно Моне. Они нашли несколько современных пигментов, которых не должно быть в ранних работах импрессионистов. — Это объясняет, почему Маркус так уклончиво разрешал кому-либо рассматривать их вблизи. — Я качаю головой. — Он потеряет свой сертификат из-за этого. — Хорошо, — фыркает София. — Он годами срезал углы. Помнишь того «восстановленного» Дега, которого он пытался протолкнуть прошлой весной? — Та, в исторически неточных балетных туфлях? На это было больно смотреть. — Я отпиваю немного воды. — Хотя и не так больно, как наблюдать, как Ребекка пытается выйти в свет на Met gala. София подавляет смех. — Она загнала бедного Томаса Гетти в угол на сорок пять минут, рассказывая о своей революционной концепции новой галереи. — Ты имеешь в виду цвета стен, достойные Instagram, и кофейный бар по завышенной цене? — Я закатываю глаза. — Потому что раньше этого никто не делал. Знакомый ритм сплетен из мира искусства помогает мне успокоить нервы. Тем не менее, я все еще ощущаю присутствие Дмитрия как физическую тяжесть через стол. — Тебе стоит заглянуть в библиотеку, — предлагает София, пока мы убираем посуду. — У нас есть первые издания, от которых у тебя потекут слюнки. — Уже пытаешься от меня избавиться? — Я поддразниваю, но мысль о редких книгах заманчива. — Пожалуйста, ты знаешь меня. Я просто не могу смотреть, как ты притворяешься, что не смотришь на нашу обширную коллекцию, когда приходишь в гости. Она права — я присматриваюсь к этим полкам с момента моего первого визита. — Отлично, ты победила. Укажешь мне правильное направление? — Дальше по коридору, третья дверь налево. Ты ее не пропустишь. Библиотека потрясающая — полки от пола до потолка, тома в кожаных переплетах и этот опьяняющий запах старых книг. Мои пальцы пробегают по корешкам, пока я просматриваю их, обнаруживая сокровища, которым позавидовал бы любой коллекционер. Я не слышу, как он входит, но чувствую, как присутствие Дмитрия заполняет комнату. Мое тело напрягается, узнав его еще до того, как я оборачиваюсь. — Нашла что-нибудь интересное? — Его голос низкий и интимный в тишине помещения. Я пытаюсь отступить, но уже упираюсь в полки. Он придвигается ближе, одной рукой упираясь в книги рядом с моей головой. — Дмитрий... Его рот захватывает мой, пресекая любой протест, который я собиралась выразить. Поцелуй голодный и требовательный, совсем не похожий на контролируемого мужчину, которого я привыкла видеть. Его тело прижимается к моему, прижимая меня к полкам, и я чувствую, как сильно он меня хочет. Мне следовало бы оттолкнуть его. Вместо этого мои руки сжимаются в кулаки на его свитере, притягивая его ближе, когда его язык проникает в мой рот. Он стонет, звук вибрирует на моей коже, когда его свободная рука сжимает мое бедро. Его твердая длина упирается мне в живот, заставляя меня задыхаться. Его поцелуи становятся более настойчивыми, пожирающими, как будто он слишком долго сдерживался. Я задыхаюсь, когда губы Дмитрия оставляют мои и спускаются по шее. Его хватка на моем бедре усиливается, отчего по моему телу пробегает дрожь. Полки давят мне на спину, когда он удерживает меня на месте. — Ты сводишь меня с ума, — выдыхает он мне в кожу с более сильным акцентом, чем обычно. — Как ты бросаешь мне вызов на встречах, как стоишь на своем. — Его зубы касаются точки, где у меня пульсирует жила. — Такой огонь. Я пытаюсь выровнять дыхание, но терплю сокрушительную неудачу, поскольку он

продолжает свою атаку на мои чувства. Аромат его одеколона, смешанный с запахом кожи от книг, окружает меня.— Каждый раз, когда тыходишь в комнату, — грубо шепчет он мне на ухо, — я хочу показать всем, кому именно ты принадлежишь. — Его большой палец рисует круги на моем бедре. — Хочу отметить тебя как свою, чтобы не было никаких вопросов. Собственническая нотка в его голосе должна напугать меня. Вместо этого от нее по моим венам разливается жар. Другой рукой он запутывается в моих волосах, наклоня мою голову, чтобы дать ему лучший доступ к моей шее.— Скажи мне, что ты тоже этого не чувствуешь, — мягко требует он. — Скажи мне, что только я представляю, как идеально мы подходим друг другу. Я не могу произнести ни слова, едва могу ясно мыслить, когда его губы касаются моей кожи. Хищник, которого я пыталась избежать, держит меня именно там, где он хочет, и самое страшное, что это кажется правильным.— То, что я хочу сделать с тобой, куколка, — выдыхает он мне в ухо. — Способы, которыми я хочу разрушить твой идеальный контроль.— Нет не надо... — протестую я, хотя мое тело поет в ответ на его злые слова. Мой пульс трепещет под его губами, когда его зубы нежно прикусывают их.— Тебе нравится, как это звучит, не так ли? — рычит он мне на ухо, заставляя мою кожу вспыхнуть. — Признай это.— Я... — Мое дыхание сбивается, когда он прикусывает зубами чувствительную кожу под моим ухом. — Я... мы не можем... Он мрачно хихикает, от этого звука у меня по спине пробегают мурашки. — Признай это, и я заставлю тебя кончить очень сильно.— Ты... — я сглатываю, мое тело предает меня, когда тепло разливается между моих бедер. — Ты знаешь, что нравится. Его хватка на моем бедре становится крепче, а его поцелуй более настойчивым и голодным. — Тогда покажи мне, как сильно ты хочешь, чтобы я проглотил тебя. Мои щеки пылают, но часть меня жаждет сдаться, ослабить свой жесткий контроль перед лицом его подавляющего превосходства. — Я не останавлиюсь на достигнутом, Наташа, — шепчет он, каждое слово обжигает мою кожу. — После того, как я заставлю тебя кончить одним своим ртом, я наклоню тебя и буду трахать так сильно, что ты будешь чувствовать меня несколько дней. У меня чуть не подгибаются колени от образа, который он рисует. — Дмитрий... — Скажи мне, что ты этого хочешь, — требует он, его язык кружит по мочке моего уха. — Скажи мне, что ты хочешь, чтобы мой член был внутри тебя, заявлял на тебя права.— Я хочу этого, — шепчу я, шокируя саму себя своей честностью. Но это грубая, болезненная правда, которую я пытался отрицать. Победа в его глазах вызывает во мне трепет, прежде чем он снова завладевает моими губами. Тепло разливается по моим венам, заставляя мою голову кружиться, когда его поцелуй лишает меня последнего сопротивления. Я выгибаюсь навстречу ему, когда его рука скользит вверх по моему бедру. Его прикосновение собственническое и уверенное. Он точно знает, что он делает со мной, какой эффект производит. Ловкие пальцы Дмитрия находят влажный жар у меня между ног, и я издаю сдавленный стон, когда он гладит меня. Моя голова откидывается на полки, когда внутри меня вспыхивает искра удовольствия.— Вот и все, куколка. Позволь мне услышать тебя. — Его голос хриплый от желания, когда его пальцы обводят мой клитор. — Ты будешь умолять меня достаточно скоро. Сдавленный всхлип вырывается из меня, когда его большой палец надавливает, посылая молнию по моему телу. Я такая влажная, жаждущая освобождения, для него. Ровный гул удовольствия нарастает, сворачиваясь все туже с каждым движением его пальцев. Мои руки сжимают его плечи. — О черт, Дмитрий, пожалуйста... — Пока нет. — Его рот находит точку пульса на моей шее, его зубы нежно царапают, пока пальцы творят волшебство. — Я хочу почувствовать, как ты распадаешься на части, Наташа. Мои бедра непроизвольно приподнимаются, когда я балансирую на краю, его злые слова и умелые прикосновения подталкивают меня ближе. — Дмитрий, я не могу... Я слишком близко... — Отпусти, — приказывает он, и я подчиняюсь. Мой мир взрывается в порыве ощущений. Мой крик заглушается его ртом, когда его имя вырывается из моего горла. Мое тело содрогается в момент кульминации, его пальцы не замедляются, пока я не остаюсь без костей. На мгновение я не могу ни думать, ни делать ничего, только чувствовать. Где-то вдалеке я слышу приближающиеся шаги и голоса,

но, кажется, не могу произнести ни слова или отойти от полок. Дмитрий выпрямляется, его глаза прищуриваются, когда он смотрит на меня сверху вниз. Его большой палец касается моей нижней губы, все еще припухшей от его поцелуев. — У тебя самый великолепный рот, Наташа. Меня охватывает смущение при мысли о том, что сотрудники Софии найдут нас в таком состоянии. — Мы не можем... кто-то идет... — Ммм, да. — Его взгляд становится грозным. — Пусть они увидят, как ты выглядишь после тщательного поцелуя. Пусть они точно знают, кому ты принадлежишь. — Дмитрий, не надо... Голос Софии приближается, спасая меня от его опасных слов. Я смотрю, как он отступает назад, его лицо мгновенно превращается в ту сдержанную маску, которую я ненавижу. Ни один волос не выбился из прически, ни единого признака того, что только что произошло между нами. Только жар в его глазах выдает его. Мои пальцы хватаются за книжную полку позади меня, пока я пытаюсь удержаться на ногах. Стук каблуков Софии по твердой древесине становится все ближе. Не говоря ни слова, даже не оглянувшись, Дмитрий поправляет свои и без того идеальные манжеты и уходит. Он просто... уходит. Как будто я не стою здесь, моя кожа все еще покалывает от его прикосновений, мое тело жаждет большего. — Ублюдох, — шепчу я. Прохладный воздух касается моей разгоряченной кожи, когда я разглаживаю платье дрожащими руками. Я ненавижу его. Я ненавижу то, как он может вот так воздействовать на меня, а потом просто уйти. Я ненавижу то, что мое тело все еще гудит от его прикосновений и я все еще чувствую его вкус на своих губах. Больше всего меня бесит то, как отчаянно я хочу, чтобы он вернулся и закончил то, что начал. Хуже всего то, что я знаю, что он спланировал это, и это оставляет меня желающей, разочарованной и думающей о нем. Это еще один просчитанный ход в игре, в которую он играет. Мое отражение в окне в точности показывает, что он сделал со мной — губы припухли от его поцелуев, щеки покраснелись, глаза горят затаенным желанием. Я выгляжу совершенно распутной, и он выглядит... Идеально. Неприкосновенно. Боже, я хочу разрушить его идеальный контроль. Хочу заставить его почувствовать себя таким же разбитым, как я сейчас. От этой мысли по мне пробегает еще одна волна жара, и я сжимаю бедра вместе, молча проклиная его.

Глава 9

ДМИТРИЙ

Я барабаню пальцами по столу красного дерева, наблюдая, как Николай расхаживает у окна моего кабинета. Закат отбрасывает длинные тени на его лицо, подчеркивая напряженную челюсть. — Три нападения на этой неделе. — В голосе Николая слышится груз ответственности. — Лебедевы становятся смелее. — Может быть, если бы кто-то не играл куратора... — Алексей разваливается в кожаном кресле напротив меня, его ноутбук ненадежно балансирует на коленях. Его пальцы танцуют по клавиатуре, не глядя. — А то слишком занят, любуясь картинами, чтобы замечать кружащих акул. Моя рука замирает. — Будь осторожен, младший брат. — Что? Это правда. Когда ты в последний раз присутствовал на настоящем собрании? Ты в этом музее больше, чем в своем офисе. — Алексей поднимает глаза, на его губах играет понимающая ухмылка. — Хотя я сомневаюсь, что это искусство привлекает твое внимание. Я рычу, свирепо глядя на своего брата. — Дмитрий. — В голосе Николая слышится предупреждение. Я сгибаю руку. — Музей выполняет свою задачу. Нам нужны законные каналы... — Для отмывания денег или для того, чтобы трахнуть куратора?? — Алексей уворачивается от пресс-папье, которое я запускаю ему в голову. Оно врезается в стену позади него. — Хватит. — Я встаю, нависая над его распростертым телом. — Музей — это бизнес. Не более того. — Верно. — Ухмылка Алексея становится шире. — Вот почему ты запомнил ее расписание. Причина, по которой ты взломал каналы безопасности. Почему ты... — Я сказал достаточно. — Слова вырываются как рычание. Николай прочищает горло. — Алексей прав. Ты отвлекся. Лебедевы воспользуются любой слабостью. Я опускаюсь обратно в кресло, знакомая тяжесть контроля ускользает. Они правы. Наташа занимает слишком много моих мыслей. Ее вызов. Ее страсть. То, как она разбилась для меня у той книжной полки... — Отлично. — Я вывожу последнюю оценку угроз на свой планшет. — Расскажи мне, что нам известно. Но даже когда Николай начинает свой брифинг, мои мысли возвращаются к завтрашнему заседанию правления. К зеленым глазам, которые видят слишком много. К опасной игре, в которую я не могу перестать играть. — Точный удар. — Голос Эрика прорывается сквозь напряжение. Он встает со своей позиции у стены, расправив плечи. — Убери их ключевых игроков. Отправь сообщение. Я качаю головой. — Мы поддерживали равновесие с Лебедевыми в течение семи лет. Война дестабилизировала бы все, что мы построили. — Они уже дестабилизируют ситуацию, — возражает Эрик, его военная точность сквозит в каждом слове. — Три угрозы за неделю — это не проверка на прочность, это подготовка к чему-то большему. — Эрик прав, — добавляет Николай. — Они осмелели. Вероятно, думают, что мы стали мягкотелыми из-за всех наших законных начинаний. Я крепче сжимаю свой стакан с виски. Янтарная жидкость отражает уга-сающий солнечный свет. — Война из-за угроз — это именно то, чего они хотят. Это дало бы им основание открыто выступить против нас. — Это лучше, чем ждать, пока они нанесут удар первыми. — Челюсть Эрика сжимается. — У меня все еще есть связи в Спецназе. Мы могли бы представить это как внутреннюю борьбу за власть. — Нет. — Слово выходит резче, чем предполагалось. — Мы не собираемся начинать войну в этом городе. Не тогда, когда мы, наконец, наладили надлежащие каналы для... — Для чего? — Вмешивается Алексей. — Твоего маленького музейного проекта? Посмотри правде в глаза, брат. Они давят, потому что думают, что ты потерял свое преимущество. Я со стуком ставлю стакан. — Я ничего не потерял. — Докажи это, — тихо говорит Эрик. — Позволь мне взять команду. Одна ночь. Мы сможем покончить с этим до того, как это начнется. Меня охватывает искушение. Это было бы чисто и эффективно,

что является специальностью Эрика. Но я думаю о хрупком балансе, которого мы достигли, и о законном бизнесе, который мы построили. Завтра состоится заседание правления музея, на котором Наташа представит свое последнее предложение по приобретению.— Нет, — говорю я наконец. — Мы наблюдаем. Ждем. Но мы готовимся. Алексей, я хочу знать все об их недавних передвижениях. Эрик, приведи свою команду в готовность. Если они сделают хоть одно неверное движение...— Они уже сделали, — бормочет Эрик, но кивает. Николай отходит от окна, заполняя комнату, когда приближается к моему столу. Перемена в его поведении незаметна, но безошибочна по мере того, как он превращается из советника в лидера.— Я понимаю твою позицию, Дмитрий. — В его голосе слышится властность, которая сделала его главой нашей семьи. — Законный бизнес, тщательный баланс, который мы построили. Но мы не можем просто сидеть и ждать следующего шага. Я смотрю в его серо-стальные глаза. — Ты думаешь, я слишком осторожен.— Я думаю, ты позволяешь другим интересам затуманивать твое суждение. — Он кладет обе руки на мой стол, наклоняясь вперед. — Лебедевы наблюдают. Каждый день, когда мы не отвечаем; они видят слабость. И из-за слабости...— Нас всех убьют, — заканчиваю я, и знакомая мантра горчит у меня на языке.— Три угрозы за неделю — это уже не проверка. — Николай выпрямляется, поправляя запонки. — Это подготовка. Они оценивают время нашей реакции, нашу готовность действовать. Каждый час, который мы тратим на обсуждение, — это ещё один час, который они могут использовать для подготовки. Правда ранит. Я построил свою репутацию на расчетливом контроле, на том, чтобы быть на три шага впереди. Но в последнее время...— Твой музейный проект заслуживает внимания, — продолжает Николай. — Но если мы потеряем контроль над подпольем, все эти законные каналы ни хрена не будут значить. Лебедевы разрушат все, кусочек за кусочком. Эрик прижимается к стене, его натренированные в боях мышцы напряжены. Алексей перестает печатать, в комнате царит напряженное ожидание.— Что ты предлагаешь? — Спрашиваю я, хотя уже знаю ответ.— Мы отправляем сообщение. — Голос Николая понижается. — Не точный удар Эрика — пока нет. Но что-то, что напоминает им, почему Ивановых не следует трогать. Что-то, что заставит их подвергнуть сомнению каждый шаг, который они сделали на этой неделе. Я откидываюсь на спинку стула, на лице появляется холодная улыбка. — Новое судоходное предприятие Лебедева. То, на строительство которого они потратили последний год.— Жемчужина их короны, — говорит Алексей, наконец отрывая взгляд от экрана. — Сорок миллионов только на инфраструктуру.— Законно на бумаге. — Я барабаню пальцами по столу. — Но мы все знаем, что на самом деле проходит через эти контейнеры. Глаза Николая понимающе сужаются. — Вся их дистрибьюторская сеть.— Именно. — Я вывожу спутниковые снимки на свой планшет. — Один стратегический удар. Их корабли загорятся в порту. В страховом иске указать неисправная проводка. Ничто не укажет на нас.— Они потеряют месяцы на устранение ущерба, — добавляет Эрик, отталкиваясь от стены. — И их поставщики начнут сомневаться в их надежности.— Что еще более важно, — продолжаю я, — они потеряют лицо. Могущественные Лебедевы, неспособные защитить собственные инвестиции, выставляют свои недавние угрозы в ложном свете. Пальцы Алексея порхают по клавиатуре. — Я могу получить их протоколы безопасности в течение часа. Графики работы портовых властей, ротация охраны, все такое.— Никаких жертв, — уточняю я, встречаясь взглядом с Эриком. — Дело не в крови. Речь идет о том, чтобы показать им, что мы можем протянуть руку и прикоснуться к их самым ценным активам, когда захотим.— Чисто. Точно. Отследить невозможно. — Эрик кивает. — Мне понадобится три дня, чтобы все установить.— Два, — поправляю я его. — Чем дольше мы ждем, тем больше они будут чего-то ожидать.— Тогда два дня. — Эрик достает телефон, уже связываясь со своей командой. Я поворачиваюсь к Николаю. — Доволен?— Это только начало. — Он поправляет пиджак. — Но если они не получают сообщение...— Тогда мы перейдем к более постоянным решениям. — Эти слова на вкус как железо на моем языке. — Но сначала мы напомним им, почему пересекаться с Ивановыми вредно для бизнеса. Алексей резко

захлопывает свой ноутбук. — Я начну работать над протоколами безопасности. — Он встает, потягиваясь, как кот. — Постарайся не отвлекаться ни на какие картины, пока мы разбираемся с этим. Я поднимаюсь со стула, пересекая пространство между нами в два шага. Вместо того, чтобы вздрогнуть, мой младший брат улыбается мне. Знакомый огонек озорства в его глазах напоминает мне о том, как в двенадцать лет он впервые взломал государственную базу данных. — Осторожнее, — предупреждаю я, но настоящего жара нет. Я хватаю его за плечо, сжимая один раз. — Не отвлекайся. — Как всегда, брат. — Он подмигивает, уклоняясь. — В отличие от некоторых. Эрик делает движение, чтобы последовать за ним, но останавливается. Его военная выправка немного смягчается. — Мы справимся с этим, Дмитрий. Они не поймут, что их ударило. — Я знаю. — Я сжимаю его предплечье, ощущая там твердую силу. — Будь осторожен. После того, как они уходят, Николай задерживается у окна. Наше молчание уютное, отягощенное годами взаимопонимания. — Ты волнуешься, — замечает он. — У нас семь лет не было настоящей войны. — Я наливаю еще на палец виски. — Я усердно работал, чтобы создать что-то законное. Что-то... — Что-то, что она бы уважала? Я не отвечаю, но крепче сжимаю стекло. Я вспоминаю яростный ум Наташи на заседаниях совета директоров, ее страсть при обсуждении искусства и то, как она отказывается поддаваться моим страхам. Мысль о том, что она попала под перекрестный огонь мафиозной войны... — Музей делает нас уязвимыми, — признаю я. — Не только бизнес, но и... — Тебя. — В голосе Николая нет осуждения. — Она делает тебя уязвимым. Я закрываю глаза, медленно выдыхая. Он прав. Впервые за много лет я не думаю на три хода вперед. Я отвлекаюсь и теряю концентрацию. А в нашем мире из-за этого могут погибнуть люди. — Сначала разберись с Лебедевыми, — твердо говорит Николай. — Потом придумай, что делать с твоим куратором. Я поворачиваюсь лицом к брату, горькая улыбка растягивает мои губы. — Скажи мне кое-что, Николай. Ты смог бы оттолкнуть ее, если бы в том музее была София? Сосредоточиться на бизнесе? Его челюсть сжимается, и я вижу проблеск понимания в его глазах. Мы оба знаем ответ. — Это другое, — говорит он, но в его тоне меньше убежденности. — Неужели? — Я взбалтываю виски в своем стакане. — Ты увидел её однажды в переполненной галерее и потратил несколько недель на то, чтобы заполучить её. По крайней мере, я пытаюсь сохранять некоторую профессиональную дистанцию. — Профессиональная дистанция? — Он выгибает бровь. — Так ты называешь то, что заставил Алексея взломать систему безопасности музея? — Говорит человек, который поручил команде Эрика неделями следить за галереей Софии. Мы обмениваемся взглядом взаимного признания. Слабость Иванова — как только мы находим что-то стоящее, мы становимся безжалостно целеустремленными. Каждое взаимодействие с Наташей — это изящный танец продвижения и отступления, толчка и притяжения. Я говорю себе, что все дело в сохранении контроля, но в глубине души я знаю, что это не так. Я боюсь того, что произойдет, когда игра закончится, и она, наконец, будет полностью моей. Потому что, в отличие от искусства, бизнеса или территории, Наташа Блэквуд — это не то, чем я могу просто обладать. Она — сила природы, бросающая мне вызов на каждом шагу. И да поможет мне Бог, мне это нравится.

Глава 10

ТАШ

Мои каблучки стучат по мраморному полу, когда я совершаю свой последний обход по египетскому крылу музея. Две недели благословенного молчания от Дмитрия Иванова, хотя его отсутствие раздражает меня больше, чем я хочу признать. Потрескивает интерком. — Обнаружено нарушение безопасности. Начинаю процедуру карантина. Вспыхивают красные огни, когда металлические ограждения опускаются на окна. Мое сердце бешено колотится, когда я бегу к охраняемому складу, который служит нашей специальной зоной безопасности во время угроз. Я заворачиваю за угол и замираю. Дмитрий стоит у тяжелой металлической двери в одном из своих идеальных костюмов, выглядя так, словно не пропустил ни одного дня, чтобы помучить меня своим присутствием. — Внутрь. Сейчас. — В его голосе звучит знакомая команда, от которой у меня по спине бегут мурашки. Я проскакиваю мимо него в комнату с климат-контролем, заполненную ящиками с артефактами. Дверь за нами закрывается с тяжелым стуком. — Что ты вообще здесь делаешь? — Я скрещиваю руки на груди, сохраняя дистанцию между нами в тусклом аварийном освещении. — Заседание правления. — Его льдисто-голубые глаза отслеживают мои движения. — Хотя твоя служба безопасности, похоже, безукоризненно рассчитала время. — Две недели ничего, а теперь это? — Слова вырываются прежде, чем я успеваю их остановить. Его губы кривятся. — Ты скучала по мне, Наташа? — Ни секунды. — Я отворачиваюсь, чтобы проверить свой телефон, но сигнала нет. — Есть идеи, что вызвало карантин? — Несколько вариантов. — Он ослабляет галстук. — Ни один из них не подходит. Несмотря на климат-контроль, температура кажется слишком высокой. Или, может быть, это просто его присутствие снова действует на меня. Я прохаживаюсь между ящиками, прекрасно осознавая, что он следит за мной. — Как долго обычно длятся эти карантин? — Его голос звучит ближе. Я оборачиваюсь. Он придвигается ближе, преграждая мне путь между стеллажами. Мой пульс учащается, когда на меня нахлынули воспоминания о нашей последней встрече в библиотеке Софии. — Стандартная процедура занимает минимум тридцать минут. — Я ненавижу, как хрипло звучит мой голос. — Если служба безопасности не даст отбой раньше. — Тридцать минут. — Он подходит ближе, прижимая меня к полке. — Как мы скоротаем время? Его одеколон наполняет мои чувства, когда он возвышается надо мной, не позволяя сосредоточиться ни на чем другом. Край полки впивается мне в спину, холодный металл проникает сквозь шелк. Нас окружают древние артефакты стоимостью в миллионы долларов, но все, о чем я могу думать, — это о том, какие ощущения вызывали его губы две недели назад. — Ты покраснела. — Его пальцы касаются моей ключицы, и я ненавижу то, как мое тело предает меня. — Здесь, внизу, слишком тепло. — Ложь горькая на вкус. — Так вот почему у тебя учащается пульс? — Его большой палец касается моей нижней губы. Я хватаю его за запястье, намереваясь оттолкнуть. Вместо этого я держусь. — Ты не можешь просто исчезнуть на несколько недель, а потом появиться, ожидая... — Ожидая чего? — Его рука скользит к моей талии, обжигая сквозь тонкую ткань платья. — Скажи мне, чего я ожидаю, Наташа. То, как он произносит мое имя, похоже на мрачное обещание, от которого тепло разливается внизу моего живота. — Ты невыносим. — А ты избегаешь вопроса. — Его губы касаются моего уха. — Как будто ты избегала меня. — Я не... — Но я это сделала. Уклоняюсь от мероприятий, переносу встречи. — Лгунья. — Он прикусывает мочку моего уха, и я ахаю. — Ты убегала. Но теперь ... — Его рука сжимается на моей талии. — Теперь бежать некуда. Температура, кажется, подсакивает еще на десять градусов. Мои руки сжимают его дорогой пиджак, разры-

ваясь между желанием прижать его к себе. — Тот поцелуй в библиотеке...— Сводил меня с ума четырнадцать дней. — Его лоб прижимается к моему. — Я все еще чувствую твой вкус. Всклипл вырывается прежде, чем я успеваю его остановить. В ответ его хватка усиливается, сильнее прижимая меня к полке. Бесценные артефакты окружают нас, столетия истории наблюдают за разворачивающейся нашей личной войной желаний.— Скажи мне остановиться. — Его губы на расстоянии вдоха от моих. — Скажи мне, что ты не хочешь этого. Но я больше не могу лгать. Не тогда, когда его тело сжимает мое, его жар проникает в мои кости, а две недели отрицания крошатся, как древняя керамика. Его дыхание касается моих губ, и я больше не могу выносить напряжение. — Прекрасно. Я хочу тебя. Теперь счастлив? Слова едва слетают с моих губ, как его губы врезаются в мои. Этот поцелуй совсем не похож на наши предыдущие — это чистое обладание, зубы и язык воюют, а его руки сжимают мои бедра так сильно, что остаются синяки. В отместку я прикусываю его нижнюю губу, вызывая рычание глубоко в его груди. — Такой огонь, — говорит он мне в губы. — Всегда сражаешься, даже когда сдаешься. Мои пальцы запутались в его идеальных волосах, разрушая тщательную укладку, когда я притягиваю его ближе. Его тело полностью прижимается ко мне, его твердая длина горячо прижимается к моему животу сквозь одежду. Край полки впивается мне в спину, но я едва замечаю это, растворяясь во вкусе дорогого скотча на его языке.— Я ни от чего не отказывалась, — выдыхаю я, когда его рот скользит по моей шее. Моя голова откидывается назад, предоставляя ему лучший доступ, несмотря на мои слова. — Это не значит, что ты выиграешь. Его смешок вибрирует у моего горла. — Нет? — Его зубы касаются точки, где у меня пульсирует жила. — Твое тело говорит об обратном, куколка. — Одна рука скользит вниз, чтобы схватить меня за бедро, обхватывая его и прижимаясь ко мне. — Я чувствую, какая ты влажная через платье. Жар заливает мои щеки, но я отказываюсь отводить взгляд от его пристального взгляда. Его зрачки расширились, осталось только тонкое кольцо льдисто-голубого цвета. На этот раз его идеальный контроль ускользает.— Мне нужно попробовать тебя на вкус. — Его голос грубый и опасный. — Каждый. Дюйм. — Каждое слово сопровождается покачиванием его бедер, заставляя меня впиваться ногтями в его плечи. — Позволь мне показать тебе, что на самом деле означает капитуляция. Его руки хватают меня за талию, поднимая с силой, от которой у меня перехватывает дыхание. Моя спина упирается в гладкую поверхность деревянного ящика. Его полированная поверхность холодит мою разгоряченную кожу сквозь платье. Мое сердце колотится о ребра, когда Дмитрий устраивается между моих ног, его дорогой костюм касается обнаженной кожи моих бедер.— Все еще борешься? — Его пальцы вырисовывают узоры на внутренней стороне моего бедра, каждое прикосновение посылает искры по моему телу. Я прикусываю губу, отказываясь доставить ему удовольствие ответом. Но мое тело предает меня, когда его рука поднимается на дюйм выше, мои бедра бессознательно смещаются навстречу его прикосновениям.— Твое молчание говорит о многом. — Он наклоняется, его горячее дыхание касается моей шеи. Другой рукой он запутывается в моих волосах, оттягивая мою голову назад, обнажая горло. — Но я хочу услышать тебя. Ящик скрипит подо мной, когда он прижимается ближе. Рациональная часть моего мозга кричит, что мы окружены бесценными артефактами, что любой может найти нас, и что это за гранью безрассудства. Но когда его губы прокладывают огненную дорожку по моей шее, а его рука медленно поднимается вверх по бедру, рациональность кажется далеким воспоминанием.— Последний шанс остановить меня, — предупреждает он, прижимаясь губами к моей ключице, зубы задевают чувствительную кожу. Я должна сказать нет. Должна оттолкнуть его. Должна сохранить хоть каплю достоинства. Вместо этого я выгибаюсь навстречу его прикосновениям, мои пальцы сжимают его плечи, когда его рука скользит выше. Ухмылка, которую я чувствую на своей коже, говорит мне, что он знает, что выиграл этот раунд. Но когда его пальцы касаются кружева, срывая вздох с моих губ, я понимаю, что победа меня больше не волнует. Я стону, когда его пальцы скользят под кружево, дразня легкими, как перышко, прикосновениями, от которых мое тело наполняется жаром.

Его рот снова завладевает моим, заглушая мои всхлипы, пока он дразнит меня все сильнее.— Такая отзывчивая, — рычит он мне в губы. — Я представлял это неделями. Звуки, которые ты бы издавала. Как ты будешь ощущаться вокруг меня. Мои руки теребят его галстук, отчаянно желая почувствовать кожу. Он ловит мои запястья одной рукой, прижимая их к ящику над моей головой.— Терпение, куколка. — Его свободная рука продолжает терзать меня между бедер. — Я хочу насладиться этим.— Дмитрий... — Его имя звучит как мольба. Я чувствую еще одну ухмылку на своей шее.— Да? — Два пальца скользят внутри меня, заставляя мою спину выгибаться. — Скажи мне, чего ты хочешь.— Я ненавижу тебя, — выдыхаю я, когда его большой палец обводит мой клитор.— Нет, не правда. — Он переплетает пальцы, и в моих глазах вспыхивают звезды. — Ты ненавидишь то, как сильно хочешь меня. Какой влажной ты становишься, думая обо мне. Как легко я могу заставить тебя развалиться на части.Его слова и прикосновения толкают меня ближе к краю. Мои бедра покачиваются под его рукой в погоне за освобождением. Ящик скрипит под нами, но мне наплевать на то, что нас окружает.— Вот и все, — бормочет он, ускоряя движения. — Покажи мне, как сильно ты меня ненавидишь. Я теряю контроль, балансируя на грани оргазма, когда он внезапно останавливается. Я открываю глаза и вижу, как он торжествующе ухмыляется, и мой мозг фиксирует происходящее.— Нет... — пытаюсь протестовать я, но он заставляет меня замолчать поцелуем, спускаясь ниже, его язык танцует по моей коже. Мои пальцы сжимаются в его волосах, направляя его ниже, пока он целует и посасывает мой живот.— Дмитрий... — я наполовину умоляю, наполовину предупреждаю, но он просто хихикает у моей кожи. Я чувствую его горячее дыхание у себя между бедер за секунду до того, как его рот заменяет его, и вскрикиваю от первого прикосновения его языка.Он стонет, вибрация проникает прямо в мое нутро, и я хватаюсь за ящик, пока он пожирает меня. Он пробует меня на вкус так, словно умирает с голоду и жаждет этого так же сильно, как и я. Одна рука сжимает мое бедро, удерживая меня на месте, пока его язык гладит и танцует, посылая искры удовольствия по моему телу.Я в смятении, моя голова откидывается на ящик, рот открыт в беззвучном крике, пока он подталкивает меня все ближе и ближе к краю. Как раз в тот момент, когда я думаю, что больше не могу этого выносить, он останавливается, его пальцы заменяют язык, пока я не начинаю всхлипывать и умолять об освобождении.— Дмитрий, пожалуйста...Он мрачно хихикает, и я чувствую, как он прижимается ко мне, посылая молнии удовольствия прямо в мое сердце.— Ты такая влажная для меня, куколка. Такая отзывчивая. Мне нравится твой вкус. — Его пальцы дразнят и двигаются в такт движениям его языка. Его имя постоянно срывается с моих губ, пока он толкает меня все выше и выше. Мои пальцы сжимаются в его волосах, а бедра прижимаются к его рту, пока он сводит меня с ума. Мое дыхание вырывается короткими вздохами, когда он подводит меня прямо к самому краю, затем отступает, отказывая мне в освобождении, о котором я прошу.— Пожалуйста... — Мой голос срывается, когда он продолжает свою безжалостную пытку. — Я больше не могу. — Да, можешь. — Его голос напряжен. — Ты можешь принять все, что я тебе дам.Его язык кружит и щелкает, пальцы двигаются сильнее, быстрее. Мои стенки сжимаются вокруг них, и я чувствую, как напряжение в моем животе сжимается до боли.— Пожалуйста. — Я больше не уверена, о чем прошу. Тем не менее, он не проявляет милосердия, усиливая давление, его язык неумолим, толкая меня все дальше и дальше, пока я не разбиваюсь с криком, мои соки не текут по его пальцам.Он набрасывается на меня, выпивая все до последней капли моего освобождения, прежде чем медленно подняться обратно по моему телу. Я превращаюсь в бескостную массу ощущений, когда он осыпает поцелуями мою влажную кожу, довольная ухмылка изгибает его губы.— Вот так. — Он утыкается носом в мою шею, его теплое дыхание касается моей кожи. — Вот что на самом деле означает капитуляция.Мои глаза закрываются, пока я пытаюсь осознать то, что только что произошло. Мое тело словно желе, каждое нервное окончание все еще гудит от удовольствия. — Ты знаешь, какой у тебя потрясающий вкус? — Он покусывает мое ухо, заставляя меня подпрыгнуть. — Как самый сладкий десерт.— Заткнись. — Мой

голос слабый и задыхающийся, но я пытаюсь скрыть это хмурым взглядом, отталкивая его. — Слезь с меня. Он хихикает, но не двигается, его тело все еще слишком близко, его глаза горят в моих. Оживает интерком, заставляя меня подпрыгнуть. — Протокол безопасности отменен. Все чисто. Дмитрий движется с плавной грацией, отступая назад и помогая мне слезть с ящика одним плавным движением. У меня едва хватает времени поправить платье, прежде чем тяжелая дверь с гидравлическим шипением открывается. — Мисс Блэквуд? — Луч фонарика офицера Чен обшаривает комнату. — Здесь все в порядке? Я прочищаю горло, молясь, чтобы мой голос звучал тверже, чем я себя чувствую. — Отлично. Меня просто застали во время последней проверки. Мой взгляд скользит к Дмитрию, пока он незаметно приводит себя в порядок. От очевидной выпуклости в его сшитых на заказ брюках мои щеки снова заливают жаром. Он поправляет пиджак, чтобы получше скрыть следы нашей встречи. — Мистер Иванов. — Чен уважительно кивает. — Не знал, что вы были в здании, сэр. — Заседание правления затянулось. — Голос Дмитрия ничем не выдает того, что только что произошло. — Действительно, удачное время. Я обсуждал приобретение коллекции Петрова с мисс Блэквуд, когда прозвучал сигнал тревоги. Мне приходится сдерживать истерический смех. Мы теперь так это называем? — Ложная тревога, — объясняет Чен. — В новой системе все еще есть несколько ошибок, которые нужно устранить. Извините за неудобства. — Ничего страшного. — Дмитрий поправляет галстук. — Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть. Ткань моего платья влажнеет на бедрах, когда я выхожу вслед за ними. Дмитрий идет немного позади меня, и я задаюсь вопросом, использует ли он меня, чтобы скрыть свое текущее состояние возбуждения от посторонних глаз.

Глава 11

ДМИТРИЙ

Я останавливаю Таш, прежде чем она успевает уйти. — На минутку в твой кабинет. Это не просьба. Ее плечи напрягаются, но она следует за мной внутрь. Я закрываю дверь с тихим щелчком. — Теперь пути назад нет. — Я прислоняюсь к ее столу, наблюдая за внутренней борьбой, разыгрывающейся на ее лице. — Ты ведь знаешь это, верно? — Я должна идти. — Ее голос дрожит. — Неужели? — Я меняю позу, позволяя ей увидеть, как она все еще влияет на меня. Румянец заливаает ее щеки. — Я замечаю в тебе все, Таш. Каждая реакция. Она делает шаг назад. — Это неуместно. — И все же мы здесь. — Я медленно приближаюсь. — Перестань притворяться, что ты не хочешь этого так же сильно, как я. — Дмитрий... — Символический протест. — На колени. — Команда звучит грубо от необходимости. Ее глаза темнеют от моего тона, а зрачки расширяются. Она колеблется лишь мгновение, прежде чем опуститься, ее дыхание учащается. Я запускаю пальцы в ее волосы. — Хорошая девочка. Тихий вздох, который вырывается у нее, говорит мне все, что мне нужно знать о том, как сильно ей нравится быть под моим контролем. Глаза Таш расширяются, когда я освобождаюсь от штанов, и позволяю ей оценить мой размер. Это потрясающее зрелище, и ее зрачки расширяются, чтобы охватить все. — Посмотри на себя, такая красивая куколка. — Мой голос низкий, и я не замечаю, как она дрожит от моих слов. — Мой член уже жаждет тебя, а ты еще даже не прикоснулась к нему. Я подхожу ближе, провожу кончиком по ее щеке, оставляя за собой след от предварительной спермы. — Соси. — Грубая команда. — Я хочу, чтобы эти полные, красные губы обхватили меня. Ее глаза сверкают от желания, и улыбка играет в уголках ее рта, когда она наклоняется, ее горячее дыхание обдает меня. Ее рот сейчас так близко, и мой член подергивается в предвкушении. — Возьми меня глубоко. Соси меня, как будто от этого зависит твоя жизнь. — Я запускаю пальцы в ее волосы, запутывая руку в шелке. — Используй свой талантливый язычок. Она тихо стонет, и вибрация удовольствия пронзает меня. — Вот так, — подбадриваю я ее грубым голосом. — Издавай эти сексуальные звуки для меня. Ее язычок высовывается наружу, облизывая головку моего члена, пробуя меня на вкус. — Хорошая девочка. Воодушевленная, она берет кончик в рот, обводя языком чувствительный головку. — Вот и все, — стону я, усиливая хватку. — Возьми еще. Послушно она расслабляет челюсть, принимая меня глубже. Она нежно сосет, ее язык ласкает меня, когда она покачивает головой. — Да, именно так, — хвалю я, мои глаза закрываются, когда удовольствие проходит через меня. — Обхвати рукой основание. Сжимай крепко. Она делает, как ей сказано, и я осторожно толкаюсь в ее рот, покачивая бедрами, пока она сосет и скользит языком по всей длине моего члена. — Тебе это нравится, не так ли? — Спрашиваю я, глядя на нее сверху вниз. — Тебе нравится стоять передо мной на коленях и сосать мой член. — Ммм, — согласно мычит она, вибрация отдается прямо по моим яйцам. Это не может продолжаться долго. Ее рот слишком хорош, слишком горяч, и я близок к краю. С рычанием разочарования я вырываюсь из ее рта, игнорируя ее протестующий стон. Я грубо поднимаю ее на ноги, толкая обратно к столу. Ее глаза расширяются, когда я отодвигаю стопку бумаг, отчего они падают на пол. — Дмитрий... Прежде чем она успевает закончить, я поднимаю ее и кладу на теперь уже чистую поверхность, прохладное дерево которого эротично контрастирует с ее теплой кожей. Ее глаза вспыхивают удивлением и желанием, когда я вхожу между ее ног. Это то, о чем я мечтал. С тех пор, как мы встретились, я хотел, чтобы она была вот так — передо мной, ждала моего прикосновения. Мой член пульсирует от желания, но я заставляю себя двигаться медленно, чтобы подразнить. Я провожу кончиком своей эрекции по

ее гладким складочкам, не совсем входя в нее, наблюдая за ее лицом, когда она закусывает губу, чтобы заглушить стоны. Ее бедра приподнимаются над столом, стремясь к большему контакту.— О, тебе это нравится, не так ли? — Я дразню, мой голос хриплый от желания. — Тебе нравится чувствовать, как мой член дразнит твой клитор. Она кивает, ее глаза затуманены желанием. — Пожалуйста, Дмитрий, — выдыхает она. — Ты нужен мне. Но я пока не готов сдаваться. Я хочу растянуть это, насладиться каждым моментом. Я продолжаю дразнить ее, скользя кончиком своего члена по ее влажности, мучая нас обоих.— С тобой так хорошо, Таш, — шепчу я, мой контроль ускользает, когда моя потребность в ней нарастает. — Такая чертовски теплая и влажная. Ее руки вцепляются в край стола, костяшки пальцев побелели, когда она изо всех сил пытается не втолкнуть меня в себя. — Пожалуйста, — снова умоляет она, ее бедра приподнимаются мне навстречу. — Ты нужен мне внутри.— Еще нет. — Мой голос звучит хрипло. — Я хочу услышать, как ты умоляешь более изящно. Ее грудь вздымается, когда она пытается отдышаться. — Я хочу твой член. Пожалуйста, мне нужно, чтобы ты трахнул меня. Наполни меня.— Лучше. — Я провожу пальцем по ее щели, наслаждаясь ее вздохом. — Но я хочу услышать больше. Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я сделал с твоей прелестной киской? Ее глаза, темные от желания, останавливаются на моих, пока ее бедра извиваются под моими прикосновениями. — Я хочу, чтобы ты трахнул меня. Пожалуйста. Засунь свой толстый член в меня и растяни меня чертовски широко. Распутная манера, с которой она умоляет, посылает укол вождления прямо в мой член. — Ты хочешь, чтобы я трахнул эту тугую киску, да? — Спрашиваю я. — Ты хочешь, чтобы я растянул тебя своим членом и заставил кончить?— Да. — Теперь в ее голосе звучит мольба, без всякого притворства. — Пожалуйста, Дмитрий. Ты нужен мне. Я такая влажная и жажду тебя. Мой контроль быстро ускользает. — Скажи это снова. — слова звучат как грубое требование. — Скажи мне, насколько влажная для меня твоя киска. Ее руки запутались в моих волосах, когда она притягивает меня к себе для страстного поцелуя. — Я такая чертовски мокрая для тебя, — шепчет она мне в губы. — Ты возбуждаешь меня. Я никогда никого так не хотела. Я стону, мое тело придвигается ближе к ней, когда ее слова разжигают мою потребность. Я хватаю ее запястья одной рукой, поднимая их над ее головой. — Такая хорошая девочка. Она выгибает спину, прижимаясь грудью к моей. — Я хочу тебя в своей киске, — выдыхает она, ее дыхание обжигает мою шею. — Трахни меня, Дмитрий. Пожалуйста, просто трахни меня уже. Хриплое требование выводит меня из себя. Я врезаюсь в нее, наши взгляды скрещиваются, когда ее тепло окутывает меня. — Черт, — выдавливаю я, мои глаза закрываются от плотного, влажного давления. Ее ногти впиваются в мою кожу, ее голова откидывается назад, когда она вскрикивает. — Да, именно так, — стонет она, ее ноги обвиваются вокруг моей талии. — Сильнее. Трахни меня сильнее. Я толкаюсь в нее, мои бедра двигаются, когда ее тело приветствует меня. Ее тепло окружает меня, затягивая глубже. Я чувствую ее повсюду — прикосновение ее кожи к моей, ее дыхание на моей шее, ее ногти, царапающие мою спину.— Сильнее, Дмитрий, — выдыхает она, обхватывая ногами мою талию. — Трахни меня так, как ты этого хочешь. Ее слова подобны наркотику, подстегивающему меня. Я наклоняюсь, захватывая ее рот в страстном поцелуе, завладевая ее ртом, в то время как мои бедра неустанно двигаются. Я хочу заклеить ее, пометить как свою, и эта мысль вызывает во мне новую волну желания.— Я хочу почувствовать, как ты кончаешь на мой член, — рычу я, мои губы касаются ее губ, пока я говорю.— Тогда заставь меня, — бросает она вызов, царапая ногтями мою спину. — Заставь меня кончить для тебя. Ее смелость посылает через меня волну чистого вождления, и я врываюсь в нее, захватывая ее рот в поцелуе, граничащем с насилием. Ее стоны разжигают мое желание, и я теряюсь в ощущениях, в том, как она сжимается вокруг меня, как ее ногти впиваются в мою кожу.— С тобой так чертовски приятно, — ворчу я, мои глаза закрываются, когда удовольствие прокатывается по мне. — Узко... так узко.— Тебе нравится? — дразнит она, запуская пальцы мне в волосы. — Тебе нравится, когда моя киска сжимает твой член?— Черт возьми, да, — стону я, мои бедра

двигаются, когда я вхожу в нее. — Ты не представляешь, как это приятно. Как сильно я этого хотел. — Тогда возьми это, — требует она, ее голос — чистый грех. — Возьми от меня то, что ты хочешь. Я хватаю ее за бедра и разворачиваю, опрокидывая на стол. Ее стон удивления переходит в вздох, когда я шлепаю ее по заднице, оставляя красный отпечаток ладони на ее кремовой коже. — Тебе это нравится, не так ли? — Я рычу ей на ухо, погружая свой член глубоко в нее. — Тебе нравится, когда я беру то, что хочу. — Да, — выдыхает она, прижимаясь грудью к прохладному дереву. — Еще... пожалуйста. Я снова шлепаю ее по заднице, оставляя еще один след. — Такая хорошая девочка. Я дергаю ее за волосы, запрокидывая ее голову назад. — Я собираюсь трахнуть тебя так сильно, что завтра ты не сможешь ходить прямо, — бормочу я. — Да... — стонет она хриплым от желания голосом. — Я хочу, чтобы ты это сделал. Дай мне почувствовать это. Отпечатки моих ладоней на ее заднице резко контрастируют с тонкой тканью ее платья. Она выглядит такой скромной и консервативной, но берет все, что я ей даю, и просит еще. Это суровое напоминание о том, что у самых ничего не подозревающих людей иногда возникают самые темные желания. Я крепче сжимаю ее волосы, другая моя рука скользит вниз, чтобы сжать ее грудь через платье. — У тебя самая тугая киска, — шепчу я, касаясь губами ее уха. — Она так идеально обхватывает мой член. Создана специально для меня. — Только для тебя, — соглашается она, ее голос прерывается, когда я толкаюсь в нее. — Всегда ты, Дмитрий. Эти слова посылают укол вожеления прямо в мой член. Когда я вижу ее такой, у меня возникает непреодолимый порыв. Ее бедра выгибаются назад навстречу моим толчкам, ее тело движется в идеальной гармонии с моим. Я крепко сжимаю ее волосы в кулаке и тяну ее вверх, меняя угол своих толчков. — Черт, — ворчу я, мои глаза закрываются, когда новая поза поражает ее как раз в нужном месте. — Ты такая тугая. — Дмитрий... — В ее голосе звучит мольба, тело напрягается. — Прямо сейчас ... не останавливайся. Я врываюсь в нее, звук соприкосновения наших тел наполняет комнату. — Кончи для меня, — требую я, мой голос хриплый от моего собственного желания, скручивающего внутренности. — Кончай на мой член. Ее пальцы впиваются в стол, спина выгибается дугой, когда она вскрикивает. Ее киска сжимается вокруг меня, и ее соки текут по всей длине, пропитывая нас обоих. — Вот и все, — выдавливаю я, мои глаза закатываются, когда ее оргазм доводит меня до крайности. — Черт, твоя тугая киска душит мой член. Я врезаюсь в нее еще несколько раз, каждый толчок посылает через меня новые волны удовольствия. С последним рычанием я изливаюсь в нее, мой член пульсирует, когда я зарываюсь лицом в ее сладко пахнущие волосы. На мгновение у нас обоих перехватывает дыхание, наши тела все еще соединены. Затем я медленно выхожу из нее, и ее тело неохотно выпускает мой член. Вид моей спермы, стекающей из ее израненной киски, чертовски божественен. И вот тогда я понимаю, что не воспользовался презервативом. Какого хрена? Я всегда пользуюсь презервативом. Я помогаю Таш встать, поддерживая ее, когда она слегка покачивается. — Я прошу прощения. Я был... беспечен. — Таблетки. — Она разглаживает платье, щеки пылают. — Я принимаю таблетки. И чиста, конечно. — Я тоже чист. — Моя челюсть сжимается. — Но я никогда не трахаюсь без защиты. Никогда. Она приподнимает бровь в ответ на мою горячность. — Все в первый раз? — Нет. — Я провожу рукой по волосам. — Я горжусь своим самообладанием. Эта ошибка... — Эй. — Она берет меня за руку. — Все в порядке. Мы оба взрослые. Оба проверены. Оба защищены. Я киваю, но потеря контроля все еще выбивает меня из колеи. В моей работе, в моем положении контроль — это все. И все же с Таш моя тщательно поддерживаемая сдержанность продолжает ускользать. — Ты что-то делаешь со мной, — признаюсь я, обхватывая ладонями ее лицо. — Заставляешь меня забыть. Ее губы кривятся. — Это так плохо? — Возможно, нет. — Я провожу большим пальцем по ее нижней губе. — Но это определенно опасно. Ее глаза полны темного желания. — Я снова хочу тебя, — шепчет Таш, ее пальцы скользят вниз по моей груди. Мой член встает при ее словах. Черт. То, что эта женщина делает со мной — Ты играешь с огнем. — Может, мне нравится обжигаться. — Она прижимается ближе, и я чувствую запах ее духов, смешанный с

ароматом секса. — Скажи мне, что ты меня не хочешь. Я хватаю ее за запястье, останавливая блуждающую руку. — Конечно, я хочу тебя. Я едва коснулся поверхности всего, что хочу сделать с тобой. У нее перехватывает дыхание. — Тогда сделай это. Мой контроль — то небольшое, что мне удалось восстановить, — рушится. Я прижимаюсь своим ртом к ее губам, захватывая ее губы в мучительном поцелуе. Она стонет мне в рот, ее тело тает рядом с моим. — Я должен пойти домой, — бормочу я ей в губы, в то время как мои руки скользят вниз, чтобы обхватить ее задницу. — Должен, — соглашается она, покусывая мою нижнюю губу. — Но ты этого не сделаешь. Она права. В этот момент я знаю, что не покину ее сегодня вечером. Не тогда, когда она вот так смотрит на меня, ее губы припухли от моих поцелуев, а на ее теле все еще видны следы моего обладания. Я углубляю поцелуй, мой язык скользит по ее языку, когда я снова прижимаю ее к столу. Ее руки запутываются в моих волосах, притягивая меня ближе. Нет, я определенно не вернусь домой сегодня вечером. Не тогда, когда есть еще что-то в Таш, что можно исследовать, попробовать или заявить права.

Глава 12

ТАШ

Вздрыгнув, я просыпаюсь, моя спина протестует из-за неудобного положения в моем кожаном офисном кресле. Мягкий утренний свет проникает через окна от пола до потолка, отбрасывая длинные тени на мой рабочий стол. Я одна. Моя рука касается кашемировой накидки, которой раньше на мне не было, — накидки, которая пахнет им. Дмитрий, должно быть, накрыл меня перед уходом. Эта мысль вызывает, прилив воспоминаний о прошлой ночи...Его руки обхватили мои бедра и прижали меня к столу из красного дерева. Его арктически-голубые глаза темнели с каждым поцелуем. Он шептал мне на ухо русские нежности. Сила его рук прижала меня к себе, и у нас обоих перехватило дыхание.— Останься, — пробормотал он, потянув меня на кожаный диван в углу. Его обычное безупречное самообладание дало трещину, обнажив что-то под фасадом. На этот раз маска соскользнула. Я потягиваюсь, и мои мышцы приятно ноют. Бумаги со вчерашнего предложения о приобретении разбросаны по полу — мы сбросили их со стола в спешке. Мои щеки вспыхивают от этого воспоминания. Часы на моем столе показывают шесть сорок семь утра, достаточно рано, чтобы еще никто не пришел. Я собираю упавшие бумаги, поправляю юбку и смотрю на свое отражение в окне. Моя помада стерлась, а волосы растрепались, несмотря на мои попытки пригладить их. Кашемировый плед все еще пахнет его одеколоном. Я аккуратно складываю его, неуверенная, стоит ли расстраиваться из-за того, что он позволил мне поспать, а не разбудил. Мой телефон жужжит от сообщения, и я смотрю на него. Кофе на твоём столе. Увидимся на заседании правления в 9. Конечно же, дымящаяся чашка из моего любимого кафе все еще горячая. Дмитрий, должно быть, только что принес ее. Мой желудок переворачивается от того, что он даже знает мой заказ. Я откидываюсь на спинку стула, обхватывая себя руками. В моей голове прокручивается ночь — его прикосновения, его голос, то, как он, наконец, потерял контроль. Уязвимость в его глазах перед тем, как я задремала в его объятиях. Я достаю свой запасной наряд из сумки, спрятанной за моим картотечным шкафом, — темно-синее трикотажное платье от Сент-Джон, которое идеально подходит для зала заседаний. Ткань приятно холодит кожу, когда я разглаживаю ее на бедрах. Слава Богу, у меня здесь есть запасная одежда. В моей косметичке достаточно средств, чтобы придать мне презентабельный вид. Женщина в зеркале выглядит отполированной и профессиональной — совсем не так, как та, кто провела ночь, хорошенько отраханная в своем офисе. Я разложила документы о приобретении на своем столе, выделяя ключевые моменты для презентации. Кофе, который оставил Дмитрий, идеален — латте с овсяным молоком и дополнительной порцией. Тот факт, что он точно знает, какой я предпочитаю кофе, вызывает у меня неприятную дрожь по спине. В восемь пятьдесят пять я вхожу в зал заседаний. Дмитрий уже там, безупречный, в угольно-черном костюме от Армани, ни одна прядь не выбилась из прически. Он даже не отрывает взгляда от своего телефона.— Доброе утро, мисс Блэквуд. — Его голос холодный и профессиональный. Никакого намека на мужчину, который несколько часов назад шептал грязные слова мне на ухо.— Мистер Иванов. — Я сажусь напротив него, раскладывая свои материалы. Я сжимаю ручку так сильно, что она почти ломается, пока Дмитрий препарирует мое предложение с хирургической точностью. Его тон — чистый лед, ничто не сравнится с жаром прошлой ночи. Никаких следов мужчины, который прикасался ко мне так, словно умирал с голоду.— Документация о происхождении кажется неполной. — Он постукивает по папке наманикюренным пальцем. — Нам понадобится более тщательный анализ истории коллекции. Мои щеки горят от негодования. Как он смеет сидеть здесь

и критиковать мою работу, как будто это не я выкрикивала его имя несколько часов назад? Как будто он не оставил меня спать одну в моем кабинете, на мне не было ничего, кроме брошенного одеяла? — Возможно, мисс Блэквуд могла бы подробнее рассказать о процессе аутентификации? — Его голубые глаза встречаются с моими, полностью лишённые эмоций. Я чувствую, что взгляды членов правления выжидающе устремлены на меня. Я заставляю свой голос оставаться ровным. — Коллекция Петрова была тщательно проверена множеством независимых экспертов. Их отчеты включены в Приложение С. — Хм. — Он листает страницы со скучающим выражением лица. — Эти сертификаты кажутся устаревшими. Прежде чем продолжить, нам понадобится текущая документация. У меня закипает кровь. Он чертовски хорошо знает, что эти сертификаты действительны — мы подробно обсуждали их. Теперь он намеренно подрывает мою работу. — Существующая документация соответствует отраслевым стандартам, — говорю я сквозь стиснутые зубы. — Но если правлению потребуется дополнительная проверка, я это устрою. — Посмотрим. — Он даже не отрывает взгляда от телефона, отмечая мои многомесячные изыскания. Я впиваюсь ногтями в ладони под столом, изо всех сил стараясь сохранить свой профессиональный вид. Другие члены правления бубнят о бюджетах и логистике, но я могу сосредоточиться только на полном безразличии Дмитрия. То, как непринужденно он стирает все горячие моменты между нами. Его одеколон растекается по столу — тот же аромат исходил от моей кожи прошлой ночью. Я перебираю свои бумаги, вспоминая, как его идеально наманикюренные пальцы выводили узоры на моей обнаженной коже. — Переходим к следующему пункту, — говорит он ровно, как будто не видит, как я разваливаюсь на части. Я вылетаю из зала заседаний, когда совещание заканчивается, мои каблуки стучат по мрамору, когда я направляюсь в свой офис, возясь с дверной ручкой. — Убегаете, мисс Блэквуд? — Голос Дмитрия разносится по коридору. Я захлопываю дверь своего кабинета, но он ловит ее, прежде чем она закрывается. Замок щелкает за ним, когда он входит внутрь. — В какую игру ты играешь? — Я поворачиваюсь к нему лицом. — Ты полностью подорвал мою работу. — Я просто выполнял свою работу члена правления. — Его идеальная маска остается на месте, но я замечаю, как подергивается его челюсть. — Чушь собачья. — Я подхожу ближе, тыча пальцем ему в грудь. — Ты наказываешь меня за то, что прошлой ночью я заставила тебя потерять контроль. — Не лести себе. — Его голос понижается до ледяного тона. — Это просто бизнес. — Ты трус, Дмитрий Иванов. Его глаза темнеют. В два шага он прижимает меня к столу, хватаясь руками за край с обеих сторон от меня. — Как ты меня назвала? — Трус. — Я вздергиваю подбородок. — Ты в ужасе, потому что на этот раз твой идеальный контроль ускользнул. Потому что ты действительно почувствовал что-то настоящее. Его дыхание учащается, маска трескается. — Ты понятия не имеешь, о чем говоришь. — Разве нет? — Я прижимаюсь ближе, наблюдая, как расширяются его зрачки. — Великий Дмитрий Иванов, так напуган собственными чувствами, что вынужден прятаться за заседаниями совета директоров и корпоративной политикой. Его пальцы впиваются в дерево. — Наташа... — Это предупреждение. — По крайней мере, я осмеливаюсь признать, что то, что произошло между нами, что-то значило. Мускул дергается на его челюсти. Невозмутимый вид полностью разрушается, когда он прижимается своим ртом к моему. На мгновение его рот захватывает мой с сокрушительной силой, но я отталкиваю его. — Нет. Ты не можешь этого делать. Ты оставил меня спать в моем кабинете, как будто это какая-то грязная тайна. — Мне нужно было переодеться. — Его голос звучит грубо, льдисто-голубые глаза сверкают. — И я принес тебе кофе. — Кофе? — Я смеюсь, звук резкий и горький. — Это твое оправдание? Боже, ты действительно невыносим. — А чего ты ожидала? Любовной записки? — Он проводит рукой по своим идеальным волосам, взъерошивая их. — Это не какой-то любовный роман, Наташа. — Я ожидала элементарной человеческой порядочности. — Я хватаюсь за край своего стола. — Ты мог разбудить меня. Вместо этого мне пришлось красться по своему собственному офису, как... — Как, кто? — Он подходит ближе, от его одеколona у меня кружится голова. — Как та, которая позволила мне трахнуть ее на этом самом

столе? Жар заливает мои щеки. — Не смей пытаться пристыдить меня за прошлую ночь. — Я не собираюсь. — Он понижает голос, отчего у меня по спине пробегают мурашки. — Я напоминаю тебе, что происходит, когда мы остаемся наедине. — На этот раз это не сработает. — Но мое тело предает меня, реагируя на его близость. — Ты не можешь просто поцеловать меня и покончить со всем этим. Его взгляд опускается к моим губам. — Нет? — Нет. — Слово выходит громче, чем я хотела. — Я заслуживаю лучшего, чем обращения, будто я твой маленький грязный секрет. — Маленький грязный секрет? — Его рука обхватывает мое лицо, большой палец касается моей нижней губы. Несмотря на свой гнев, я наклоняюсь навстречу его прикосновениям. — А что еще это может быть? — Шепчу я. — Ты даже не смотришь на меня на собраниях. — Потому что, когда я смотрю на тебя, — его другая рука сжимает мое бедро, притягивая меня ближе, — я вспоминаю, какая ты на вкус. Как ты звучишь, когда разрываешься на части для меня. У меня перехватывает дыхание. — Дмитрий... — Скажи мне остановиться. — Его губы касаются моего уха. — Скажи мне, что ты не хочешь этого также сильно, как и я. — Ты невероятен. — Я толкаю его в грудь, вырываясь из его хватки. — Ты думаешь, что можешь унижить меня на собрании, а потом ворваться сюда и соблазнить? — Заседание правления было деловым вопросом. — Его челюсть сжимается. — Это личное. — В этом-то и проблема. — Я поправляю платье, ставя стол между нами. — Я не стану твоим маленьким грязным секретом, с которым ты на людях обращаешься как с мусором. — Я не обращался с тобой как с мусором. — Его безупречное самообладание ускользает. — Я действовал профессионально. — Профессионально? — Я отрывисто смеюсь. — Ты намеренно подорвал месяцы моей работы. Эти сертификаты действительны, и ты это знаешь. — Правление ожидает определенного уровня контроля... — О, оставь это. — я хватаю папку с предложениями. — Ты вел себя как осел, потому что боялся, что кто-нибудь может заметить, что тебя на самом деле волнует что-то, кроме твоего драгоценного контроля. Его глаза вспыхивают. — Осторожнее, Наташа. — Или что? — Я подхожу ближе, вздернув подбородок. — Ты накажешь меня сильнее на следующей встрече? Продолжай. Но не жди, что я потом раздвину для тебя ноги. — Такие грубые выражения от принцессы из высшего общества. — Его губы кривятся в приводящей в бешенство ухмылке. — Убирайся из моего кабинета. — Заставь меня. — Он прислоняется к дверному косяку, ослабляя галстук. — Мы оба знаем, чем это закончится. Я хватаю ближайший предмет — хрустальное пресс-папье — и швыряю ему в голову. Он плавно уворачивается, ухмылка не сходит с его лица. — Над твоей меткостью нужно поработать, принцесса. — Он выходит в коридор. — Но мне действительно нравится наблюдать, как ты... возбуждаешься. Дверь со щелчком закрывается, прежде чем я успеваю бросить что-нибудь еще. Я опускаюсь на стул, руки трясутся от ярости и затаенного желания. Будь он проклят. Я хлопаю рукой по столу, сбивая бумаги и кофейную чашку. Кофе, который он принес мне. Как какое-то извращенное предложение мира после того, как оставил меня одну в моем кабинете. О чем я только думала? Я позволила Дмитрию Иванову соблазнить меня прямо здесь. В моем собственном убежище. Тот же человек, который только что унижил меня. Мое отражение в окне насмехается надо мной. Я выгляжу идеально собранной в своем темно-синем платье, но внутри у меня беспорядок. Как я перешла от предупреждения Софии об этих мужчинах к раздвиганию ног для одного из них? На моем собственном столе, не меньше. Моя кожа все еще горит там, где он прикасался ко мне. Он даже не взглянул на меня в зале заседаний, но я чувствовала его присутствие, как электрический ток. Даже сейчас, как бы я ни была зла, мое тело предает меня воспоминаниями о его руках, его рту, о том, как он заставил меня умолять... Я сжимаю бедра вместе, испытывая отвращение к собственной слабости. Это именно то, чего он хочет — проникнуть мне под кожу, заставить меня усомниться в себе. Чтобы доказать, что он может контролировать меня точно так же, как контролирует все остальное в своем идеально упорядоченном мире. Мой взгляд снова привлекает кофейная чашка, и я с удовлетворенным стуком выбрасываю ее в мусорное ведро. Я не стану еще одним завоеванием Дмитрия Иванова. Еще одной красивой вещицей, которую

он может добавить в свою коллекцию. Даже если часть меня все еще жаждет его прикосновений. Боже, я жалкая.

Глава 13

ДМИТРИЙ

Я осматриваю комнату, заносю в каталог каждую деталь, при этом выглядя совершенно непринужденно. Шампанское льется рекой, когда спонсоры общаются под хрустальными люстрами. Тем не менее, мое внимание сосредотачивается на одной сцене, которая заставляет меня покраснеть. Грегори Мэтьюз нависает над Таш, как стервятник, его мясистая ладонь лежит на ее обнаженной руке. На ней черное коктейльное платье, облегающее ровно настолько, чтобы выглядеть вызывающе, оставаясь при этом профессионалом. — Захватывающий взгляд на новое приобретение Кандинского, — растягивает слова Мэтьюз, наклоняясь к ней ближе, чем необходимо. — Мне бы хотелось побольше узнать о ваших планах относительно современного крыла за ужином. Смех Таш разносится по комнате, натренированный и вежливый. Ее глаза на долю секунды встречаются с моими, прежде чем вернуться к Мэтью. — Видение правления в отношении коллекции амбициозно. Я делаю размеренный глоток скотча, наблюдая, как рука Мэтьюза скользит вниз к ее пояснице. Я крепче сжимаю хрустальный бокал. — Кстати, о коллекциях ... — продолжает Мэтьюз. — Недавно я приобрел несколько экспонатов, которые прекрасно дополнят вашу российскую выставку. Может быть, мы могли бы обсудить потенциальное кредитное соглашение? — Как великодушно. — Улыбка Таш не касается ее глаз. Она снова смотрит в мою сторону, на этот раз позволяя своему взгляду задержаться. — Хотя, конечно, для любых крупных приобретений потребуются одобрение совета директоров. Я узнаю ее игру. Тонкие взгляды, то, как она поворачивает свое тело к Мэтьюзу, обеспечивая мне ясный обзор. Она пытается спровоцировать реакцию. Мэтьюз наклоняется, чтобы что-то прошептать ей на ухо. Ее плечи слегка напрягаются, но она заставляет себя снова рассмеяться, касаясь его руки в ответ. Виски обжигает мне горло, когда я осушаю стакан. Я провел последнюю неделю, уважая ее личное пространство после нашей ссоры, но наблюдение за тем, как этот шут лапает ее, проверяет пределы моего контроля. Когда она снова встречается со мной взглядом, я не скрываю своего выражения. Пусть она точно поймет, что я думаю о ее маленьком представлении. У нее перехватывает дыхание, это видно даже с другого конца комнаты. Мэтьюз остается рассеянным, бубня о своей коллекции произведений искусства, в то время как его рука блуждает по ее телу. Я подаю знак бармену принести еще виски, не отрывая глаз от зрелища в другом конце зала. Мэтьюз становится смелее с каждой минутой, его пальцы вырисовывали узоры на руке Таш. Передо мной появляется хрустальный бокал. Я не обращаю внимания на официанта. Таш смеется над чем-то, что говорит Мэтьюз, кладя руку ему на грудь. От этого жеста у меня сводит зубы. Она играет свою роль идеально — внимательного куратора, развлекающего богатого потенциального спонсора, — слишком идеально. — У тебя изысканное платье, — говорит Мэтьюз достаточно громко, чтобы его услышали. — Оно винтажное? — Хороший глаз. — Таш медленно поворачивается, позволяя его руке коснуться ее талии. — Диор 1950-х. Лед звякает о хрусталь, когда я делаю еще один глоток. Она точно знает, что делает, и знает, что я наблюдаю за ее маленьким представлением. Каждое случайное прикосновение, каждая застенчивая улыбка призваны подтолкнуть меня ближе к краю пропасти. Мэтьюз подходит ближе, ободренный ее восприимчивостью. Его пальцы скользят по вырезу ее платья, задерживаясь дольше, чем позволяют приличия. — Мастерство замечательное. Эти детали... Я замечаю, как на долю секунды ее улыбка становится натянутой. Но она не отступает. Не убирает его руку. Вместо этого она наклоняет голову, обнажая изгиб своей шеи, и изучает рукав, к которому он сейчас прикасается. Виски обжигает, но не помогает приглушить тьму,

расползающуюся в моей груди. Она заходит в этой игре слишком далеко, позволяя рукам этого болвана блуждать там, где им не место. Мои пальцы сжимают стакан, представляя, как приятно было бы обхватить ими горло Мэтьюза вместо этого. Глаза Таш снова находят мои. Вызов горит в их глубинах, когда она позволяет Мэтьюзу вести ее к барной стойке, его рука все еще властно лежит у нее на пояснице. Я наблюдаю, как Таш извиняется, ее каблуки стучат по мрамору, когда она направляется в коридор. Глаза Мэтьюза следят за ее удалением с хищным интересом. Он ждет несколько секунд, затем ставит свой бокал и следует за ней. Мои челюсти сжимаются. Хрустальный бокал грозит разбиться в моей руке. Я ставлю его на место, у меня руки чешутся обхватить Мэтьюза за горло. Я следую за ним, сохраняя достаточное расстояние, чтобы меня не заметили. Коридор тянется впереди длинный и пустой, мягкие бра отбрасывают тени на стены. Шаги Мэтьюза отдаются эхом, когда он ускоряет шаг. Таш выходит из дамской комнаты и замирает, когда замечает Мэтьюза, прислонившегося к стене. Он выпрямляется, преграждая ей путь. — Уходишь так скоро? — Его голос разносится по коридору. — Я надеялся, мы могли бы продолжить наш разговор в более уединенном месте. — Мистер Мэтьюз, я должна вернуться на вечеринку. — Тон Таш остается профессиональным, но я улавливаю нотки напряжения. Он подходит ближе, прижимая ее к стене. — Ну же, мы оба знаем, почему ты флиртowała весь вечер. — Я была вежлива. Не более того. — Ее слова звучат резко и ясно. Мэтьюз кладет мясистую руку рядом с ее головой, наклоняясь. — Не разыгрывай скромницу, милая. Ты напрашивалась на это весь вечер. Что-то обрывается у меня в груди. Тщательная сдержанность, которую я сохранял весь вечер, разбивается вдребезги, как стекло. Мои шаги затихают, когда я сокращаю расстояние. Мэтьюз не замечает моего приближения, слишком сосредоточенный на том, чтобы загнать добычу в угол. Глаза Таш встречаются с моими через его плечо, в их глубине смесь облегчения и триумфа. Она разыграла меня. Намеренно спровоцировала именно этот сценарий. Но это знание никак не умеряет ярость, бурлящую в моих венах, когда я наблюдаю за нежелательными заигрываниями Мэтьюза. Во всяком случае, это подпитывает тьму, поднимающуюся внутри меня. Я хватаю Мэтьюза за плечо, впиваясь пальцами в болевую точку под его ключицей. Его вопль боли эхом разносится по коридору, когда я отрываю его от Таш. — Мистер Мэтьюз. — Мой голос звучит мягко и сдержанно. Убийственно. — Я думаю, вы слишком много выпили. Он спотыкается, его лицо краснеет, когда он понимает, кто я. — Мистер Иванов! Я просто... — Уходишь. — Я заламываю ему руку за спину, используя рычаг давления, чтобы отвести его на несколько шагов по коридору. Наклоняясь близко к его уху, я перехожу на шепот. — Если я когда-нибудь снова увижу, что ты прикасаешься к ней, они не найдут достаточно останков, чтобы опознать тело. Лицо Мэтьюза бледнеет. Он знает мою репутацию в мире бизнеса. Тем не менее, он понятия не имеет ни об истинной глубине моих способностей, ни о телах, уже похороненных в неглубоких могилах. — Это было недоразумение, — заикается он. — Я не знал, что она... Я усиливаю давление на его руку, пока он не начинает хныкать. — Ваше членство в музее аннулировано. Ваша коллекция больше не приветствуется. Уходите. Сейчас же. Толчком я отпускаю его. Он спотыкается, схватившись за плечо, и практически бежит к выходу. Поворачиваясь обратно к Наташе, я обнаруживаю, что она наблюдает за мной широко раскрытыми глазами. Она впервые видит эту мою сторону — сорванную маску вежливости, обнажающую хищника под ней. — Ты в порядке? — Спрашиваю я, заставляя свой голос вернуться к обычному ровному тону. Она кивает. — Я не ожидала, что он последует за мной. — Разве нет? — Я подхожу ближе, прижимая ее к стене, где Мэтьюз держал ее взаперти несколько минут назад. — Ты весь вечер провоцировала реакцию. У нее перехватывает дыхание. — Не от него. — Нет. — Я провожу пальцем по ее подбородку. — Ты хотела посмотреть, что я буду делать. Как далеко ты сможешь зайти, прежде чем я сорвусь. — Я наклоняюсь, пока мои губы не касаются ее уха. — Будь осторожна в своих желаниях, куколка. Тебе может не понравиться то, что происходит, когда я теряю контроль. Я провожу большим пальцем по ее подбородку, наслаждаясь тем, как учащается ее пульс от моего прикосновения. — Кстати, у тебя ужасный

прицел. Пресс-папье пролетело мимо меня по меньшей мере в трех футах.— В следующий раз я не промахнусь. — Глаза Таш вспыхивают затаенным гневом.— Ты поэтому устроила это маленькое шоу с Мэтьюзом? Месть за заседание правления?— Не все вращается вокруг тебя, Дмитрий. — Она пытается отойти, но моя рука преграждает ей путь.— Нет? Значит, ты не пыталась заставить меня ревновать, позволяя этому болвану лапать тебя весь вечер?— Я вела себя профессионально с потенциальным спонсором. Я наклоняюсь ближе, вдыхая аромат ее духов. — Профессионализм не подразумевает хлопанье ресницами и прикосновение к его груди. Ты хотела, чтобы я это увидел. И отреагировал.— Ты бредишь.— Правда? Тогда объясни, почему ты продолжала смотреть на меня, когда он прикасался к тебе. Убедилась, что я наблюдаю за твоим маленьким представлением. Ее щеки вспыхивают. — Я не...— Не лги мне. Я вижу тебя насквозь. — Я провожу пальцем по ее шее, чувствуя, как она дрожит. — Ты злишься, что я оставил тебя одну в том офисе. Что я соблюдал профессиональную дистанцию на заседании правления. И ты решила нажать на мои кнопки.— Иди к черту.— Такой огонь. — Я хихикаю ей на ухо. — Но мы оба знаем правду. Ты срежиссировала весь этот сценарий. Повела Мэтьюза дальше, убедилась, что я наблюдаю, затем выскользнула из зала одна, зная, что он последует. Зная, что я последую. Ее молчание подтверждает мои слова. Я отстраняюсь ровно настолько, чтобы встретиться с ней взглядом, находя вызов, смешанный с желанием в этих зеленых глубинах.— В следующий раз, когда тебе понадобится мое внимание, — бормочу я, — попробуй попросить об этом, а не играть в игры. Менее вероятно, что все закончится тем, что мне придется избавляться от тела. Ее глаза расширяются от моего комментария. — Что ты подразумеваешь под "избавиться от тела"? Я провожу большим пальцем по ее нижней губе, наслаждаясь тем, как закрываются ее глаза. — Любой, кто прикоснется к тому, что принадлежит мне, заплатит свою цену, куколка. Мэтьюзу повезло, что сегодня вечером я был милосерден.— Я не принадлежу тебе. — Ее голос дрожит, выдавая ее неуверенность.— Нет? — Я наклоняюсь, позволяя своим губам задержаться на расстоянии вдоха от ее губ. Жар ее кожи зовет меня, умоляя сократить это последнее расстояние. Заявить права на то, что принадлежит мне. Вместо этого я отстраняюсь, отказывая нам обоим. Ее разочарованный выдох вызывает волну удовлетворения в моей груди.— Ты высокомерный ублюдок, — огрызается она, сжимая руки.— И ты прекрасна, когда злишься. — Я отступаю, наблюдая, как краска заливает ее щеки. То, как ее грудь вздымается от негодования. — Продолжай говорить себе, что ты не принадлежишь мне. Мы оба знаем правду. Я поворачиваюсь и ухожу, оставляя ее кипеть от злости в коридоре. Ее гнев следует за мной, как духи, сладкие и опьяняющие. Она не единственная, кто знает, как играть в игры.

Глава 14

ТАШ

Я подъезжаю к пентхаусу Николая на Uber, осторожно балансируя тремя бутылками марочного бордо, которые прихватила с собой. Швейцар сразу узнает меня и кивает, открывая дверь. — Добрый вечер, мисс Блэквуд. Частный лифт поднимает меня на верхний этаж. Прежде чем я успеваю постучать, София распахивает дверь, ее лицо сияет. — Наконец-то! Я умираю с голоду, а тайскую еду только что принесли. — Она заключает меня в объятия, беря одну из бутылок вина. — Château Margaux? Тебе не обязательно было так много тратить. — Пожалуйста, как будто я принесла бы что-то меньшее на наш девичник. — Я скидываю свои лабутены у двери, вдыхая ароматы карри и тайских блюд, доносящиеся с кухни. — Приятно, когда это место принадлежит только нам. София уже переделалась в шелковую пижаму, ее волосы собраны в неряшливый пучок. Без властного присутствия Николая пентхаус выглядит по-другому — как-то светлее, непринужденнее. — Я заказала все твои любимые блюда. — София ведет меня на кухню, где на мраморном островке расставлены контейнеры с едой. — Красное карри, спринг-роллы и кокосовый суп, на котором ты помешана. — Ты ангел. — Я ставлю остальные бутылки и беру тарелки из шкафчика, который теперь знаю наизусть. — Как тебе удалось убедить его оставить тебя на ночь? — О, ты знаешь. — София усмехается, откупоривая одно из вин. — У меня есть свои способы. К тому же, в эти дни он ни в чем не может мне отказать. Я достаю два хрустальных бокала для вина. — Преимущества быть миссис Иванова. Мы устраиваемся на плюшевой кровати Софии, держа тарелки на коленях. Город сверкает сквозь окна от пола до потолка — идеальный фон для девичьих бесед и вина. — Боже, мне это было нужно. — Я делаю большой глоток бордо, позволяя насыщенному вкусу танцевать у меня на языке. — Правление музея в последнее время стало жестоким. София ковыряет свой пад тай. — Кстати, о музее... Ты не замечала в последнее время ничего странного в поведении Дмитрия? Мои палочки для еды застывают на полпути ко рту. — Что ты имеешь в виду? — Он был рассеян во время семейных встреч. Николай говорит, что он постоянно проверяет свой телефон, чего он никогда не делает. А вчера? — Она наклоняется вперед. — На самом деле он опоздал на деловой ужин. Дмитрий никогда никуда не опаздывает. Бокал с вином почти выскальзывает у меня из пальцев, красная жидкость расплескивается в опасной близости от края. Я чопорно ставлю его на стол, надеясь, что София не заметит. — Может быть, он просто занят работой? — Мой голос звучит выше, чем предполагалось. — Приобретение коллекции Петрова, должно быть, отнимает у него много времени. Золотисто-зеленые глаза Софии сужаются. — Сначала я так и подумала, но Николай говорит, что он стал таким после благотворительного гала-концерта. Помнишь, тот, где вы двое танцевали? Я снова беру свой бокал с вином и осушаю его одним большим глотком. Алкоголь обжигает мне горло, но я приветствую это ощущение. Что угодно, лишь бы отвлечься от воспоминаний о руках Дмитрия на моей талии, о его горячем дыхании у моего уха. — Возможно, я поцеловала твоего шурина, — выпаливаю я, вино развязывает мне язык больше, чем хотелось. Брови Софии взлетают вверх, понимающая ухмылка кривит ее губы. — Только поцеловала? Я избегаю ее пронзительного взгляда и наливаю еще вина в свой бокал. Воспоминания о руках Дмитрия, его рта и о том, как он прижимал меня к своему офисному столу, проносятся в моей голове. Жар пробегает по моей шее. — Он ведет себя как полная задница по этому поводу, — уклоняюсь я, ставя свой стакан. — Видела бы ты его на заседании правления на прошлой неделе. Вел себя так, словно меня вообще не существовало, в то время как он систематически уничтожал все мои исследования, на которые

я потратила месяцы. София снова наполняет свой бокал, устраиваясь поглубже на диване. — А что насчет вчерашнего? Николай упоминал что-то о сцене с Грегори Мэтьюзом. Мой желудок переворачивается при воспоминании. — Твой дорогой шурин стал настоящим пещерным человеком, когда Мэтьюз загнал меня в угол в коридоре во время спонсорского мероприятия. Практически избил его. — Мэтьюз загнал тебя в угол? — В голосе Софии слышатся нотки беспокойства. — Это не было... — я замолкаю, делая еще глоток, чтобы скрыть выражение своего лица. Я не могу точно признать, что я организовала все это, идеально подобрав время для разговора с Мэтьюзом, чтобы Дмитрий видел нас из главного зала. То, как сжались его челюсти, как потемнели глаза от едва сдерживаемой ярости — это была именно та реакция, на которую я надеялась. — Таш? — спрашивает София. — Ничего серьезного, — быстро отвечаю я. — Мэтьюз просто хотел обсудить свою коллекцию. Дмитрий отреагировал чересчур остро. Выражение лица Софии становится серьезным. — Таш... тебе нужно кое-что понять о Дмитрие. Он не делает ничего случайного. Я пытаюсь отшутиться, но звук застревает у меня в горле. — Что, у него не может быть простой интрижки? — В Ивановых нет ничего простого. — Она придвигается ближе, понижая голос, несмотря на то, что мы одни. — Особенно у Дмитрия. Ты видела, какой он в совете музея — каждая деталь спланирована, каждый результат просчитан. Это не просто его деловой стиль. Он такой и есть. — Помешан на контроле? — Я пытаюсь пошутить, но мрачное выражение лица Софии останавливает меня. — Ты понятия не имеешь. Когда убили их отца, Дмитрию было всего шестнадцать. По сути, он растил Алексея, помогая Николаю строить их империю. Ему приходилось все контролировать, чтобы выжить. — Она смотрит в окно. — В их прошлом есть кое-что... Скажем так, Дмитрий рано понял, что контроль означает выживание. Вино скисает у меня в желудке. — София... — Я говорю тебе это как твой друг. Встретаться с Ивановым — это не то же самое, что встречаться с нормальными мужчинами. Как только они решат, что кто-то принадлежит им... — Она тянется к моей руке, сжимая ее. — Никаких "случайных" действий или отступлений, они не меняют своего мнения. Николай был таким же со мной — в тот момент, когда он принял решение, все было кончено. Но Дмитрий? — Она качает головой. — Он другой. Более сильный. Более... — Она ищет слово. — Неограниченный. Воспоминание о собственнической хватке Дмитрия, о темном обещании в его глазах, когда он застукал меня с Мэтьюзом. — Ты начинаешь меня пугать. — Хорошо. — Голос Софии смертельно серьезен. — Тебе должно быть страшно. Потому что, если Дмитрий проявляет такой большой интерес? Если он нарушает свои собственные правила контроля? В его сознании ты уже принадлежишь ему. Вопрос только в том, готова ли ты к тому, что это значит. Я смотрю в свой бокал с вином, наблюдая, как кружится темная жидкость. — Я не могу перестать думать о нем. Каждый раз, когда я закрываю глаза, он рядом. Когда я на работе, я продолжаю ожидать, что он появится за каждым углом. Это сводит меня с ума. Выражение лица Софии смягчается, когда она смотрит, как я верчу в руках стакан. — О, Таш... — И что хуже всего? Даже когда он абсолютный ублюдок, есть... тяга. Как гравитация. — Я прижимаю ладонь к груди, пытаюсь унять боль. — Я никогда не чувствовала ничего подобного. — Николай говорит, что никогда не видел, чтобы он на кого-нибудь смотрел так, как на тебя, — тихо говорит София. — Видела бы ты его, когдаходишь в комнату. Это как будто... все остальное исчезает для него. — Вот что меня пугает. У него есть эти стены, этот идеальный контроль, и иногда, когда он со мной... — Я качаю головой. — Он дает трещину. И то, что находится за этими трещинами... — Приводит тебя в ужас? — Я не могу зайти так глубоко, София. Не с ним. Не с тем, кто он есть, кем является его семья. София ставит свой бокал, устремляя на меня пронизывающий взгляд, которому она, должно быть, научилась у Николая. — Давай поговорим о твоих стенах, хорошо? Когда ты в последний раз подпускала кого-то достаточно близко, чтобы причинить тебе боль? — Это другое... — Неужели? Вы оба боитесь одного и того же. — Я не боюсь его, — огрызаюсь я. Губы Софии изгибаются в понимающей улыбке. — Нет, ты боишься хотеть его. Есть разница. Правда ее слов поражает меня, как физический удар, у меня перехватывает

тывает дыхание. Я осушаю свой бокал вина.— Еще вина? — София поднимает почти пустую бутылку. — Боже, да. — Я протягиваю свой бокал. — Давай поговорим о чем-нибудь другом — о чем угодно. Например, как новый помощник куратора продолжает смешивать рококо с барокко. София смеется, наполняя наши бокалы. — Или как насчет того спонсора, который пришел на выставку эпохи Возрождения в одежде, которая, по его мнению, соответствовала тому времени?— Боже мой, дублет из полиэстера! — Я чуть не проливаю вино. — И эти пластиковые драгоценности! Мы заливаемся смехом, напряжение от нашего предыдущего разговора тает. Я тянусь за телефоном, чтобы показать ей фотографии с того ужасного вечера, но замираю, когда вижу сообщение Дмитрия. Нам нужно обсудить завтрашнее заседание правления. Твой офис. 8 утра. Мое сердце замирает, а пальцы зависают над экраном. Понимающее "хм" Софии заставляет меня поднять глаза.— Интересное сообщение? — Ее глаза искрятся озорством.— Просто рабочие дела. — Я быстро переворачиваю телефон лицевой стороной вниз, но мои щеки горят. — Обычная подготовка к собранию правления.— Должно быть, это важные рабочие дела. — София отпивает вино, не в силах скрыть улыбку. — Все твоё лицо просто озарилось.— Это не так! — Я хватаю подушку и запускаю ей в голову. — И перестань так на меня смотреть.— Например, как? Она, ухмыляясь и ловит подушку. — Типа, я точно знаю, кто тебе только что написал? Я вижу тебя насквозь под предлогом просто рабочие дела.— Я тебя ненавижу. — Я снова хватаю свой телефон, не в силах удержаться, чтобы не проверить, не отправил ли он еще одно сообщение.— Нет, не правда. — София растягивается на диване. — Итак, в восемь утра встреча с моим дорогим шурином? Может, мне сказать Николаю, чтобы он убедился, что Дмитрий хорошо себя ведет?— Не смей. — Я угрожающе указываю на нее пальцем. — Если Николай вмешается, с Дмитрием завтра будет невозможно иметь дело. — Я кручу бокал с вином в пальцах. — Он уже...— Что "уже"? — София подпирает подбородок рукой, глаза блестят. — Расскажи.— Приводящий в бешенство. Контролирующий. Совершенно неразумный. — Слова срываются с языка. — На прошлой неделе он наложил вето на три моих предложения о приобретении, даже не рассмотрев их должным образом.— Ммм. — Понимающая улыбка Софии вызывает у меня желание запустить в нее еще одной подушкой. — И ты уверена, что это никак не связано с тем, что ты обедала с тем владельцем галереи из Парижа?— Это был деловой ланч!— Конечно, деловой. — Она тянется за последним блинчиком. — Точно так же, как завтрашняя ранняя встреча носит исключительно деловой характер. Но мои мысли уже устремлены вперед, к завтрашнему дню. Дмитрий никогда не назначает встречи до заседания совета директоров. Обычно он появляется в последнюю минуту, привлекая внимание без усилий. Что могло быть настолько срочным, что не могло подождать?— Земля вызывает Таш? — София машет рукой перед моим лицом. — Ты исчезла от меня.— Извини, просто... — Я снова смотрю на свой телефон. Тем не менее, только одно сообщение дразнит меня своей краткостью. — Это странно, правда? Он хочет встретиться перед собранием правления?— О, теперь тебе нужна моя проницательность? — В глазах Софии пляшут искорки веселья. — Я думала, ты не хочешь, чтобы я вовлекала Николая?— Я определенно тебя ненавижу. Она тянется за бутылкой вина. — Ты любишь меня. И ты слишком много об этом думаешь.— Не правда. — Но мои пальцы продолжают скользить по экрану телефона, борясь с желанием ответить на его сообщение.— Конечно, именно поэтому ты проверяла свой телефон пять раз за последнюю минуту. — София наливает вино в мой стакан. — Хочешь, я напишу Николаю? Я уверена, что он может точно рассказать нам, что планирует Дмитрий.— Не смей! — Я выхватываю у нее телефон, прежде чем она успевает дотянуться до него. — Я серьезно, София. Ни слова Николаю.

Глава 15

ДМИТРИЙ

Я отправляю сообщение Таш, зная, что она рассердится на ранний час и мой командный тон. Хорошо. После ее небольшого выступления с Мэтьюзом ей нужно напоминание о том, кому она принадлежит. Мой телефон жужжит, сообщая новости от нашей группы наблюдения. Еще одно нападение от Лебедева, на этот раз на нашем судоходном предприятии в Бруклине. Трое наших людей мертвы. Я просматриваю отчет об ущербе. Дверь в мой кабинет открывается. Входит Николай, его лицо словно высечено из гранита. — Конференц-зал. Сейчас. Я сле-
дую за ним по коридору, где ждут наши главные помощники. Напряжение нарастает, когда мы входим. Алексей прислоняется к стене, скрестив руки на груди. Эрик расхаживает у окна. Я занимаю свое место во главе стола для совещаний, вглядываясь в лица наших самых доверен-
ных людей. Виктор Попов сидит слева от меня, на его обветренном лице видны шрамы от тридцатилетней службы в Братве. Благодаря его опыту в торговле оружием наши оружейные склады были пополнены на протяжении трех войн. Напротив него Иван Морозов барабанит толстыми пальцами по столу из красного дерева. Сеть коррумпированных чиновников старого медведя простирается от Бостона до Москвы. Его сын погиб в результате теракта в прошлом месяце — теперь это его личное дело. — Докладывайте, — приказываю я, и в комнате воцаря-
ется тишина. — Трое убитых в доках, — говорит Алексей, выводя запись с камер наблюдения на настенный экран. — Профессиональная группа захвата. Они знали наш график обхода. — У нас утечка, — рычит Морозов, его акцент усиливается от ярости. — Игорь Лебедев становится смелее, — добавляет Виктор, наклоняясь вперед. — Сначала склад, теперь это. Они пытаются перекрыть наши каналы снабжения. Тактическая оценка Эрика снимает напряжение. — Они проверяют нашу оборону, выискивая слабые места перед более масштабным ходом. — Тогда мы покажем им, что слабых мест нет, — заявляет Николай. Его спокойная властность успока-
ивает неугомонную энергию в комнате. Я изучаю лица вокруг меня — мужчин, которые десятилетиями хранили верность моей семье. Мужчин, которые проливали кровь за нас, убивали за нас. Их гнев из-за этого предательства так же глубок, как и мой собственный. — Джентль-
мены, — говорю я, — пришло время напомнить всем, почему имени Иванова бояться. Хищные ухмылки на их лицах говорят мне, что они готовы к войне. Я откидываюсь назад, наблюдая, как мой старший брат командует в комнате. Даже после всех этих лет присутствие Николая без усилий требует внимания. — Они хотят войны? — В голосе Николая слышатся хорошо знакомые мне опасные нотки. — Тогда мы дадим им войну. Но мы делаем это разумно, страте-
гически. — Сначала мы можем нанести удар по их законному бизнесу, — предлагает Алексей, водя пальцами по планшету. — Их маршруты доставки, их... — Нет. — обрывает его Нико-
лай. — Нам нужно что-то, что ранит сильнее денег. Что-то личное. Эрик переминается с ноги на ногу, его военная подготовка проявляется в том, как он анализирует каждое предложение. — Слабостью Игоря Лебедева всегда была его семья. — Его дочь. — Хриплый голос Ивана Морозова привлекает все взгляды. — Катарина. Она управляет технологическим стартапом, абсолютно законным. Держится на расстоянии от семейного бизнеса. — Она уязвима, — раз-
мышляет Николай. — Живет за пределами нашей территории, думая, что в своем маленьком чистом мирке она в безопасности. Одна дочь, живет одна, играет в предпринимателя... — У нее минимальная защита, — добавляет Виктор. — Думает, что расстояние защитит ее. Серые глаза Николая обводят комнату. — Если я возьму ее, это будет четким сигналом. Лебедевы больше не являются неприкасаемыми. Возможности раскрываются в моем сознании. Законная

деловая женщина стала бы отличным рычагом воздействия — семье Лебедевых будет сложнее объяснить властям ее исчезновение, не раскрывая их деятельность. — Я хочу, чтобы за ней следили, — приказывает Николай. — Полное наблюдение. Каждое движение, каждый контакт, каждое слабое место. Но мы ждем. Пусть они думают, что мы оправляемся от их атак, пока мы собираем разведанные. Я барабаню пальцами по полированному столу, обдумывая наши варианты. — Они будут ожидать возмездия. Они поймут, что мы планируем что-то более масштабное, если мы ничего не предпримем. — Вот именно, — говорит Эрик, в его военном мозгу уже бурлят возможности. — Небольшие удары выведут их из равновесия, заставят тратить ресурсы впустую, оглядываясь через плечо. Глаза Алексея светятся той маниакальной энергией, которую он проявляет при составлении заговора. — Я мог бы разрушить их цифровую инфраструктуру. Ничего очевидного — просто достаточно технических сбоев, которые будут стоить им денег и терпения. — Нам нужно быть осторожными, — предостерегает Николай, его взгляд останавливается на мне. — Что ты думаешь, Дмитрий? Я наклоняюсь вперед, тщательно подбирая слова. — Пока мы планируем похищение Катарины, мы должны напомнить им, почему пересечение границы с нами обходится дорого. Нанесите удар по их операциям на уровне улиц — рэкету, игорным домам. Ничего такого, что кричало бы об Ивановых, но достаточно, чтобы они продолжали терять деньги и рабочую силу. — Время было бы подходящим, — добавляет Эрик. — Отвлек их, пока мы установим наблюдение за дочерью. Николай обдумывает это, выражение его лица задумчивое. Через мгновение он кивает. — Согласен. Мы санкционируем ограниченные удары. Но ничего такого, что могло бы привести к нам. Ничего такого, что привело бы Катарины в состояние повышенной готовности. Напряжение в комнате немного спадает. Все мы знаем ценность терпения в этой игре, но иногда показывать зубы необходимо. Игорю Лебедеву и его семье нужно еще раз усвоить этот урок. Я пытаюсь сосредоточиться на отчете Виктора о поставках оружия, но мои мысли уносятся к Таш. То, как она бросала мне вызов на заседании совета музея, огонь в ее зеленых глазах. — ... усилена охрана в доках... — Голос Виктора сливается с фоновым шумом. Я ерзаю на стуле, раздраженный отсутствием концентрации. Эта встреча имеет решающее значение, поскольку мы планируем военную стратегию. И все же все, о чем я могу думать, — это ощущение кожи Наташи под моими пальцами, тихий вздох, который она пыталась подавить, когда я... — Дмитрий? — Резкий тон Николая заставляет меня замереть. — Что ты думаешь о новой ротации патрульных? — График выглядит солидным, — спокойно говорю я, благодарный за годы практики сохранять маску. — Хотя нам следует подумать о добавлении вспомогательной команды во время пересменки. Понимающий взгляд Николая говорит мне, что он видит меня насквозь. Конечно, он знает, потому что наблюдал, как я теряю свой легендарный контроль с тех пор, как мисс Блэквуд вошла в мою жизнь. Иван бубнит о коррумпированных докерах, но я вспоминаю, как Таш запустила пресс-папье мне в голову. Такой восхитительный вызов. Никто другой не посмел бы. Кристалл пролетел мимо меня всего в нескольких дюймах, но все, чего я хотел, это прижать ее к стене и... — Брат. — Алексей пинает мой стул, заслужив сердитый взгляд. — Ты упускаешь самое интересное. Я выпрямляюсь, заставляя себя сосредоточиться на чертежах, разбросанных по столу. Мы обсуждаем тактические позиции, планы на случай непредвиденных обстоятельств и инфраструктуру нашей империи. Я должен быть полностью занят. Вместо этого мне интересно, получила ли Таш мое сообщение о завтрашней ранней встрече. Интересно, наденет ли она то синее платье, которое обтягивает ее изгибы. Интересно, как долго я смогу сохранять этот фасад профессиональной дистанции, прежде чем я... — Возможно, нам следует сделать перерыв, — предлагает Николай сухим от веселья тоном. — Некоторым из нас нужно время, чтобы... прочистить голову. Я наливаю себе виски, пока остальные делают перерыв. Алексей немедленно растягивается на кожаном диване, ухмыляясь, как дьявол, которым он и является. — Итак... музейные кураторы, должно быть, очаровательные существа. Расскажи нам побольше об их естественной среде обитания, брат. Я бросаю на него предупреждающий

взгляд. — Сосредоточься на своих технических рейдах.— О, он хорошо сосредотачивается, — вмешивается Эрик, наливая себе кофе. — Сосредоточился на том, как ты чуть не пускал слюни на эти расписания патрулирования, мечтая наяву.— Я не...— Это правда, — перебивает Николай, и его обычное суровое выражение лица искривляется весельем. — Я не видел тебя таким рассеянным с того раза в Москве, когда ты забыл свою собственную легенду, потому что балерина...— Мы договорились никогда не упоминать об этом, — рычу я, но не могу сдержать улыбку, растягивающую мои губы. Эти ублюдки слишком хорошо меня знают.— По крайней мере, куратор еще не заставил тебя разбить машину, — язвительно замечает Алексей. — Помнишь, когда Эрик был так занят мыслями о той медсестре, что въехал прямо в...— Это было совсем другое, — протестует Эрик, бросая ручку в голову Алексея. — И если ты закончишь эту историю, я расскажу им о тебе и дочери шведского дипломата.— Дети, — вздыхает Николай, но его глаза искрятся редкой теплотой. — Хотя, должен сказать, Дмитрий, приятно хоть раз увидеть тебя человеком. Даже если это не вовремя.— Говорит человек, отложивший крупную сделку по продаже оружия из-за того, что София чихнула. Мои братья раздражаются смехом, и даже Николаю не удается сохранить видимость достоинства. Такие моменты редки — когда мы можем сбросить маски и просто быть братьями, а не криминальными авторитетами. Когда тяжесть империи спадает ровно настолько, чтобы можно было дышать.— А если серьезно, — говорит Алексей, вытирая слезы с глаз, — ты бы видел свое лицо, когда кто-то упоминает ее имя. Это все равно что наблюдать за неисправностью компьютера.— Я ненавижу вас всех, — бормочу я в свой скотч, но в этом нет жара. В конце концов, эти идиоты — моя семья.

Глава 16

ТАШ

Я смотрю на часы; ровно восемь утра. Дверь открывается, и входит Дмитрий, безупречно одетый в темно-серый костюм от Армани, от которого у меня перехватывает дыхание. Я заставляю себя сосредоточиться на стопке бумаг передо мной.— Доброе утро, мистер Иванов. — Мой голос звучит тверже, чем я ожидал. — У меня есть отчеты об аутентификации, которые ты запрашивал.— Отлично. — Он закрывает дверь с мягким щелчком, который эхом отдается у меня в ушах. — Покажи мне. Я прочищаю горло и начинаю перебирать документы. — Углеродное датирование подтверждает, что фрагменты относятся к правильному периоду. Мы также завершили спектроскопический анализ пигментов... — Я передаю ему первый отчет. Его пальцы касаются моих, когда он берет бумагу. Короткий контакт посылает электричество по моим венам, и воспоминания о тех же пальцах на моей коже непрошеной волной возвращаются. Я стискиваю челюсти и продолжаю.— Вчера вечером пришло подтверждение из Международного реестра произведений искусства. Все соответствует документам о происхождении. — Я перекладываю через стол еще один отчет, на этот раз старательно избегая прикасаться к нему.— А разрешения на экспорт? — Его арктические голубые глаза изучают меня поверх бумаг.— Все по порядку. — Я касаюсь синей папки. — Хотя добиться ускорения от Министерства культуры России было... — я замолкаю, вспоминая бесчисленные звонки и услуги, на которые мне приходилось рассчитывать.— Непросто? — Нотка веселья окрашивает его голос. — Я полагаю, что да. Я выпрямляю спину и прямо встречаю его взгляд. — Ничего такого, с чем я не смогла бы справиться. Коллекция будет готова к установке на следующей неделе, при условии одобрения советом директоров.— Они одобряют. — Он четкими движениями откладывает бумаги. — Вы были очень внимательны, мисс Блэквуд. От того, как он произносит мое имя, у меня учащается пульс. Я хватаюсь за край стола, прижимаясь к массивному дереву. — Просто выполняю свою работу, мистер Иванов.— Так вот почему вы хотели встретиться до заседания правления? — Я собираю бумаги в аккуратную стопку, пытаюсь не обращать внимания на то, что его присутствие наполняет мой кабинет.— Нет. — Дмитрий придвигается ближе, его одеколон дразнит мои чувства. — Отчеты могли подождать до встречи. Я замираю, мои руки все еще на бумагах. — Тогда почему... — Я хочу извиниться за свое поведение на гала-концерте. — Его голос понижается. — Я был... излишне резок. Смех вырывается у меня прежде, чем я успеваю его остановить. — Это один из способов выразить это.— Позволь мне заглядеть свою вину. — Он прислоняется к моему столу так близко, что я вижу тонкий шрам у его виска. — Поужинай со мной сегодня вечером. Мой желудок переворачивается. — Ужин? — В L'Artisan. В восемь часов. Я качаю головой, хотя часть меня трепещет от этого приглашения. — Это плохая идея.— Почему? — Потому что ты шурин Софии. Потому что ты член правления музея. Потому что... — я останавливаю себя, чтобы не добавить: «Потому что я не могу доверять себе рядом с тобой». — Это звучит как отличный повод прояснить ситуацию. — На его лице появляется идеальная улыбка, которая никогда не достигает его глаз. — Чисто профессионально, конечно. Я фыркаю. — В тебе нет ничего чисто профессионального, Дмитрий.— Это означает «нет»? Я должна сказать «нет». Все инстинкты кричат, что обедать с Дмитрием Ивановым — все равно что заходить в клетку к тигру. Но слова, которые вырываются наружу, звучат совсем по-другому. — Я подумаю об этом. Его улыбка становится чуть шире. — Я расцениваю это как «да». Машина заедет за тобой в половине восьмого.— Ты такой высокомерный. — Я не могу скрыть настоящего раздражения за этими словами. — Большин-

ство людей ждут реального согласия, прежде чем договариваться об ужине.— Большинство людей — это не я. — Дмитрий подходит ближе, его высокая фигура отбрасывает на меня тень. Мое сердце учащенно бьется, когда его мужской аромат окутывает меня.— Это именно то, что сказал бы высокомерный человек. — Я хочу, чтобы это прозвучало пренебрежительно, но мой голос выходит хриплым. Он придвигается ближе, пока я не запрокидываю голову, чтобы сохранить зрительный контакт. Температура в моем кабинете, кажется, резко повышается. Его присутствие переполняет мои чувства — тонкий аромат его одеколона, белоснежная рубашка, скрывающая бесчисленные татуировки, которые вы никогда не ожидали увидеть у такого мужчины, как он, и то, как пиджак облегает его широкие плечи. Его пальцы танцуют по моей щеке, отчего у меня перехватывает дыхание. — Чего ты на самом деле боишься, Таш? Я тяжело сглатываю, мое сердце колотится о ребра. — Я ничего не боюсь.— Нет? — Его большой палец проводит по моей нижней губе. — Тогда почему ты дрожишь?— Я не... — Ложь застревает у меня в горле, когда другая его рука опускается на мою талию, притягивая меня ближе. Жар его ладони обжигает меня сквозь шелковую блузку. Мне следует отступить. Следует увеличить расстояние между нами. Вместо этого я качаюсь к нему, захваченная его притяжением, как беспомощный спутник. Его арктическо-голубые глаза темнеют, когда они останавливаются на моих губах. Воздух потрескивает между нами, тяжелый от возможностей. Я поднимаю лицо, пульс учащается, когда он наклоняется... Стук в дверь заставляет меня подпрыгнуть. — Мисс Блэквуд? Ваш гость на время восемь пятнадцать здесь. Я отшатываюсь, чуть не опрокидывая стул. — Подожди... подожди минутку, Дженни! Выражение лица Дмитрия застывает на долю секунды, прежде чем его идеальная маска возвращается на место. Он поправляет свой и без того безупречный галстук. — Я с нетерпением жду встречи на заседании правления через полчаса, мисс Блэквуд.— Да. Заседание правления. — Я разглаживаю юбку, пытаюсь взять себя в руки. — Я подготовлю полную презентацию. Я делаю несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, прежде чем открыть дверь. Там стоит Дженни с мистером Паттерсоном, одним из наших самых щедрых инвесторов. На протяжении десятилетий его картина Моне была центральным экспонатом его частной коллекции.— Мистер Паттерсон, спасибо, что пришли. — Я приглашаю его в свой кабинет, остро ощущая стойкий аромат одеколона Дмитрия. — Пожалуйста, присаживайтесь.— Всегда рад, моя дорогая. — Он устраивается в кресле напротив моего стола, его галстук-бабочка слегка съехал набок. — Хотя, должен сказать, ты выглядишь немного раскрасневшейся. Ты хорошо себя чувствуешь?— Просто торопилась сегодня утром. — Я приглаживаю волосы и сажусь на свое место, прогоняя мысли о Дмитрии из головы. — Теперь о Моне...— Ах, да. — Он наклоняется вперед, его глаза сверкают. — Я слышал, вы готовите выставку импрессионистов к следующей весне.— Да. — Я вытаскиваю предложение, которое подготовила. — И твои Водяные лилии были бы идеальным украшением. Освещение в главной галерее действительно подчеркнет эти сумеречные пурпурные тона. Мистер Паттерсон принимает предложение, поправляя очки для чтения. — Моя покойная жена всегда говорила, что картине место в музее, где каждый может ею насладиться. Я задерживаю дыхание, не смея надеяться, что это может быть так просто. Моне превратит нашу выставку из впечатляющей в экстраординарную. — Расскажите мне подробнее о ваших мерах безопасности, — просит он, листая страницы. — И об экологическом контроле. Такому старому холсту нужна точная влажность... Я начинаю вдаваться в технические детали, выбрасывая из головы все мысли о льдисто-голубых глазах и опасных обещаниях. У меня есть работа, и я чертовски хороша в ней. Дмитрий и любая игра, в которую он играет, могут подождать.

Глава 17

ДМИТРИЙ

Я снова смотрю на свои часы Rolex, отмечая, что прошло восемь минут после нашего бронирования. Метрдотель маячит поблизости, готовый сопроводить меня в частный обеденный зал, который я забронировала в L'Artisan, но я отмахиваюсь от него. Мой телефон жужжит. Сообщение от Акима и подтверждает, что он забрал Таш пятнадцать минут назад. Пробки на Пятой авеню. Я барабаню пальцами по полированной мраморной стойке бара, делая еще один глоток скотча. Хрустальные люстры ресторана отбрасывают теплый свет на интимное пространство, идеально освещая то, что я запланировал. Я поправляю свои запонки — платиновые с маленькими сапфирами, которые сочетаются с моим галстуком. Сегодня вечером все должно быть идеально. Дверь открывается, впуская порыв прохладного вечернего воздуха. У меня перехватывает дыхание. Таш скользит в винтажном комбинезоне Valentino из темно-изумрудного шелка, ткань облегает каждый изгиб, а затем переходит в широкие брюки. Глубокий вырез демонстрирует изящную золотую цепочку, которая скрывается под шелком. Ее темные волосы зачесаны наверх, обнажая изящный изгиб шеи и пару изумрудных сережек в стиле ар-деко, которые я никогда раньше не видел. Но задняя часть комбинезона лишает меня способности формулировать слова — она полностью открыта до талии, пересекаемая только тонкими золотыми цепочками, такими же, как та, что спереди. Шелк идеально ниспадает с ее бедер, отчего ее ноги кажутся бесконечными. Она замечает меня у бара, и ее карие глаза встречаются с моими. Легкая улыбка играет на ее красных губах, когда она приближается. — Извини, я опоздала. — Ее голос низкий, предназначенный только для меня. — Пробки были ужасные. Я до сих пор не обрел дар речи. За все время наших встреч я ни разу не лишился дара речи. Но, видя ее такой, уверенной в себе, сногсшибательной и совершенно уникальной, мне требуется мгновение, чтобы вспомнить, как дышать. Появляется метрдотель. — Ваш столик готов, мистер Иванов. Я прочищаю горло. — Ты выглядишь... — я замолкаю, не в силах подобрать достаточно подходящие слова. Ее улыбка становится чуть шире. Она точно знает, что она со мной сделала. Я веду Таш в нашу личную столовую, держась за ее поясицу, не касаясь обнаженной кожи. Официант выдвигает для нее стул, и я улавливаю тонкий аромат ее духов, когда она садится. — Полагаю, вы уже заказали вино. — Она берет меню, но ее глаза находят мой поверх него. — Что-нибудь неприлично дорогое, чтобы соответствовать твоему эго. — "Шато Марго" 2005 года выпуска. — Я откидываюсь назад, изучая ее. — Если только ты не предпочитаешь что-нибудь другое? — Идеальный выбор. Хотя я удивлен, что ты не выбрал русское. — Я приберегаю его для особых случаев. — Я опускаю взгляд туда, где золотая цепочка исчезает под шелком. — Когда я хочу чем-то насладиться... должным образом. Появляется официант с вином, и я наблюдаю, как она делает первый глоток. Ее глаза на мгновение закрываются в знак признательности. — По крайней мере, твой вкус к винам компенсирует твою индивидуальность, — бормочет она. — Ты не жаловалась на мой характер той ночью в своем офисе. Легкий румянец окрасил ее щеки. — Это был момент временного помешательства. — Правда? — Я протягиваю руку через стол, провожу пальцем по внутренней стороне ее запястья. Ее пульс подскакивает от моего прикосновения. — Потому что я помню, как ты очень... громко заявляла о том, чего ты хотела. Она не отстраняется. Вместо этого ее нога скользит по моей лодыжке под столом. — Я помню, что именно тебе не терпелось запереть дверь. Официант возвращается, чтобы принять наш заказ, и я вынужден отпустить ее запястье. Но ее ступня остается прижатой к моей ноге, что является постоянным напоминанием о наэлектризованности между нами. Ко-

гда мы снова остаемся одни, я наклоняюсь вперед. — Расскажи мне о серьгах. Они новые. — Моей бабушки. Арт-деко, из Парижа. — Ее рука поднимается, чтобы коснуться одной, и от этого движения цепочки на ее спине сдвигаются. — Я никогда их не ношу. — Почему именно сегодня? Ее взгляд ловит мой, более светлый и открытый. — Они были правильными. Особенными. Нежность в ее голосе, когда она упоминает свою бабушку, застает меня врасплох. Мне становится любопытно, хочется узнать больше. — Расскажи мне о ней. — Я делаю еще глоток вина, наблюдая, как смягчается лицо Таш. — Она была необыкновенной. Пережила лондонский блиц и работала медсестрой. Встретила своего дедушку в танцевальном зале — он был канадским военным. — Таш проводит пальцем по краю своего бокала с вином. — После войны они переехали в Нью-Йорк. Она работала в Метрополитен до семидесяти лет. — А. Так вот откуда ты это взяла. — Страсть к искусству, сталь под изяществом. — Она научила меня всему. Как отличить настоящего Моне от подделки и определить технику работы кистью. — У нее вырывается тихий смешок. — Она таскала меня в каждый музей, на открытие каждой галереи. Семья моего отца Блэквуды они были бостонской аристократией со времен Революции. Когда папа женился на маме, это вызвало скандал. — Скандал? — Подсказываю я, заинтригованный этим проблеском за полированным фасадом. — Блэквуды ожидали, что папа женится на ком-нибудь из их круга. Еще одна богатая семья с нужными связями и родословной. — Выражение лица Таш становится кривым. — Вместо этого он влюбился в мою мать, у семьи которой появились новые деньги — судоходство и промышленное богатство, взорвавшееся во время войны, но без исторической родословной. Мои бабушка и дедушка со стороны Блэквуд, считали это почти таким же плохим, как брак с простолюдинкой. Они так и не приняли ее полностью. — Должно быть, это было трудно для твоей матери. — Так и было. Но у нее была собственная мать — бабушка, которая была удивительно культурной, несмотря на свое скромное происхождение. Бабушка работала медсестрой во время лондонского блица, где познакомилась с моим дедушкой по материнской линии, американским бизнесменом, снабжавшим войска союзников. После войны они переехали в Нью-Йорк, где находилась штаб-квартира производственной империи его семьи. — Ее взгляд становится отстраненным. — Бабушкиной страстью было искусство, и благодаря связям моего дедушки и пожертвованиям в Метрополитен она получила должность доцента и в конце концов дослужилась до должности помощника куратора. — Блэквуды всегда были слишком заняты своими светскими раутами, но бабушка... — Таш делает паузу, эмоции мелькают на ее лице. — Она нашла время. Что-то сжимается у меня в груди. Я узнаю этот взгляд — груз ожиданий, то, что ты никогда не соответствуешь требованиям семьи. — Твои родители не одобряют твой выбор профессии? — Имя Блэквуд открывает двери, но оно связано с ожиданиями. Они хотели, чтобы я удачно вышла замуж, устраивала благотворительные вечера, была идеальной светской женой. — Ее губы кривятся. — Папа потерял большую часть нашего семейного состояния из-за неудачных инвестиций. Они думали, что я смогу восстановить наше положение через брак — наконец-то сделать имя Блэквудов снова "респектабельным" после неудачного выбора жены папой. — Вместо этого ты предпочла работать. — Когда мой дед по материнской линии скончался, он оставил трастовый фонд специально для моего образования и независимости — идея бабушки, конечно. Она знала, каково это — быть пойманной в ловушку обстоятельств. — Ее пальцы снова касаются изумрудных сережек. — Это были бабушкины. Мой дедушка подарил их ей после того, как она получила повышение в Метрополитен. Она сказала, что они напоминают ей, что красота и знания принадлежат всем, а не только богатым. Я изучаю ее лицо, замечая слои, которых раньше не замечал. Решимость под лоском. Страсть за самообладанием. Впервые я недооценил, насколько глубоки эти воды. — Похоже, она замечательная. — Да, была. — Таш встречает мой пристальный взгляд. — Знаешь, она бы увидела тебя насквозь. — Я в этом не сомневаюсь. — Я улыбаюсь, на этот раз искренне. — Думаю, она бы мне понравилась. Тепло в ее глазах вызывает у меня желание рассказать ей все. Это опасное чувство. — А как же твои родители? — Спрашивает Таш, наклоняясь вперед.

— Ты никогда о них не упоминаешь. Лед наполняет мои вены, заменяя приятное возбуждение от вина. Мои пальцы сжимают ножку бокала. — Рассказывать особо нечего. — Я сохраняю нейтральный тон, но в моей голове вспыхивают воспоминания о крови на мраморных полах и криках моей матери. — Давай. — Она тянется через стол, ее пальцы касаются моих. — Твоя мать, должно быть, была замечательной женщиной, раз вырастила четверых таких... интересных сыновей. Я убираю руку, поправляя запонки. — Она умерла, когда я был маленьким. — Мне жаль. — Ее искреннее сочувствие усложняет ситуацию. — А твой отец? — Автомобильная авария. — Воспоминания о той аварии до сих пор преследуют меня, когда я был в машине со своей мамой. Я видел, как она умирала. — Это было очень давно. Таш изучает мое лицо. Я вижу, как работает ее разум в режиме куратора, каталогизируя микровыражения, которые я не могу полностью скрыть. — Тебе не нравится говорить о них. — Нет. — Я делаю большой глоток вина, выигрывая время, чтобы восстановить свои стены. — Прошлое лучше оставить там, где ему место. Она открывает рот, чтобы задать еще один вопрос, но я прерываю ее, подзывая официанта. — Еще вина? Ясно, что эта линия допроса закрыта. Я вижу вспышку боли в ее глазах, но не могу сказать ей правду. Я мафиози, и наша семья процветает на сделках с наркотиками и оружием. Некоторые секреты должны оставаться похороненными ради нас обоих. Официант приносит наши первые блюда — соли по-дуврски для нее и вагю для меня. Я наблюдаю, как Таш откусывает свой первый нежный кусочек, оценивая, как она смакует еду без наигранных манер, которые демонстрируют многие светские женщины. — Шеф-повар превзошел самого себя сегодня вечером. — Я пытаюсь вернуть нас в более безопасное русло. — Хотя и не совсем так хорошо, как-то маленькое заведение в Париже, о котором мы говорили. — Le Baratin? — Ее плечи расслабляются. — Нет, но немногие рестораны могут сравниться. Только их винная карта... — В следующий раз, когда будешь в Париже, попробуй L'Ami Louis. Курица просто превосходна. — Смело с твоей стороны предполагать, что я воспользуюсь рекомендациями ресторана от человека, который пьет Stoli с черной икрой. — Возвращается призрак ее прежней игривости. — Это было однажды, и Николай бросил мне вызов. — Я позволяю себе легкую улыбку. — Кроме того, это ты сегодня сочетаешь красное вино с рыбой. — Правила созданы для того, чтобы их нарушать. — Она делает еще глоток «Марго». — По крайней мере, когда знаешь, какие именно. Теперь разговор течет легче, но что-то изменилось. Прежняя близость, когда она говорила о своей бабушке, отступила за осторожными словами и взвешенными ответами. Я возводил стены всю свою жизнь, но, наблюдая, как она возводит свои собственные, у меня неожиданно сжимается грудь. Мы обсуждаем безопасные темы, такие как предстоящие выставки и общие знакомые. Она блестящая и обаятельная, но я замечаю, как она избегает всего личного. Больше никаких вопросов о семье или прошлом. Хрустальные люстры отбрасывают тени на ее лицо, подчеркивая сдержанную линию подбородка. Даже золотые цепочки на ее спине больше похожи на доспехи, чем на украшение. Я сделал это. Один момент слабости, отказ позволить ей преодолеть мою защиту, и я потерял что-то ценное, о чем даже не подозревал, что хотел сохранить. Официант убирает наши тарелки и приносит счет. Я толкаю свой черный "Амекс" по столу, не глядя на сумму. Деньги никогда не были проблемой, особенно сегодня вечером. Снаружи осенний воздух несет в себе намек на зиму. Таш обхватывает себя руками, шелк почти не защищает от холода. Она подходит к тротуару и поднимает руку, чтобы поймать такси. Я хватаю ее за запястье, мои пальцы обхватывают нежные косточки и дергают ее прочь от тротуара к зданию. — Ты поедешь со мной. Она поворачивается, выгнув бровь. — Я так не думаю. Я не собираюсь совершать позорную прогулку из особняка Ивановых завтра утром. Твои братья никогда бы не позволили мне смириться с этим. У меня вырывается смешок. — Хотя у меня есть там комната, я живу в своем собственном доме. — Я притягиваю ее ближе. — В пентхаусе в Бэк-Бэй. Очень приватно, очень эксклюзивно. — Все та же высокомерность, — говорит Таш, вырывая свое запястье из моей хватки. — Тебе это нравится. — Я подхожу ближе, прижимая ее к зданию. У нее перехватывает дыхание, когда я наклоняюсь.

— То, как я контролирую ситуацию. Так, что я точно знаю, чего хочу. Она вздергивает подбородок, вызываясь, хотя ее зрачки расширяются. — Ты бредишь. — Правда? — Моя рука находит ее бедро, пальцы скользят по шелку. — Твое тело выдает тебя каждый раз. Черный Mercedes плавно подъезжает к обочине. Аким выходит и открывает заднюю дверь как нельзя кстати. Я указываю на открытую дверь. — После вас. Таш колеблется, затем садится в кожаное кресло. Я следую за ней, устраиваясь достаточно близко, чтобы наши бедра соприкасались. Как только Аким закрывает дверь, моя рука находит ее колено. — Дмитрий... — В ее предупреждении не хватает убедительности, когда мои пальцы поднимаются выше, отводя шелк в сторону, чтобы найти обнаженную кожу. — Шшш. — Я покусываю мочку ее уха, вдыхая аромат ее духов. Другой рукой я провожу по цепочкам на ее декольте. — Я хотел прикоснуться к тебе всю ночь. Она ахает, когда мои пальцы скользят под шелк, находя ее твердые чувствительные соски. — Перегородка... — Поднята. — Я сажаю ее к себе на колени. — И Аким знает лучше, чем опускать ее. Ее голова откидывается мне на плечо, а мои руки теперь свободно блуждают по телу. Одна скользит вверх, обхватывая ее грудь через шелк, в то время как другая дразнит ее между бедер через ткань комбинезона. — Твой выбор одежды неудобен, — размышляю я, жалея, что не могу дотронуться до ее киски, — Кто-нибудь может увидеть, — слабо протестует она, даже когда прижимается ко мне. — Стекла тонированные. — Я посасываю точку ее пульса. — Никто не может видеть, как сильно ты этого хочешь. Я крепко удерживаю ее на месте, ее спина прижата к моей груди. Мои пальцы скользят по тонким золотым цепочкам, пересекающим ее обнаженную кожу, наслаждаясь тем, как они отражают огни проходящего города. — Не двигайся, — приказываю я, когда она пытается повернуться. Другая моя рука ложится ей на живот, удерживая ее именно там, где я хочу. Я провожу губами по ее шее, пробуя на вкус бьющийся под кожей пульс. Шелк шуршит, когда она прижимается ко мне. — Ты спланировала это, — шепчу я ей на ухо, проводя кончиками пальцев по другой золотой цепочке. — Надев его сегодня вечером, ты сводишь меня с ума, зная, что я не могу добраться до тебя, не доставив домой. — Не все зависит от тебя, Дмитрий. — Но ее голос срывается, когда моя рука скользит выше по ее грудной клетке поверх ткани. — Нет? — Я провожу пальцем по краю шелка там, где он соприкасается с обнаженной кожей ее груди. — Тогда зачем выбирать что-то, что оставляет тебя такой... незащищенной и в то же время недоступной? Она снова пытается повернуться, но я сжимаю ее крепче. — Я сказал, не двигайся. Из ее горла вырывается тихий звук — наполовину протест, наполовину потребность. Я улыбаюсь ей в шею, зная, что выиграл этот раунд. Мои пальцы танцуют вдоль ее ключицы, следуя за изящной цепочкой вниз, пока она не исчезает под шелком. — Серьги твоей бабушки могут быть в стиле арт-деко, — шепчу я, — но эта цепочка — чистое современное искусство. То, как оно обрамляет тебя... — Я провожу еще одной линией вниз по ее животу, заставляя ее выгнуться. — Восхитительно. Ее пальцы впиваются в мои бедра, пока я продолжаю тщательно исследовать каждый дюйм обнаженной кожи. Перегородка остается плотно поднятой, пока машина скользит сквозь ночь, везя нас к моему пентхаусу, где я планирую не торопясь развернуть этот особый подарок.

Глава 18

ТАШ

Я выхожу из Mercedes, твердая рука Дмитрия на моей пояснице ведет меня через сверкающий вестибюль. Швейцар кивает, отводя глаза, когда мы проходим мимо. Частный лифт, весь из хрома и зеркал, открывается с тихим звоном. Дмитрий прижимает меня к стене, когда двери закрываются, его пальцы скользят по моей ключице. — Ты такая милая, когда краснеешь, — бормочет он мне в шею. — Твое воздействие на меня. — Я пытаюсь выровнять дыхание, пока мы поднимаемся на шестьдесят этажей. Городские огни сверкают сквозь стеклянные стены, но я едва могу сосредоточиться на них. Лифт ведет прямо в фойе его пентхауса. Мои каблук стучат по итальянскому мрамору, когда я осматриваю пространство, которое кричит о богатстве, власти и точном контроле. Все блестит — хром, стекло, полированные поверхности. Ни один предмет не стоит не на своем месте. Перед нами простирается огромная комната с окнами от пола до потолка, из которых открывается потрясающий вид на Бостон. Я узнаю произведения современного искусства, украшающие стены, идеально расположенные и освещенные. На одной стене изображен Ротко, его темно-малиновый цвет, кажется, пульсирует в тусклом свете. — Твой дом — это ... — я замолкаю, любясь чистыми линиями и монохромной палитрой. — Именно то, чего ты ожидала? — Его руки скользят по моей талии сзади. Я киваю. Пространство идеально отражает его, каждая деталь продумана, каждый предмет подобран специально. Изящный рояль Steinway стоит в одном углу с закрытой крышкой. Вся мебель из кожи и хрома, ничего мягкого или податливого. — Одна только коллекция произведений искусства, должно быть, стоит... — Ничто из этого и вполнину не так сногшибательно, как ты. — Его пальцы находят молнию чуть выше моей задницы. — У меня есть другая работа, которыми я хочу насладиться сегодня вечером. Я ловлю наши отражения в стене зеркал — я в моем винтажном комбинезоне от Valentino, он по-прежнему безупречен в своем костюме, несмотря на наши действия в машине. От сочетания его сдержанной внешности и того, что, я знаю, скрывается за ней, по мне пробегает дрожь. — Холодно? — Его дыхание щекочет мне ухо. — Нет. — Я прислоняюсь спиной к его груди. — Совсем наоборот. Его пальцы скользят по моей спине, когда комбинезон растекается у моих ног. Прохладный воздух касается моей кожи, но его прикосновения обжигают везде, куда ни попадут. Я до боли осознаю, насколько я незащищена — совершенно обнажена, если не считать изящной золотой цепочки, перекинутой через мое тело, в то время как он остается нетронутым в своем сшитом на заказ костюме от Armani. — Повернись, — тихо приказывает он. Я медленно поворачиваюсь, цепочка ловит городские огни, струящиеся через окна. Его льдисто-голубые глаза впитывают каждую деталь, и от интенсивности его взгляда у меня перехватывает дыхание. — Ты — единственное искусство, которым стоит обладать в этом мире. Это не расчетливое обаяние, которое он использует в залах заседаний, и не холодный контроль, которым он обладает над своей империей. На этот раз честность проступает сквозь его идеальную маску. Я прикасаюсь к его лицу, обводя тонкий шрам возле виска. — Дмитрий... Он берет меня за руку, прижимая мою ладонь к своей щеке. Этот жест кажется более интимным, чем наши горячие моменты в машине или его офисе. Этот человек, который коллекционирует бесценные шедевры, как другие коллекционируют марки, объявил меня более ценной, чем все они. Мое сердце колотится о ребра. — Ротко, Моне... — Он указывает на окружающие нас произведения искусства. — Это просто вещи. Красивые вещи, но пустые. Ты... — Его большой палец проводит по моей нижней губе. — Ты бросаешь мне вызов. Борешься. Заставляешь меня терять контроль. По словам Дмитрия Иванова, это стоит больше, чем любая

картина на его стенах. Этот человек, который управляет каждой деталью своей жизни, который никогда не проявляет слабости, только что передал мне частичку своей тщательно оберегаемой души. Я бросаюсь вперед, захватывая его губы своими. На этот раз я не жду, пока он сделает первый шаг. Мои пальцы перебирают его идеально уложенные волосы, растрепывая их, пока я вкладываю месяцы желания к нему в этот поцелуй. Дмитрий замирает на мгновение, застигнутый врасплох моей инициативой. Затем он отвечает рычанием, которое сотрясает все мое тело. Его руки хватают меня за талию, притягивая вплотную к себе. Золотая цепочка между нами цепляется за пуговицы его костюма, когда я прижимаюсь ближе. Его язык проникает в мой рот, и я ощущаю вкус виски и желания. Мои соски соприкасаются с дорогой тканью его пиджака, посылая по мне искры удовольствия. — Таш, — выдыхает он мне в губы. Редкое использование моего прозвища в его культурном голосе заставляет меня дрожать. Я подпрыгиваю, обхватывая ногами его талию. Его руки скользят под моими бедрами, без усилий поддерживая меня. В этой позе наши тела соприкасаются, и я чувствую, какой он твердый под своими сшитыми на заказ брюками. Моя спина выгибается, когда его рот путешествует вниз по моей шее. — Пожалуйста, — хнычу я, не заботясь о том, насколько нуждающимся это звучит. Он несет меня к кожаному дивану, его шаги размеренны, несмотря на наши неистовые поцелуи. Прохладная кожа заставляет меня ахнуть, когда он опускает нас, мои ноги все еще обхватывают его. Дмитрий возвышается надо мной, его кобальтово-голубые глаза темнеют от желания. Его идеальный фасад дает трещину — волосы растрепались под моими пальцами, губы припухли от наших поцелуев. Я никогда не видела ничего более возбуждающего, чем этот могущественный мужчина, потерпевший крах из-за меня. Я провожу пальцами по плечам Дмитрия, когда он снимает пиджак, а затем накрахмаленную белую рубашку. У меня перехватывает дыхание при виде его мускулистого торса, покрытого замысловатыми татуировками — русскими православными крестами, святыми и символами, которые я узнаю из текстов по истории искусств, переплетающимися с образами, которые я не понимаю. — Они прекрасны, — шепчу я, следуя за линиями особенно подробного рисунка, охватывающего его правое плечо. Когда мы спали вместе в моем офисе, нас обоих переполняло желание. У меня не было времени изучать его роспись, но артистизм великолепен, он рассказывает истории, которые я жажду расшифровать. Он встает, его движения грациозны, когда он снимает остальную одежду. Татуировки спускаются по его ногам, создавая живое полотно, демонстрирующее силу и мощь. Каждый дюйм его тела излучает силу — от широких плеч до рельефного пресса и сильных бедер. Мои пальцы рисуют изящный православный крест над его сердцем. — Расскажи мне об этом. — Это для моей матери, — говорит он мягко, с редкой ранимостью в голосе. Я продолжаю изучать рисунки, украшающие его кожу, очарованная тем, как изображения сливаются воедино. Татуировки подчеркивают, а не скрывают его впечатляющее телосложение. Его бицепсы напрягаются под моими прикосновениями, когда я провожу пальцем по крылу того, что кажется фениксом, поднимающимся по его левой руке. — Ты шедевр, — выдыхаю я, упиваясь его видом. Утонченный бизнесмен, которого я привыкла видеть, превратился в нечто интуитивное, но элегантное. Его присутствие заполняет комнату, привлекая внимание даже без его дорогих костюмов. Мой взгляд опускается ниже, и я с трудом сглатываю. Как и все остальное в нем, его размеры пугают. Смесь предвкушения и нервозности трепещет у меня в животе. — Видишь что-нибудь, что тебе нравится? — Он одаживает меня сногшибательной улыбкой. Я могу только кивнуть, загипнотизированная игрой мышц под его украшенной кожей, когда он придвигается ближе. Городские огни, струящиеся через окна, отбрасывают тени, отчего кажется, что его татуировки танцуют. — Ты готова? — Его голос звучит хрипло, когда он гладит себя. Я прикусываю губу, кивая. Все притворство и борьба теперь кажутся глупыми. Мое тело жаждет его, как наркотик. Одним плавным движением он толкается в меня, постанывая от соприкосновения. Я вскрикиваю, моя голова запрокидывается, когда он полностью заполняет меня. Он прав — я была создана для этого, для него. Мои колебания улетучиваются, когда наши тела находят легкий ритм. Его руки сжимают

мои бедра, когда он входит в меня с неистовой интенсивностью. Диван скрипит под нами, усиливая звуки нашей страсти. Я впиваюсь ногтями в его плечи, притягивая его ближе, нуждаясь в большем. — Тебе нравится грубость? — Он рычит, уже зная ответ. — Ответь мне. — Да! — Слово вырывается из моего горла, когда он попадает в точку, которая затуманивает мне зрение. Хватка Дмитрия усиливается, оставляя следы, которые будут напоминать мне об этой ночи, о нем. — Хорошо. Мне тоже. Он резко вырывается, переворачивая меня. Мои груди вдавливаются в мягкую кожу, когда он входит в меня сзади. Новая поза позволяет ему проникнуть еще глубже, крадя дыхание из моих легких. Мы попадаем в бешеный ритм, наши тела работают вместе, словно созданы друг для друга. Его пальцы ставят синяки на моих бедрах, когда он тянет меня назад, навстречу своим яростным толчкам. — Ты так хорошо меня принимаешь, куколка. — Его голос напряжен, когда он поднимает меня, чтобы я оперлась на руки, и протягивает руку, чтобы поиграть с моими сосками, перекатывая их между его умелыми пальцами. Удовольствие пронзает меня от его прикосновений, заставляя мое естество сжиматься вокруг него. — Так приятно... — Слова срываются со стоном. — Еще. — Это требование, мольба и обещание. Мой разум отключается, когда он продолжает входить в меня, его темп неумолим. Комната наполняется звуками нашей страсти — его тихими проклятиями, моими вздохами и влажными стонами наших слившихся тел. — Посмотри на меня. — Его команда звучит отрывисто. Я поднимаю голову, и наши взгляды встречаются в зеркале на другом конце комнаты. Его лицо искажено от удовольствия, глаза горят напряжением. Я никогда не видела ничего более привлекательного, чем желание, запечатленное в его чертах. Он проводит рукой по моим волосам, отводя их в сторону, чтобы обнажить шею. Мой пульс учащается под его пристальным взглядом, когда его большой палец касается моей чувствительной кожи. — Я собираюсь трахать тебя до тех пор, пока ты не разобьешься вдребезги, Таш. Пока ты не забудешь свое собственное имя и не будешь выкрикивать мое. Я выгибаю спину, предлагая ему себя, отчаянно желая большего. — Да, пожалуйста. Хватка Дмитрия на моих бедрах становится крепче, его ритм не сбивается. — И когда ты будешь рыдать, я собираюсь трахнуть тебя снова. И еще раз. Пока ты не сможешь больше этого выносить. — Его глаза удерживают мои в зеркале, в его голосе звучит низкий, грубый приказ. Я прикусываю губу, чтобы посмотреть, как далеко он пойдет. Как далеко я могу пойти. — Сделай это, — бросаю я вызов. — Заставь меня. От его ответного рычания у меня по спине пробегают мурашки. Аккуратный, контролируемый бизнесмен сбросил свою идеальную маску, обнажив нечто дикое. Его сила ошеломляющая, его желание всепоглощающее, а его интенсивность вызывает привыкание. Я чувствую, что балансирую на краю, наслаждение накачивает все сильнее и сильнее, когда он врезается в меня. Его пальцы впиваются в мои бедра, направляя меня навстречу каждому из его мощных толчков. — Кончи для меня. Сейчас. — Его голос не терпит возражений. По его команде мое тело сдается, удовольствие прорывается сквозь меня, как прорыв плотины. У меня перехватывает дыхание, когда я кричу, перед глазами все белеет. Дмитрий продолжает двигаться во мне, его ритм не замедляется, пока я переживаю свой оргазм. Его глаза не отрываются от моих в зеркале, фиксируя каждую реакцию, наблюдая, как я распадаюсь на части. Он отстраняется, когда наконец позволяет мне спуститься, заставляя меня хныкать от потери. Он поднимает меня с дивана, и я обвиваю ногами его талию, его возбуждение все еще сильное и настойчивое. Он несет меня в свою спальню, где огромная кровать доминирует над комнатой. — Давай посмотрим, сколько раз я смогу заставить тебя развалиться на части, прежде чем ты попросишь пощады. Его голос понижается на октаву, обещая полный, мучительный экстаз. Дмитрий сажает меня на край кровати, и впервые я вижу, что он утратил осторожную беспечность, которую обычно носит, как вторую кожу. Каждый мускул в его теле напряжен, глаза прикрыты, челюсти стиснуты, когда он борется за контроль. Мысль о том, что я поставила могущественного мужчину на колени, подпитывает мое собственное возбуждение. — Пожалуйста, давай не будем тратить время на разговоры. — Я тянусь к нему, притягивая ближе. Дмитрий захватывает мой рот страстным

поцелуем, его язык переплетается с моим. Поцелуй требовательный, как будто он заявляет о своих правах. Мое сердце бешено колотится, когда он дразнит меня, целуя вдоль подбородка и вниз по шее, его руки рисуют контуры моего тела, словно пытаюсь запомнить каждый изгиб.— Ты понятия не имеешь, что ты делаешь со мной, — бормочет он между поцелуями, его голос звучит почти беззащитно. — Ты заставляешь меня забыть, кто я такой, Наташа. Я запускаю руки в его волосы, прижимая его голову ближе, пока он целует мою ключицу. — Хорошо. Я хочу, чтобы ты забыл обо всем, кроме меня. Его ответное рычание вибрирует во мне, когда он поднимает меня и садится на кровать, усаживая на себя. Я вбираю его в себя, задыхаясь, когда мы оба ищем этого сладкого трения. Дмитрий начинает двигать бедрами вверх, глубокий стон вырывается из его груди. Наши взгляды встречаются, когда он откидывается назад, поддерживая мою спину одной рукой, в то время как другая его рука запутывается в моих волосах. Он задает требовательный темп, наши тела соприкасаются, заставляя меня стонать. Его рот повсюду — мои губы, моя шея, моя грудь, в то время как его руки собственнически блуждают по моему телу, как будто он не может насытиться прикосновениями ко мне. Удовольствие нарастает снова, напрягая каждый мускул. Я упираюсь пятками в его бедра, притягивая его еще ближе, желая, чтобы он вошел глубже. — Снова, — шепчет он, покусывая мочку моего уха. — Кончи для меня снова. Мое освобождение взрывается во мне, и я вскрикиваю, когда он продолжает толкаться, вытягивая каждый последний импульс удовольствия из моего сверхчувствительного тела. Дмитрий еще не закончил со мной. Он легко поднимает меня, его руки собственнически касаются моего тела, и несет меня через комнату. Моя обнаженная кожа покрывается мурашками, когда меня обдает прохладный ночной воздух из открытого окна. Он ставит меня на ноги и прижимает грудь к стеклу, город расстилается перед нами, как сверкающий ковер. — Следи за ними, Таш. Я с трудом сглатываю, любясь видом внизу. Мы так высоко, что машины кажутся игрушечными, а люди — муравьями, снующими по тротуару.— Ты всегда была моей с того момента, как я увидел тебя. — Его руки блуждают по моему телу, его горячее дыхание касается моего уха. — Они там, внизу, занимаются своими обыденными делами, в то время как я здесь, наверху, обладаю тобой. От его слов по мне пробегает дрожь. Я знаю, что должна чувствовать себя вещью, но что-то в его доминировании разжигает мое желание. Я полностью в его власти, и все же я доверяю ему.— Ты знаешь, сколько людей мечтают прикоснуться к тому, к чему я прикасаюсь сейчас? — Его рука обхватывает мою грудь, большой палец касается чувствительного соска. — Кто еще отдал бы все, чтобы оказаться на моем месте и обладать тобой вот так? Он отводит мои бедра назад, выстраиваясь в линию с моей сердцевинной. — Но ты моя. Так же, как этот вид принадлежит мне. Он толкается в меня, заставляя меня вскрикнуть. Я невероятно влажная, мое тело жаждет его. Мы оба наблюдаем в отражении, как он заявляет о своих правах на меня, его темп неумолим.— Посмотри на них, Таш. — Его голос звучит как грубая команда. — Ты видишь как, кто-нибудь смотрит вверх? Кто-нибудь, кто мог бы стать свидетелем того, что я с тобой делаю? Я рассматриваю окна зданий напротив нас, не в силах оторвать глаз от людей в них. Одни готовят ужин, другие сидят на своих диванах, но никто не смотрит в нашу сторону.— Никто не смотрит, — выдыхаю я, разочарованная и в то же время испытывающая облегчение.— Пока нет. — Он покачивает бедрами, задевая такое место, что у меня слабеют колени. — Но если бы это было так, чтобы они увидели? — Они бы... — Мои слова превращаются в стон, когда он проникает глубже, кончик его члена касается особенного места внутри меня, от которого у меня под веками вспыхивают звезды. — Они бы увидели, как ты забираешь меня. Заявляя права на то, что принадлежит тебе.— Верно. — Он обнимает меня за талию, притягивая назад навстречу своим толчкам. — Они бы увидели, как я отмечаю тебя, делаю своей способом, который никто не сможет отрицать. Ему недостаточно обладать мной; он хочет, чтобы весь мир знал, что я принадлежу ему. Эта мысль должна напугать меня, но она только раздувает пламя моего желания.— Дмитрий. — Мой голос — отчаянная мольба, когда он продолжает двигаться внутри меня, каждый толчок посылает волны

удовольствия по моему телу. — Я не могу...— Ты можешь, куколка. — Он зарывается лицом в мою шею, его зубы задевают мою чувствительную кожу. — Ты можешь принять все и снова кончишь для меня. У меня перехватывает дыхание, когда он входит еще глубже, наши тела сливаются воедино. Я чувствую, как город расстилается перед нами, огни мерцают, как звезды. Это как будто мы трахаемся на вершине мира, окруженные красотой Бостона. Руки Дмитрия тянут меня назад, навстречу его сильным толчкам. Звуки нашего страстного совокупления наполняют комнату — шлепки плоти, его тихие проклятия и мои задыхающиеся стоны. — Вот и все, дай мне тебя послушать. — Его слова — вызов, призывающий меня быть громкой и отбросить все запреты. И я отпускаю. Я кричу, когда нарастает удовольствие, выкрикиваю его имя, когда разбиваюсь вдребезги. Дмитрий держит меня на протяжении всего этого, его руки сжимают меня, как тиски, когда я разваливаюсь на части. — А теперь, — шепчет он, его горячее дыхание касается моего уха, — давай посмотрим, сколько раз я смогу заставить тебя кончить до рассвета. Этот человек сведет меня в могилу.

Глава 19

ДМИТРИЙ

Я не могу сосредоточиться. Все остальное отходит на второй план. Все, что имеет значение, — это попробовать ее. Я ненасытен, когда дело касается Таш; я не могу насытиться. Я трахаю ее, и все равно этого недостаточно. Я жажду большего. Я продолжаю двигаться, пока ее бедра не обхватывают мою спину, ее пальцы запутываются в моих волосах, притягивая меня ближе, когда она выкрикивает мое имя. Но даже этого недостаточно. Я хочу попробовать ее на вкус. Я хочу почувствовать ее кульминацию на своем языке. Я переворачиваю ее, и она сразу понимает намек. Она сползает вниз, принимая меня глубоко в рот. Ее язык кружит вокруг головки моего члена, и я стону, чувствуя ее улыбку. Ее бедра отклоняются назад, подставляя мне свою киску, и я зарываюсь лицом в ее тепло. Я облизываю и сосу, пока она не превращается в дрожащее месиво, а затем двигаюсь медленнее, дразня ее, заставляя извиваться. Я чувствую, как ее стоны вибрируют на моем члене, и мне приходится приложить все усилия, чтобы не взорваться прямо здесь и сейчас. Она пытается заставить меня кончить, но я не позволю себе. Пока нет. Я хочу почувствовать, как она снова теряет контроль. Я хочу знать, что могу постоянно заставлять ее распадаться на части. Ее рот — настоящее совершенство, но я полон решимости держаться. Я сосредотачиваюсь на своем дыхании, на ее вкусе и на том, что она чувствует. Ее руки сжимают мои бедра, пока она сосет, ее ногти впиваются в мою кожу. Я сжимаю кулаки, борясь за контроль. Она хочет, чтобы я кончил, но я не сдаюсь. Пока нет. А потом она стонет, и я чувствую ее кульминацию на своем языке. Я хочу поклоняться ее телу как произведению искусства. Я хочу запечатлеть в своей памяти каждый дюйм ее кожи, каждый звук, который она издает, каждую реакцию. Я зависим и не могу насытиться. — Ты такая хорошая девочка. Моя идеальная маленькая шлюшка. Ты знаешь, чего я хочу, еще до того, как я попрошу об этом. — Я запускаю пальцы в ее волосы, удерживая ее на месте, пока она отсасывает мне. — Ты же знаешь, мне нравится, какая ты грязная, не так ли? Она стонет вокруг моего члена, и я чувствую вибрацию глубоко в своих яйцах. — Да, сэр. Я твоя развратная девочка. Слышать, как она называет меня так, делает меня тверже, чем я был минуту назад. Я как сталь в ее рту, и она принимает все это. Я мог бы кончить прямо сейчас, но я не хочу. Я хочу подталкивать ее дальше. Я хочу посмотреть, как далеко мы сможем зайти вместе. Я поднимаю ее и разворачиваю, прежде чем наклонить. Провожу пальцами по ее позвоночнику, наслаждаясь тем, как она дрожит под моими прикосновениями. — Ты моя, понимаешь? Ты вся моя, и я могу делать с тобой все, что захочу. — Да, сэр. Я твоя, — шепчет она. Я дразню ее попку пальцем и чувствую, как она напрягается. — Расслабься, — шепчу я, целуя ее сзади в шею. — Я собираюсь трахнуть тебя в твою сладкую, тугую попку. Я собираюсь заявить права на нее как на свою. — Я... Я никогда... — Хорошо, — обрываю я ее. — Но держу пари, ты играешь с ней, когда остаешься одна. Оно выглядит такой красивой и розовой, растянутой ровно настолько, чтобы обхватить мой палец. Она напрягается еще больше от моих слов, но я знаю, что прав. Я вижу это по тому, как она прикусывает губу, и по румянцу на ее щеках. — Дмитрий, я... Таш — видение передо мной, это знойное создание желания. Я провожу пальцем по изгибу ее талии и изгибу бедра, она дрожит. Знать, что я могу так глубоко воздействовать на нее одним прикосновением, пьянящее чувство. Я владею ее телом, и скоро я поставлю клеймо на ее душе. — Ты моя, Таш. Вся ты. — Мой голос звучит хриплым шепотом, когда я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в поясницу. Я опускаю руку между ее бедер и глажу ее скользкий жар. — И я собираюсь отметить тебя как свою. Она стонет, ее дыхание прерывается. — Да, Дмитрий. Пожалуйста. Я

твоя. Ее покорность разжигает мою потребность обладать ею, заявить свои права на каждый дюйм ее тела. — Ты собираешься быть моей маленькой грязной шлюхой? — Шепчу я, касаясь губами мочки ее уха и нежно покусывая ее. — Да. — В ее голосе слышится подтверждение с придыханием, и я ухмыляюсь, прижимаясь к ее коже. — Ты собираешься взять мой член в свою задницу? — Спрашиваю я, мои пальцы дразнят ее вход, кружат, но не входят. — Да, — хнычет она, прижимаясь к моей руке в поисках облегчения. — И ты позволишь мне наполнить твою задницу своей спермой. — Я покусываю ее плечо, оставляя на ней отметину своим ртом. — Ты позволишь мне оплодотворить тебя, как и подобает шлюхе. Сдавленный стон вырывается из ее горла, когда мои слова достигают цели. — Я твоя для оплодотворения. Пожалуйста, Дмитрий, возьми меня. Владей мной. Я завладеваю ее ртом в обжигающем поцелуе, мои руки блуждают по ее телу, пока я веду ее к кровати. — Тогда встань на колени, моя идеальная маленькая шлюшка. Пришло время мне завладеть этой упругой задницей. Она повинуется и садится на край кровати, прижимаясь грудью к матрасу. Я становлюсь на колени позади нее, держа член в руке, и медленно ввожу в нее палец, растягивая и подготавливая ее. Она стонет, отталкиваясь от моей руки, умоляя о большем. Я добавляю второй палец, растягивая ее, и она хнычет, ее дыхание становится прерывистым. — Такая хорошая девочка, — хвалю я, наклоняясь вперед, чтобы прикусить мочку ее уха. — Теперь я собираюсь растянуть тебя еще больше. Я беру маленький фаллоимитатор из ящика и щедро смазываю его смазкой. — Это сделает твою узкую маленькую дырочку приятной и готовой для моего члена. Она стонет, когда я медленно ввожу в нее фаллоимитатор. Она такая чертовски отзвучивая, такая чертовски великолепная, принимая то, что я ей даю. Я двигаю фаллоимитатором внутрь и наружу, растягивая ее, наблюдая, как она выгибает спину. Когда я уверен, что ее задница готова, я вытаскиваю фаллоимитатор и обмазываю свой член смазкой. Мои глаза не отрываются от нее, когда она смотрит на меня через плечо, и я встаю позади нее. Она прекрасна, такая уязвимая и желающая. Она нуждается во мне. Я дразню ее вход головкой своего члена, и она отталкивается, желая большего. — Пожалуйста, Дмитрий, — выдыхает она. — Ты нужен мне. Услышав эти слова, этот нуждающийся тон в ее голосе, толкает меня через край. Я хватаю ее за бедра и медленно толкаюсь в нее. Она так крепко сжимается вокруг меня, и мне приходится сдерживать стон. Я заставляю себя двигаться медленно, позволяя ей привыкнуть, но мой контроль ускользает. Я хочу жестко трахнуть ее. Я хочу заявить на нее права. — Тебе это нравится, моя шлюшка? Принимать мой член в свою задницу. — Мой голос звучит резко, и я крепче сжимаю ее бедра, притягивая ее обратно к себе, когда толкаюсь вперед. — Ты моя маленькая грязная анальная шлюха. Она всхлипывает, прижимаясь ко мне, принимая меня глубже. — Да, сэр. Я твоя шлюха. Всегда. Мой контроль ослабевает, и я начинаю жестко трахать ее. Ее задница крепко сжимает меня, массируя мой член, и я теряюсь в ощущениях. — Черт возьми, Таш, ты такая чертовски тугая, — выдавливаю я, входя в нее. — Принимаешь мой член в эту идеальную задницу. — Это твое, Дмитрий, — стонет она, прижимаясь ко мне. — Это все твое. Услышав это от нее, я испытываю чувство обладания. Этой дерзкой, независимой женщиной я могу командовать, я могу обладать. Она подчинилась мне, предлагая себя самым интимным из возможных способов. Я хватаю ее за бедра, притягивая обратно к себе, и толкаюсь вперед, заявляя на нее права, владея ею. — Правильно, детка. Возьми это. Возьми мой член. Она всхлипывает, ее тело изгибается от силы моих толчков. — Я пытаюсь, Дмитрий. Он такой большой. Это так приятно. — Ты отлично справляешься, моя шлюшка. Я знал, что твоя задница создана для моего члена. — Я наклоняюсь вперед, прижимаясь грудью к ее спине, и кусаю мочку ее уха. — Тебе нравится быть моей анальной шлюхой, не так ли? — Да, сэр. Это то, чего я всегда хотела. — Ее голос похож на хриплый шепот, и я чувствую ее потребность. — Ты всегда хотела мой член в своей заднице, не так ли? — Я толкаюсь сильнее, глубже, и она вскрикивает. — Ответь мне, Таш. — Да! — кричит она. — Я всегда хотела этого. Всегда хотела тебя. Я ухмыляюсь, замедляясь, поддразнивая ее. — Всегда хотела меня, да? Даже когда ты боролась со мной, бросала мне вызов?

— Да. — Она поворачивает голову, ее глаза встречаются с моими. — Даже тогда. Особенно тогда. Слышать эти слова, знать, что под ее вызовом она хотела меня — это подталкивает меня ближе к краю. Я крепче сжимаю ее бедра, входя в нее, заявляя, что она моя. — Теперь ты моя, Таш. Никогда не забывай об этом. — Твоя, — выдыхает она, когда я вхожу в нее. — Я твоя шлюха, Дмитрий. Всегда. — Именно так, детка. Моя шлюха, моя распутница, моя идеальная анальная принцесса. — Я наклоняюсь, мой рот близко к ее уху. — И я собираюсь кончить в твою тугую задницу. Я собираюсь оплодотворить тебя, как свою сучку в течке. — Да, пожалуйста, оплодотвори меня. Пометь меня как свою. — Теперь она умоляет, встречая мои толчки бедрами, желая большего. — Кончи в меня, Дмитрий. Мне нужно почувствовать, как ты взрываешься. Ее грязные слова выводят меня из себя, и я больше не могу сдерживаться. — Черт! — Я вонзаюсь в нее, погружаясь по самые яйца, когда кончаю в нее, отмечая ее как свою. Она вскрикивает, мышцы ее задницы сжимаются, когда она достигает оргазма. Это поднимает мой оргазм на гребаную высоту. Я стону, мои глаза закатываются, когда я изливаюсь в нее. Падая на кровать, я тяну ее вниз рядом с собой, не желая ослаблять хватку. Я чувствую, как ее сердце колотится в груди, ее дыхание становится прерывистым. — Это было... невероятно, — шепчет она, ее голос полон удивления. — Я знаю, — бормочу я, целую ее в плечо, наслаждаясь вкусом ее влажной от пота кожи. — Но мы еще не закончили, моя маленькая жадная шлюшка. — Жадная? Я думала, это то, что тебе во мне нравится. Я хихикаю, перекатываясь на спину и притягивая ее к себе. — Это одна из многих вещей, которые мне нравятся в тебе, Таш. Твой ненасытный аппетит. Она садится на меня верхом, на ее губах играет знойная улыбка. — Ммм, ну, я еще и близко не насытилась. Думаю, мне нужен еще один. Слыша эти слова и чувствуя, как она насаживает свою задницу на мой все еще твердый член, я готов дать ей все, что она захочет. — Как прикажет моя принцесса. — О, так теперь я принцесса? — Она выгибает бровь, кладет руки мне на грудь и начинает скакать на мне. — Моя анальная принцесса, — поправляю я, мои руки сжимают ее бедра, помогая ей найти ритм. — Единственная принцесса, которая может взять мой член в свою задницу. — Ммм, какой грязный язык, мистер Иванов. Я верю, что вы меня развратили. — Она наклоняется и крепко целует меня, ее язык переплетается с моим. Пока мы целуемся, я переворачиваю нас, не разрывая нашей связи, и начинаю двигаться. — Тогда давай продолжим твоё развращение, принцесса. Я планирую погубить тебя для кого-либо другого. — Уничтожь меня, — шепчет она мне в губы. — Сделай меня полностью твоей. Из моего горла вырывается рычание. Мои руки сжимаются на ее бедрах, кончики пальцев впиваются в ее мягкую плоть. Мысль о том, что кто-то другой прикасается к ней, пробует ее на вкус, слышит звуки, которые она издает, — зажигает мою кровь. — Никто другой никогда не овладеет тобой так, — я вонзаюсь глубже в ее задницу, заставляя ее задыхаться. — Никто другой никогда не увидит, как ты кончаешь. Ты моя, Таш. Ее глаза встречаются с моими, темные от желания. — Обещаешь? Это единственное слово поражает меня, как физический удар. Уязвимость в ее голосе и потребность в ее глазах пробуждают во мне что-то жестокое и собственническое. Она просит большего, чем просто этот момент — она просит всего. И я хочу отдать это ей — все это — все, кем я являюсь, все, что у меня есть. — Я обещаю. — Мой голос звучит хрипло от эмоций, о которых я и не подозревал. — Теперь ты моя, а я не делюсь тем, что принадлежит мне. Правда этого ошеломляет меня. Я никогда раньше не хотел никого удерживать. Женщины всегда были временным отвлечением, приятным развлечением, которым можно наслаждаться и от которого можно отказаться. Но Таш... она другая. Она проникла мне под кожу, в мою кровь. Я никогда не отпущу ее. Теперь она принадлежит мне — разумом, телом и душой. И я уничтожу любого, кто попытается отобрать ее у меня.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.